

Гильом Джеймс. Анархия по Прудону

1874, источник: [здесь](#). Сноски, которые не помечены таким образом - (прим. авт/ред.), являются современным дополнением. Книга переведена на современную орфографию в 2021 году человеком, пожелавшим остаться анонимным.

Мы расскажем эти теории в том виде, как они развиты в двух сочинениях Прудона, писанных в эпоху революции 1848-го года и составляющих, по нашему убеждению, важнейший пункт его теорий. Это: «Общая Идея Революции XIX века» 1851-го года и «Исповедь Революционера» 1849-го года. Основная мысль этих двух сочинений есть разрушение политического государства и организация общества в экономическую федерацию. Мы не обязуемся строго следить за автором; пополняя его, где нужно, и критикуя во многих местах, мы постараемся в нашем труде не только дать понятие об идеях, которые Прудон распространял в 1848-м году, но и представить, на сколько возможно, общий свод федералистского учения организации труда в том виде, в каком оно принимается ныне большинством Международного Общества Рабочих.

- [История написания](#)
- [Предисловие](#)
- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Общая идея революции в XIX веке](#)
 - [Вступление](#)
 - [I. Введение \(Обзор первых трёх этюдов\)](#)
 - [II. Принцип власти](#)
 - [III. Общественная ликвидация](#)
 - [IV. Организация экономических сил](#)
 - [V. Критика идеи общественной ликвидации и её прудоновского плана](#)

- VI. Общество без правительства
- VII. Заключение
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Исповедь революционера
 - Вступление
 - I. Партии и правительство
 - II. Исторических обзор
 - III. 24-е февраля: Февральское Временное правительство
 - IV. 17-е марта
 - V. 16-е Апреля
 - VI. 15-е мая
 - VII. Бланки и Барбес
 - VIII. Июньские дни
 - IX. Заседание 31-го июля
 - X. Гора обращается в социализм
 - XI. Избрание 10-го декабря
 - XII. Народный банк
 - XIII. 13-е июня
 - Заключение
- Примечания

История написания

Вот что пишет Н. М. Пирумова насчёт этой книги:

«В типографии [бакунистов] печатались «Государственность и анархия» Бакунина, «Историческое развитие Интернационала», где почти все статьи были написаны им же, «Анархия по Прудону». В этой книге были изложены и частично процитированы две из последних работ П. Ж. Прудона: «Исповедь революционера» и «Общая идея революции XIX века». Особое внимание в ней уделялось проблемам федеративного переустройства государства раздроблением его на самоуправляющиеся области, передачи ассоциациям рабочих и служащих крупных предприятий промышленности и транспорта, установления договорных отношений между общинами и группами производителей, сотрудничающих в эквивалентном обмене. Обо всём этом Бакунин много говорил и спорил с Прудоном. Спустя несколько лет в кругу молодых русских [революционеров] Бакунин размышлял о развитии его идей»[1]

«В 1872 г. Зайцев поселился с Бакуниным в Локарно, где писал под диктовку старого революционера его воспоминания, переводил на русский язык «Анархию по Прудону». Книга эта вышла в Швейцарии в 1874 г. без обозначения автора. Бакунин был весьма заинтересован в ее публикации. В начале 1873 г. он обращался к русскому публицисту, увлеченному Прудоном, Н. В. Соколову с предложением написать брошюру в защиту Прудона «против Марксовой "Нищеты философии"». «Ты знаешь немецкий язык, — говорил ему старый революционер, — я дам тебе все материалы, а чего не хватит, выпишем». Ю. М. Стеклов считал, что, ввиду несогласия Соколова этот план по просьбе Бакунина был осуществлен Гильомом. Присоединяясь к этому мнению, хочу заметить, что книга содержит много бакунинских мыслей, возможно появившихся во время обсуждения ее содержания с Зайцевым, работавшим над ее переводом, а также имевшихся в тех материалах, которые, очевидно, дал Бакунин своему единомышленнику Гильому. При всем этом сомневаться в авторстве последнего нет оснований.»[2]

«Изложение и пропаганда анархизма в его прудонистском варианте составляли основное содержание творчества Соколова. Главной его работой в этой сфере стала книга «Социальная революция» (1869). Другая книга, принесшая ему большую популярность, — «Отщепенцы» — была написана вместе с В. Зайцевым и представляла собой исторические очерки по утопическому социализму, в которые были включены отрывки из многих недоступных в то время для русских читателей произведений западноевропейских мыслителей. По характеристике цензора, книга эта представляла из себя «Сборник самых неистовых памфлетов, имеющих целью подкопать все основы цивилизованного общества». Именно эта книга и статьи Соколова в «Русском слове» «обратили многих в России в социализм», — писал П. А. Кропоткин». «Отщепенцы» Соколова «тогда гремели в Петербурге... ими зачитывалась молодежь». Н. А. Морозов вспоминал, что эта книга,

«полная поэзии и восторженного романтизма, возвеличивающая самоотвержение и самопожертвование во имя идеала, унесла меня на небо».»[3]

Сама книга Пирумовой также очень интересна, рекомендую к прочтению.

Предисловие

Из всех мыслителей, способствовавших развитию современного социализма, самую большую славу приобрел Прудон. Этой известностью, по нашему мнению, имя его обязано до сих пор не столько идеям писателя, сколько нескольким формулам, в которые он облёк некоторые свои идеи; два, три изречения дерзко парадоксального пошиба прославили его в массе публики больше, чем все его экономические и философские теории. Имя Прудона гораздо более известно поэтому, чем его учение. Прибавим, что Прудон сам затруднил задачу тому, кто желал бы найти в его сочинениях цельный свод теории, образующий полную систему. В последние годы своей жизни он подверг свои сочинения пересмотру, принялся сам себя исправлять в мистическо-идеалистическом духе; этот дух резче всего выразился в его книге о *«Справедливости в церкви и Революции»*; а впоследствии его душеприказчики, адвокат Шодэ, расстрелянный Коммуной, и член Версальского собрания г. Ланглуа, эксплуатировали память философа в пользу своих буржуазных тенденций, так что теперь имя Прудона служит во Франции знаменем школы, которую автор *«Первого Мемуара о Собственности»* конечно не признал бы своей.

Мы полагаем, что для пропаганды социально-революционных идей будет делом весьма полезным восстановить в его истинном виде социализм Прудона и простым и ясным языком изложить главнейшие и важнейшие из идей его, которые он защищал с такой энергией и с таким талантом.

Желая лучше выяснить цель, которую мы задаём себе в настоящей книге, мы прибавим, что вовсе не имеем намерения подвергать разбору все сочинения Прудона, искать логические связи, соединявшей в уме автора одно из его учений с другим, следить за преемственной связью его идей и обличать в нём странное соединение философа-идеалиста с революционером-реалистом, метафизика с счетоводом. Подобный труд, где пришлось бы отвести много места на опровержение разных фантазий Прудона, особенно его теорий имманентной[4] справедливости и брака, был бы конечно очень интересен. Но мы имеем в виду не то.

Наш план, предписываемый нам утилитарной[5] пропагандистской целью этой книги, гораздо проще. Мы ограничимся выяснением только той части теории Прудона, которая вошла в общественную жизнь, будучи принята в программу Международного Рабочего Общества[6].

Мы расскажем эти теории в том виде, как они развиты в двух сочинениях Прудона, писанных в эпоху революции 1848-го года и составляющих, по нашему убеждению, важнейший пункт его теорий.

Это: *«Общая Идея Революции XIX века»* 1851-го года и *«Исповедь Революционера»* 1849-го года.

Основная мысль этих двух сочинений есть разрушение политического государства и организация общества в экономическую федерацию. Мы не обязуемся строго следить за автором; пополняя его, где нужно, и критикуя во многих местах, мы постараемся в нашем труде не только дать понятие об идеях, которые Прудон распространял в 1848-м году, но и представить, на сколько возможно, общий свод федералистского учения организации труда в том виде, в каком оно принимается ныне большинством Международного Общества Рабочих.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Общая идея революции в XIX веке

Вступление

«Общая Идея Революции в XIX в.»[7] разделена на семь этюдов[8], из которых не все одинаково для нас важны. В первых трёх служащих введением, Прудон устанавливает положение, что революции вызываются реакциями, затем он разбирается он разбирает, представляется ли в XIX веке достаточная причина для революции и отвечает утвердительно; наконец, он анализирует принцип ассоциации как его понимали коммунисты братства в 1848 году, а именно, Кабе, Пьер Леру, Луи Блан, и критикует его.

Следующие четыре этюда составляют сущность сочинения и содержат прудоновскую теорию ликвидации с её слабостями и ошибками, но также с её истинными и вполне научными сторонами. Прудон начинает общей критикой принципа власти; он следит за ним через все различные правительственные его преобразования и находит его в наших мнимых демократических учреждениях общей подачи голосов и прямого законодательства.

Идеи закона, продукту власти монарха-ли или большинства, он противопоставляет идею договора, свободно обсуждаемого и заключённого между членами общества. Следующий этюд посвящён плану социальной ликвидации, которую Прудон желает осуществить не посредством поголовной и безвозмездной экспроприации собственников в пользу общества, а законодательными мерами, результатом которых было бы, по его мнению, превращение по прошествии некоторого времени всех крестьян в собственников и доставление всем промышленным работникам дарового кредита, который, по его системе, всё равно обладанию орудиями труда.

Нам придётся внимательно разобрать этот план ликвидации и показать, в каких отношениях мы расходимся по этому предмету с идеями Прудона. Затем следует под заключением «Организация Экономических Сил» изложение экономического порядка, которым Прудон хотел заменить порядок капиталистический и который он называл порядком *взаимности* (mutuellisme, «мютюэлизм»). Здесь мы найдём его теорию организации кредита и теорию обмена, основанную на установлении ценности. Здесь нам также придётся делать много замечаний.

Наконец всё это завершается седьмым и последним этюдом «Общество без Власти».

Здесь Прудон показывает, что должно сделаться с разными правительственными функциями после Социальной Революции, и рисует нам картину *разложения правительства в экономическом организме*.

I. Введение (Обзор первых трёх этюдов)

Когда в обществе существует достаточная причина для революции, никакая человеческая власть не может помешать этой революции произойти. Если правительство или привилегированные классы пытаются воспрепятствовать ей, эти усилия подавить революционную силу, эти реакции хоть на время кажущиеся успешными, они только усиливают, в сущности, силу, которую хотят подавить; они только помогают революционной идее формулироваться; только вернее указывают революции путь, которым она должна следовать; только начёртывают её дорогу, которую предоставленный самому себе революционный инстинкт, быть может, долго искал бы безуспешно.

Не углубляясь далеко в историю, чтобы искать примеры в доказательство этого положения, возьмём пример реакции 1848-го года. Ни резня пролетариев, ни уничтожение политической свободы не могли задушить революции.

Напротив того, реакция послужила революции, дала ей средство яснее определить свои идеи, вернее формулировать свою программу.

Что такое социализм после падения монархии Луи-Филиппа во Франции в 1848-м году?

Нескладный протест против злоупотребления старого мира, инстинкт, а для многих даже мистическая доктрина; наукой он не был ни для кого. Когда враги требовали определения социализма, двадцать разных соперничающих школ предлагали каждая своё. Тут были и государственные коммунисты Кабе, и другие коммунисты с другим правительственным оттенком школы Луи Блана; сенсимонисты, опять разделённые на несколько школ; ученики Пьера Леру, отпавшие от сенсимонизма; фаланстерианцы или фурьеристы Консидерана, позитивисты, следовавшие за Огюстом Контом в его религиозных бреднях; немногочисленная кучка последователей Прудона, и множество других сект. Этот социализм, почти без исключения утопический, сентиментальный и авторитарный, почти не заслуживал считаться серьёзной партией. Оставаясь в области фантазии и диалектики, он не имел никакого влияния на народные массы. Но вот после трёх месяцев республики, Национальное Собрание отвечает народу на его требование хлеба июньской резнёй. В этот день, несмотря на поражение пролетариата, социализм вдруг стал силой, потому что реакция, которая, поражая народ, воображала, что поражает социализм, учредила этим самым солидарность между протестом народа и теориями мыслителей. С этой минуты социализм отождествился с народом, быстро потерял свой сектантский характер; школьные доктрины отошли в нём на задний план, и он сделался выражением требований угнетённых работников. Но этим требованиям надо было определиться, формулироваться; надо было

точно знать, на какие именно учреждения следует нападать, надо было выйти из рутинной политики и из старых недоразумений. Реакция сама взялась воспитать социализм в этом смысле. Прежде всего она научила его, что республика ещё не значит революция, как до сих пор думали; что при республиканском правительстве как при всяком другом, народ необходим, чтобы служить в нём в качестве эксплуатируемого материала. Однако работники всё-таки продолжали думать, что спасение должно прийти им от государства; они воображали, что какой-нибудь диктатор, который будет управлять государством в пользу будто бы народа, может помочь их нужде; 10-го декабря 1848-го они выбрали Луи Бонапарта в президенты республики.

Результатом этого нового опыта было окончательное исцеление рабочих от мысли верить в какого-нибудь спасителя; они поняли, что освобождение их должно быть делом их самих. Но у них ещё оставалось другое заблуждение: они считали, что, владея общим избирательным правом, они имеют в нём верное средство действительно пользоваться своим самодержавием, они не могли простить Законодательному Собранию, что законом 31-го мая 1850-го оно лишило их этого мнимого гаранта народных вольностей; и они с благодарностью приняли возвращение им общего избирательного права, которое Бонапарт подарил народу после государственного переворота 2-го декабря для радостного ознаменования своего вступления на престол. Впоследствии императорские плебисциты излечили работников от этого заблуждения, и социализм вычеркнул общее избирательное право из своей программы. Он понял, что народный выбор тогда только может иметь смысл и цену, когда совершается среди рабочей корпорации[9] и когда предметом его служит вопрос, непосредственно подлежащий контролю избирателей работников; в условиях же в каких народные выборы совершаются в политических государствах, они могут только служить правительственной власти санкций, не имеющей никакого нравственного значения. Реакция играет эту роль революционного агента и учителя не только в отношении народа, но и в отношении отельных мыслителей, и сам Прудон свидетельствует об этом:

“ «Революционная партия, говорит он, при Временном Правительстве и Исполнительной Комиссии существовала лишь в воздухе; она ещё только искала своей идеи, скрытой под мистическими формулами. Реакция, вопя против грозного призрака договорилась до того, что превратила призрак в живое тело, в великана, который одним мановением может уничтожить её. В настоящее время я решаюсь наверно утверждать то, о чём до июньских дней я едва догадывался, то, что я познал лишь с этих дней и мало-помалу, день за день, под огнём реакционной артиллерии, что революция определилась; она сознала себя – следовательно, она совершилась».

Доказав непобедимость революции; силы которой только растут от усилий реакции подавить её, Прудон переходит к другому вопросу: Существует ли в XIX-м веке настоящая необходимость в революции?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо сперва разобраться, в чем заключается современное общественное стремление, к чему оно направлено; если окажется, что общество стремится по пути безусловно и прогрессивно дурному, необходимость революции будет таким образом доказана.

Посмотрим же, каково положение, созданное во Франции буржуазным порядком, учреждённым в 1879-м.

Революция, предпринятая в конце прошлого века против дворянства и монархии, имела двоякую задачу; задача это состояла в том, чтобы уничтожить во Франции и в Европе феодальный и военный порядок и заменить его всюду порядком равноправности или промышленности

Но дело в том, что никто из людей, взявшихся за решение этой задачи, не понял второй половины её; причины, почему революционеры 1789-го оказались несостоятельны в этом отношении, были те же, которые привели к столь жалкой неудаче предприятие февральских республиканцев, а именно, экономическое непонимание, правительственный предрассудок, недоверие к пролетариату. Потом, в 1793-м, вследствие покушений реакции пришлось для защиты от неприятельского нашествия организовать военным образом и создать громадную централизацию сил. Принцип централизации, обширно применённый Комитетом Общественного Спасения, превратился в догмат у якобинцев, которые передали его империи и последующим правительствам.

Таким образом, с первых же дней политика обошла промышленность; принцип власти и централизации сохранился; вместо нового общества, которое должна была создать революция 1789-го, получился лишь ужасный хаос; сущность этого хаоса состоит в возрастающей нищете рабочих классов и в возрастающей развращённости правящих сословий.

Мы представим относительно этого существенного направления современного общества доказательства, заимствованные из области материальных фактов и статистики.

Экономическими силами называют известные начала экономической деятельности, как-то: *разделение труда, конкуренция, коллективная сила, обмен* и проч. Если общество основано на справедливости, результаты этих сил должны быть неизбежно полезны; если, напротив, организация общества уродлива и несправедлива, экономические силы производят рядом с пользой такое же количество вредных результатов. Таким образом, вредные или удовлетворительные результаты действия экономических сил могут служить для исследователя указанием, такова ли данная общественная организация, каковой она должна быть.

Всем известно разделение труда и его чудные последствия для промышленности; ему нынешнее производство, главным образом, обязано своим громадным развитием; без него материальный прогресс был бы невозможен. Таковы неоспоримые выгоды, доставляемые этой экономической силой. Но, с другой стороны, отсутствие организации труда, в которой употребление этой силы было бы как следует уравновешено, обрекает работника на

механизм, убивающий его умственные и нравственные способности. Это неизбежный результат разделения труда, когда оно как в современном порядке, направлено не только к усилению производительности индустрии, но и к тому, чтобы, эксплуатируя работника в физическом и умственном отношении, обогащать на его счёт предпринимателя и капиталиста. «Работа совершенствуется, работник тупеет», говорит по этому поводу наблюдатель более чем беспристрастный, господин де Токвиль[10]. Впрочем, все экономисты согласны с этим и надо прибавить к их стыду – они не признают возможности, чтобы дела шли иначе.

Таким образом, личная ценность работника падает и спрос на труд уменьшается вследствие прогресса машин; а в то же время падает и заработная плата. В Англии вследствие разделения труда и развития машинного производства число рабочих рук в некоторых ремёслах последовательно уменьшилось на треть, на половину, на три четверти, на пять шестых; заработная плата, падая в той же пропорции, понижалась с 3-ёх франков и до 50-ти и 30-ти сантимов. Всюду в мануфактурах место мужчин заняли сначала женщины, потом дети. В обедневшем народе потребление не может держаться наравне с производством, которому поэтому приходится выжидать; отсюда правильные приостановки в работе, продолжающиеся по шесть недель, по три месяца, по полугод.

Результатом является факт, подтверждаемый ужасающими статистическими данными, что в Париже некоторые работники, получающие по франку в день и остающиеся без работы постоянно по 6 месяцев в год, вынуждены жить на 50 сантимов в день!

Но не одно разделение труда является источником нищеты для работников. Тоже можно сказать и о других экономических силах, например, о *конкуренции*, которая при нынешнем положении дел приносит выгоду только капиталистам. В самом деле, между капиталистами конкуренции не существует; они ухитрились восстановить в свою пользу промышленные и торговые монополии; конкуренция существует лишь между работниками, и благодаря ей капитал может покупать труд по ценам всё более и более убийственным для рабочего класса.

Итак, мы приходим к заключению, что экономические силы порождают зло; следовательно, общество дурно организовано.

Много других фактов доказывают постоянное возрастание нищеты работников, имеющее последствием вырождение племени. Так доказано, что в течении последнего полувека средний рост рекрутов понизился. Уголовная статистика свидетельствует, что цифра преступлений, преследуемых обвинительной властью, растёт с каждым годом: в 1827-м она была 47,443, а в 1847-м – 124,159; в делах, подлежащих исправительному суду, оказалось такое же возрастание: в 1827-м было 159,740 обвинённых, в 1847-м – 239,291.

“ «Работник, говорит Прудон, тупеет под влиянием мельчайшего разделения труда, машинного производства и невежественного воспитания; он

впадает в уныние от постоянного падения заработка; развращается перерывами работы; голодает от монополий; и когда остаётся, наконец, без хлеба и крова, без гроша и без надежды; голодный и холодный, он принимается нищенствовать, побираться, плутовать, воровать, убивать; пройдя через руку эксплуататоров, он достаётся в руки судьям. Ясно-ли?»

Таково положение рабочего класса. Взглянем, что делается с правительствующим сословием. Проценты государственного долга Франции составляли 1-го апреля 1814-го – 63,307,637 франков; 31-го июля 1830-го – 199,417,208 франков; 1-го января 1847-го – 237,113,366 франков; 1-го января 1851-го – 271,000,000 франков. С того времени, как писал Прудон, прогрессия эта ускорила свой ход; и это до такой степени вытекает из самой сущности правительства, что удержать это возрастание нет никакой возможности, что можно наверняка предсказать минимальные цифры государственного долга в таком-то будущем году и заранее определить несомненный момент неотразимого государственного банкротства.

Тоже и относительно бюджета. Первый правильный бюджет после директории[11] был бюджет 1802-го года, составлявший 589,500,000 франков; в 1819-м бюджет простирался до 863,853,109 франков; 1829-м до 1,014,914,432 франка; в 1840-м до 1,298,514,449 франков; в 1858-м до 1,692,181,111 франков. В течение этих 46-и лет ежегодное увеличение составляло средним числом по 24 миллиона. В последние годы второй империи[12] бюджет достиг 3-х миллиардов. В настоящее время увеличение идёт ещё быстрее, благодаря последней войне[13]; и всякая попытка государственных людей остановить эту роковую прогрессию была бы также безуспешно, как попытка остановить увеличение государственного долга, потому что была бы отрицанием самой правительственной сущности.

Почему правительство вынуждено увеличивать ежегодно свои расходы и всё больше и больше лезть в долги? Объяснить это легко. По законной фикции, правительство имеет назначение защищать личность, промысел и собственность каждого лица. Следовательно, если по силе вещей собственность, богатство, благосостояние сосредотачиваются все в одних руках, а остальным достаётся только нищета, то правительство оказывается по самой своей сущности защитником богатого класса против бедного. Волнение рабочих классов само собой становится всё сильнее, и привилегированным классам угрожает всё большая опасность, а потому и правительство вынуждено постоянно увеличивать свои средства защиты, число своих чиновников и численность своей армии.

По Прудону число чиновников увеличилось с 1830-го по 1848-й на 30,000 и в 1848-м простиралось до 568,365; следовательно, из каждых девяти человек один жил на счёт бюджета государства или общины. Понятно, что с тех пор число чиновников ещё увеличилось. Что касается армии, то сравнительные цифры её состава цитировались так часто, что бесполезно приводить их; напомним только, что с 1830-го по 1848-й бюджет армии и флота Франции возрос постепенно с 323,980,000 до 535,837,000, следовательно, увеличился средним числом на 12 миллионов ежегодно.

Кто платит проценты займов и другие статьи бюджета? Кто выплачивает жалование легионам чиновников и солдат, единственное назначение которых – упрочить сохранение капиталистического порядка и держать работников в покорности и нищете? Кто, как не работники же. Все налоги, в конце концов, падают на работников и взимаются с продуктов их труда. Правда, капиталист будто бы также платит налог и даже платит его как будто пропорционально своему богатству; он будто бы платит за свои земли, за свой дом, за свою мебель, за свои переезды и путешествия, за своё потребление и прочее, как и все прочие граждане. Но чем он платит? Своим доходом. Но что такое его доход, как не несправедливый побор, который этот тунеядец взимает с продукта чужого труда? Стало быть, он оплачивает налог добычей, взятой у пролетария, т.е., другими словами, он делится с правительством этой добычей. Они сговариваются, как два базарных жулика, грабить народ сообща. Правительство говорит капиталисту: «Я тебе гарантирую спокойное обладание частью народного труда, которую ты себе забираешь под предлогом мнимых заслуг, будто бы оказываемых тобой народу; за эту гарантию ты мне будешь отдавать под видом налога часть богатств, которых не производил, её в по существу будут выплачивать работники, но так как она предварительно проходит через твои руки, то будет считаться, что платишь её ты».

Приверженцы правительственного порядка отвергают всеми силами своей души эту критику, которая атакует сами учреждения, а не личности. Виноваты ли наши учреждения, восклицают они, в том, что общественное достояние предаётся расхищению? Виновата ли наша чудная централизация в том, что налог, разросшийся до чрезвычайности, тяготеет на работнике больше, чем на собственнике? Виноват ли конституционный принцип в том, что наша армия и наш флот оказались в жалком состоянии, не смотря на щедрость бюджета? Это вина подлых министров, взяточников, казнокрадов, пользовавшихся бюджетом для корыстных целей своих и своих бесчисленным креатур[14]?

Прекрасно. Но это не только не опровергает нашего вывода, а подкрепляет его. К существенным недостаткам системы надо, следовательно, прибавить подлость приводящих её в действие людей. И, действительно, развращённость исполнителей есть необходимое дополнение правительственной системы. Цель этой системы есть прежде всего охранение капиталистического феодализма, охранение его привилегий; поэтому она вынуждена всюду заготавливать себе усердствующих креатур, награждать их усердие и заслуги многочисленными средствами, предоставляемыми в её распоряжение бюджетом. Продажность есть душа централизации.

Стоит только припомнить скандалы времён Луи Филиппа[15], второй республики[16], второй империи; но это лишнее для нашей цели. Сами друзья этих правительств не отрицали порчи; никто не оспаривал факта её существования, но никто кроме социалистов не хочет понять, что она составляет естественный и роковой продукт правительственного порядка.

После этого краткого обзора общего положения дел, мы можем положительно утверждать, что общее направление общества радикально дурно; что причины виденных нами плачевных явлений кроются в самих основаниях современного общественного строя; и что, следовательно, в XIX-м веке существует достаточная причина для революции.

Затем Прудон делает отступление, подвергая разбору *принцип ассоциации*. Мы не последуем за ним в подробности этого разбора, где нам пришлось бы указать ошибки и противоречия, что было бы излишне, так как в настоящее время вопрос об ассоциации решён, и решён против Прудона.

В 1848-ом ему приходилось бороться против апостолов *братства*, желавших основать ассоциацию на мистическом начал самопожертвования, и Прудон справедливо восстал против этой опасной сентиментальной теории. Однако он не отказался признать закон солидарности; он только отвергает рабство и эксплуатацию в новой форме, которые были бы необходимым продуктом братнической ассоциации. Он ищет такой организации труда и экономических сил, которая, не порабощая человека человеку, оставляла бы производителю полнейшую свободу, облегчала бы труд, придавала бы работнику страсть к работе, удваивала бы его продукт, создавала бы между людьми солидарность чуждую всего личного и соединяла бы их узами более прочными, чем все измышления сентиментальной братнической ассоциации. И эту программу мы вполне принимаем.

Прудон упустил только из виду новый образ производства, предписываемый промышленностью и земледелию потребностями современного потребления и употреблением машин. Часто индивидуальный труд становится всё более и более невозможным; его с каждым днём вытесняет коллективный труд; другими словами, мелкая промышленность и мелкое земледелие всё более уступают место крупной промышленности и крупному земледелию. Ныне эти великие орудия труда принадлежат исключительно капиталисту, который монополизировал их и обращает в свою пользу; но, когда после революции их обратят в общую пользу, окажется невозможным раздробить их и дать каждому работнику частицу, ибо орудие труда, машина или земледельческая эксплуатация, по самой природе своей нераздельно; следовательно, воспользоваться им может только ассоциация. Вот откуда вытекает необходимость ассоциации, как общей формы труда в будущем.

Впрочем, Прудон понял отчасти эту истину. Он признаёт, что в некоторых случаях ассоциация разумна:

“ «Да, говорит он, ассоциация имеет своё законное место в народной экономии; да, рабочие общества полные надежд как протест против наёмного труда и как заявление взаимности, призваны играть важную роль в ближайшем будущем. Эта роль будет состоять главным образом в употреблении крупных орудий труда и в исполнении некоторых работ, требующих и большого разделения функций, и, вместе с тем, большой коллективной силы. Таковы, между прочим, железные дороги».

Стоило обобщить эту идею, чтобы дойти до совершенной истины. Надо было понять, что в будущем возможны только крупные орудия труда, которые, по словам самого Прудона, могут приводиться в действие лишь рабочими обществами, организованными в ассоциации.

Следовательно, ассоциация есть та форма организации, которую промышленность само собой заставит работников принять.

II. Принцип власти

До того времени, когда новейший социализм начал формулировать свою программу, люди не могли вообразить себе общества иначе, как в форме правительственной, т. е. в виде общества, управляемого властью, которой поручено охранять порядок и воздавать правосудие. Принцип этот не изменялся от формы правительства, монархической, аристократической или демократической. В течение веков самые смелые, - самые революционные умы, поработанные предубеждением, что существование правительства в обществе обуславливается самой сущностью общества, никогда не решались требовать чего-нибудь больше перемены правительства; никому не приходило в голову подвергнуть сомнению само правительство.

Ещё и теперь правительственный предрассудок, от которого освободился пролетариат некоторых самых передовых стран Европы, властвует во всей силе над умами рабочих классов Германии, Англии и Америки. О правительстве ещё продолжают говорить: дурно не учреждение, а злоупотребление, и всё пошло бы прекрасно, если бы преобразовать учреждение по воле рабочих: так- то в древности добрый народ говаривал: Зол не король, а министры; ах, кабы король знал, да ведал! ...

Спросите приверженцев авторитарного начала, на чём основана их вера в необходимость правительственной власти, они ответят:

“ «На том, что общество не может обходиться без порядка; на том, что во всяком обществе должны быть люди, повинующиеся и трудящиеся, и люди, повелевающие и управляющие; на том, что индивидуальные способности людей неравны, интересы людей противоположны, страсти их взаимно враждебны, частное благо каждого противоположно общему благу; поэтому нужна власть, указующая предел прав и обязанностей; власть, служащая посредницей для решения столкновений; нужна общественная сила, исполняющая и заставляющая соблюдать мир. Словом, правительство есть принцип и гарантия общественного порядка; так говорит нам и здравый смысл, и природа».

Это рассуждение повторяется от начала обществ. Во все времена, в устах всех правительств оно неизменно; оно повторяется слово в слово, без изменений и в книгах мальтузианских экономистов, и в реакционных газетах, и в манифестах республиканцев. Единственная

разница между ними состоит в размере уступок, которые они допускают в пользу свободы; но все эти уступки равно несостоятельны и только придают так называемым либеральным конституционным и демократическим формам правления, характер лицемерия и фальши, делающей их ещё более презренными.

Разберём же, есть ли государство единственная форма, в которой может существовать человеческое общество; есть ли принцип власти, выражающийся в *законе*, необходимое условие всякой справедливости.

Мы утверждаем, что существует высшая собственная форма и что к ней то должно прийти человечество, вышедшее из дикости и прошедшее эпоху религиозного и политического авторитета; оно должно прийти к ней вследствие того развития, какое в новейшем обществе получило промышленное и земледельческое производство и тех условий, какие созданы этим новым производством для пролетариата

В этой общественной форме нет и помина об определении посредством *закона* отношений гражданина к правительству; в ней *договором* определяются отношения человека к человеку. Человек здесь не поданный, предоставленный произволу государя или капризу закона, в составлении которого он не участвовал и на который он не давал своего согласия; это производитель, свободно располагающий своей личностью и продуктом своего труда, вступающий с другими людьми в договор, которым гарантирует свои права и определяет взаимные обязательства.

В этом новом понятии об обществе идея власти исчезает; власти нет, закона, выражения воли власти, нет; *политического* порядка нет. Его заменяет порядок *экономический* или *промышленный*; принцип власти заменён принципом *взаимности*; люди здесь не повинуются закону, т. е. внешней воле, а соблюдают договоры, свободно обсуждённые и свободно принятые. Этот порядок Прудон окрестил именем *анархии* – «безвластия».

Прежде чем современный социализм дал ясное определение и научное доказательство антигосударственной теории, XVIII-й век угадал часть этой великой идеи, но не нашлось никого, чтобы сформулировать её. Напротив, тот, кто в то время предпринял подвергнуть критике монархическую власть и найти рациональную организацию общества, Жан Жак Руссо, только восстановил правительственную идею, перенеся самодержавие с монарха на народ. Уже самое заглавие, которое Руссо дал своей книге: «Общественный Договор» могло наставить его на истинный путь; но он не понял его смысла.

“ «Установив принципом, говорит Прудон, что народ есть единственный самодержец, что представителем его может быть лишь он сам, что закон должен быть выражением воли всех и тому подобные пышные пошлости, которыми пользуются все трибуны. Руссо вдруг покидает свой тезис и бросается в околесную. Во-первых, на место общей, коллективной нераздельной воли он подставляет волю большинства; потом, под

предлогом, что народу невозможно с утра до ночи заниматься общественными делами, он возвращается избирательным путём к назначению представителей или выборных, которые будут законодательствовать во имя народа и решения которых будут иметь силу законов. Вместо того, чтобы самому непосредственно, лично договариваться о своих интересах, гражданин может только большинством голосов выбирать посредников. Сделав это, Руссо очень доволен. Тирания, кичившаяся божественным правом, была ненавистна; он её преобразовал и сделал почтенной, выведя её из народа. Другими словами, это учёная передержка, узаконяющая общественный беспорядок, освещающая народную нищету во имя народного самодержавия. Притом во всём этом нет и помина ни о труде, ни о собственности, ни о промышленных силах, организация которых составляет цель Общественного Договора. Руссо понятия не имеет о народной экономии. Его программа толкует исключительно о политических правах; права экономического он не признаёт».

Прудон продолжает разбирать книгу Руссо, показывая в ней начало якобинской и конституционной правительственной теории, и говорит в заключение:

“ «Насмеявшись таким образом над читателем и соорудив под обманчивым именем Общественного Договора уложение капиталистической и торгашеской тирании, женевский шарлатан приходит к заключению, что пролетариат необходим, что нужны диктатура и инквизиция».

Руссо был оракулом якобинских революционеров 1793-го, и Робеспьер, государственный, друг попов, восстановитель верховного существа, палач анархистов, был его прямой потомок.

Прудон питает глубокую ненависть к Робеспьеру; видя в нём полнейшее олицетворение принципа власти, погубившего первую революцию. Он посвящает ему несколько страниц, где резкость брани и преувеличения, отступающие от строгой исторической правды, могут привести в смущение читателя, мало знакомого с приёмами автора. Не надо придавать этой резкости Прудона больше значения, чем он сам придавал ей. Он увлекался своей горячностью, и, начиная рассуждать, сам не знал, до каких крайностей увлечёт его полемический азарт. Имея перед собой противника, он устремлялся на него с одной целью - побить его, такое увлечение неизбежно в каждом борце, который, подобно Прудону, действует на кипучей арене ежедневной революционной жизни. С этой оговоркой мы приведём дальнейшие слова Прудона о Робеспьере.

«Когда Конвент *жалкой памяти*, говорит Прудон, принял якобинскую конституцию 1793-го, он отложил приведение её в исполнение до заключения мира. Эта конституция учреждала *прямое правительство*, т. е. постановляла, что закон должен вотироваться прямо народом. Но Руссо в своём *Общественном Договоре* доказал, что прямое правительство невозможно, так как по его системе закон вотирует и власть отправляет большинство; а между тем не согласно с естественным порядком, чтобы большинство правило, а меньшинство было управляемым»

«Далее, он доказал, что прямое правительство невозможно особенно в такой стране, как Франция, потому что для этого прежде всего потребовалось бы уравнивать состояния, а равенство имущества невозможно»

«Сверх того, он доказал, что именно вследствие невозможности соблюдать равенство имущества прямое правительство самое порочное, самое опасное, более всех влекущее за собой катастрофы и междоусобия»

«Он доказал также, что как древние демократии не могли удержаться, несмотря на свои малые размеры и на помощь, какую им оказывало рабство, то тем безуспешнее должна оказаться попытка учредить эту правительственную форму у нас»

«Наконец, он решил, что эта форма возможна для богов, но не для людей»

«Итак, Робеспьер, вернейший ученик Руссо, не допускал возможности практического осуществления конституции 1793-го; он всегда весьма ясно высказывался в пользу косвенного, т. е. представительного правления. В 1791-м он говорил, что он не республиканец и что в известной монархии может быть больше свободы, чем в иной республике; это было правило Руссо, который говорил: Государь сам по себе, а монарх сам по себе; первый не исключает второго; первым может быть народ, и народное самодержавие вполне совместимо с наследственной монархией»

«Итак, Робеспьер не верил в конституцию 1793-го и желал учреждения представительного правления, чего-то в роде республики с президентством; потому он разошёлся сперва с *анархистами*^[17], которые боролись против властей Конвента за автономию Парижской Общины и имели предчувствие, хотя затуманенное дымом революционных пушек, об антигосударственной теории; затем он разошёлся и с дантонистами^[18], подозревая их в том, что они серьёзно хотят осуществления прямого правительства. Тогда он попробовал образовать правительственную партию и предложил в Конвенте, произведя предварительно очистку комитетов, усилить централизацию власти. Но умеренная и буржуазная партия в Конвенте, к которой он и обращался, хотя разделяла его виды, но

не имела к нему доверия; эти честные люди, конечно, желали возвратиться к правлению не прямому, а представительному, но не желали Робеспьера, а те самые люди, на которых он рассчитывал, как на союзников в своей попытке реакции, отступились от него и выдали его на мечь Горы[19]. Однако, пособив монтаньярам погубить Робеспьера, большинство Конвента приняло программу низверженного государственника, напало на последних приверженцев прямого правления, поразила их и заменило конституцию 1793-го Директорией»

«В этом новом правительстве место Робеспьера было бы по всем правам рядом с Съёйесом, с Камбасересом и другими подобными, которые имели очень определённые понятия о прямом правлении и желали, как можно скорее вернуться к представительному, хотя бы затеваемая ими реакция против демократии привела их к империи. После 1830-го Робеспьер принадлежал бы к династической оппозиции, а после февраля 1848-го поддерживал бы временное правительство: наконец, ненависть его к атеистам и инстинктивное влечение к попам заставило бы его, вероятно, подать голос за римскую экспедицию»

В заключение этой долгой диатрибы Прудон сравнивает якобинцев 1848-го с якобинцами 1793-го и превосходно характеризует деятельность этой партии, «дважды погубившей революцию».

“ «Увы! Измена всегда приходит от своих».

«В 1848-м, как в 1793-м, революция была задержана своими собственными представителями. Наше республиканство, как старый якобинизм, всегда было буржуазной выкидкой без принципа и без плана; ему и хочется, и не хочется; оно постоянно ворчит, подозревает и всё-таки остаётся в дураках; оно всюду, вне своей категории, видит бунтовщиков и анархистов; копаясь в полицейских архивах, оно умеет находить там только слабости патриотов, вымышленные или же действительно случавшиеся[20]; оно запрещает культ Шателя[21] и поручает архиепископу парижскому петь молебны; во всех вопросах оно избегает называть вещи настоящим именем, чтобы не скомпрометироваться; откладывает все решения, ни на что не отваживается, питает недоверие к ясным доводам и к определённым положениям. Н опять ли это Робеспьер, этот болтун без инициативы, находивший, что Дантон слишком мужественен, порицавший его великодушную смелость, на которую чувствовал себя неспособным, державшийся в стороне 10-го августа, не выразивший никакого мнения о

сентябрьской резне, подавший голос и за конституцию 1793-го, и за её отсрочку до мира; осуждавший праздник Разума и устроивший Праздник Верховного Существа; преследовавший Каррье[22] и поддерживавший Фукие-Тенвиля[23], лобзавший утром Камиля Демулена[24] и приказавший вечером арестовать его; предлагавший уничтожение смертной казни и редактировавший прериальский закон[25]; обошедший одного за другим Сьейеса, Мирабо[26], Барнава[27], Петиона[28], Дантона, Марата, Эбера и затем гильотинировавший одного за другим и Эбера, и Дантона, и Петиона, и Барнава, первого за то, что он анархист, второго за то, что он умеренный, третьего за то, что он федералист, четвёртого за то, что он конституционалист; уважавший только правительственную буржуазию и отступническое духовенство; компрометировавший революцию то по поводу присяги духовенства, то по поводу ассигнаций, щадивший только тех, кто находил спасение в молчании или в самоубийстве; и павший, наконец, в тот день, когда оставшись почти один среди людей золотой середины, попытался в сообщничестве с ними обуздать революцию в свою пользу»

«Десятого августа 1792-го, когда монархия рушилась под ядрами предместьев, Робеспьер и его якобинцы ещё держались за конституцию 1791-го, забрызганную кровью нансийских солдат[29] и патриотов Марсового поля[30]. Они занимались перестрелкой с высоты своей парламентской цитадели и боялись людей говоривших, что надо отправить к чёрту монархию с конституцией. Они никогда не могли простить смелым революционерам, особенно Дантону, который потащил их как ленивых псов на травлю конституционной монархии, тогда как они надеялись сделаться со временем её руководителями и распорядителями. Конституция, говорил Робеспьер, удовлетворяет революцию».

«Ненависть этой партии, опившейся кровью лучших граждан, преследует нас и теперь. Я могу примириться с людьми, потому что подобно им, подвержен заблуждениям; но с партиями никогда. Пусть же они продолжают, ибо, увы! Революция не так-то скоро освободится от уз. Мы охотно пожертвуем инициативой и более умеренным, лишь бы они свершили революцию. Мы скажем Робеспьеру, как Фемистокл Эврибиаду: *рази, клевет правительства, рази, сикофант Революции; рази, ублюдок Лойолы, тартюф Верховного существа, рази, но выслушай!*»

Считаем нужным прибавить, что мы не согласны с Прудоном относительно отречения от революционной инициативы в пользу противников – это была бы большая глупость. Впрочем, и со стороны Прудона это больше риторическое выражение.

Критика принципа власти в его древних формах, теократии, монархии, аристократии, - дело лёгкое, и она была сделана гораздо раньше Прудона, так что мы не считаем нужным останавливаться на ней. Гораздо важнее изобличить последнюю личину принципа власти в форме *общего избирательного права* и так называемого *прямого законодательства*, и это то мастерски исполнил Прудон. Много хороших умов долгое время обманывались этими демократическими учреждениями, находя в них гарантию свободы и равенства, надо было, следовательно, показать, что такое общее избирательное право в приложении к политике; надо было раскрыть в прямом законодательстве последнее воплощение правительственной идеи.

Общее избирательное право может служить или для избрания доверенных лиц, или для заявления мнения по вопросам о принципах, и в последнем случае, результат его есть прямое законодательство.

Разберём сначала общее избирательное право в приложении к выбору народных уполномоченных.

Защитники представительной демократии говорят: Прежде недостаток власти состоял в том, что она принадлежала наследственно одному семейству или одному сословию, следовательно, не исходила от всего народа; но с той минуты, как весь народ участвует в назначении своего правительства и как правительство не имеет другой власти, кроме вверенной ему всеми гражданами, правительство перестаёт быть чуждым народу, перестаёт быть его повелителем; оно становится истинным выражением народной воли.

Эти защитники демократического правительства забывают, что верховная власть не может переноситься по уполномочию по той причине, что передавший её другому, сам непременно теряет её; стало быть, народ, передавший свою верховную власть выборным, тем самым отрекается от свободного распоряжения собой и перестаёт быть сам себе господином, ставя других своими повелителями.

Затем в сущности всё равно, учреждён ли этот повелитель соизволением Божиим или завоеванием, или собственным выбором народа; результат всё тот же - народ подвластен; им управляют; он повинуется.

На этой возражают, что уполномоченные народа, вышедшие из его верховной власти, не управляют, по крайней мере, против народа, ибо это противоречило бы самому происхождению их власти. Избранные, как наиболее способные, выражать и исполнять волю народа, они не могут действовать против тех, от кого получили своё полномочие

Однако опыт доказывает противное. Уполномоченные, облечённые властью, всегда очень мало обращали внимания на своих доверителей, кроме разве кануна выборов: они всегда предпочитали частные интересы общим. Сверх того, предположение, будто правительство, избранное общей подачей голосов, перестанет быть чуждым народу и будет верным выражением народной воли, это предположение, говорим мы, опровергается и теорией, и фактами. Возьмите из среды народа людей, которых вы считаете самыми близкими по чувствам к народу и которые, по-вашему, всего вернее будут представлять общую волю;

сделайте этих людей правителями; если они согласятся принять эту роль, вы этим самым создадите для них новые чувства и интересы, совершенно отличные от чувств и интересов необходимости находится в полном противоречии интересов с управляемым, и не может иметь с ними ничего общего ни в чувствах, ни в желаниях.

Притом, как мы показали в предыдущей главе, в обществе, где господствует экономическое неравенство, задача правительства, состоящая в защите *приобретённых прав*, в охранении существующего порядка, по необходимости должна быть направлена к охранению имущего класса против неимущего, капиталиста против требований работника; правительство по необходимости является щитом эксплуататора, палачом эксплуатируемых. По горькой иронии логики фактов искренние демократы, принявшие правительственное полномочие с твёрдым и добросовестным намерением служить народному делу против кастовых привилегий, вынуждены были силой своего правительственного положения сделаться союзниками и сообщниками эксплуататоров, которых сами проклинали, и отправлять свою роковую власть единственным способом, которым она может отправляться, т. е. против свободы.

И не ясно ли в самом деле? Может ли власть, не налагая сама на себя рук, действовать против своего собственного начала? Не есть ли она прямое отрицание свободы? И неужели трудно понять, что всякое намерение сохранить свободу под властью, учредить *власть либеральную*, охранить свободу помощью какой-нибудь власти – есть противоречие, нелепость?

Но разберём до конца рассуждение правительственных демократов.

Народ, говорят они, обеспечен против измены своих правителей; как скоро они перестали выражать его волю, он выбирает на их место новых. Исходя из этого положения, старались усилить гарантии народной свободы сокращением срока депутатского полномочия и даже требовали, чтобы депутат мог быть во всякое время отрешён своими избирателями.

Но эта гарантия призрачна. Действительно, новые депутаты, избранные народом, роковым образом становятся тотчас по избрании точно тем же, чем были отрешённые депутаты; в них воплотился принцип власти, и во имя этого принципа они действуют; сама природа вещей требует, стало быть, чтобы деятельность их шла в ущерб свободе граждан. Пришлось бы вечно начинать сызнова; народу опять придётся переменять своих выборных, опять выбирать новых, которые при столь же благородных намерениях, как и прежние, будут опять представителями правительственного принципа, стало быть, защитниками власти, эксплуатации и привилегии.

Предлагают ещё средство. Народный выборный должен быть связан *условным полномочием* [31].

В таком случае нельзя сказать, что народ отчуждает свою власть, отрекается от неё, так как он сам является здесь выражать свою волю, и его уполномоченный есть не более как его глашатай. Прекрасно. Но ведь каждый уполномоченный представляет лишь часть народа, лишь свою избирательную коллегия, и возможно, что их условные полномочия окажутся в

противоречии между собой. В таком случае восторжествует большинство уполномоченных, и та часть народа, которую представляет меньшинство, воля их будет попорана.

Если бы даже каждый уполномоченный служил выражением своего народа или, что тоже, если бы был только один уполномоченный, которому весь народ дал бы условное полномочие, то и тут неизбежно окажется насилуемое меньшинство, ибо в виду противоречия интересов, создаваемого нашим порядком социального неравенства, было бы нелепо допустить, что все граждане окажутся единомышленными.

Итак, при системе уголовного полномочия неизбежно оказывается, что одна часть граждан должна против воли подчиняться закону, который навязывает ей воля другой части граждан; стало быть, это опять принцип власти во всей его первобытной широте.

Стоит ли разрушать абсолютную монархию и провозглашать верховную власть народа из-за того только, чтобы монархический произвол заменить насилием депутатского большинства?

Но кроме этих возражений, есть другие, о которых мы до сих пор не говорили, но которые вероятно сами собой представились читателю. Не говоря уже о том, что народные выборы не могут служить искренним выражением народной воли вследствие экономической подчинённости большинства избирателей, есть много других практических невозможностей. Каким образом, например, может народ удостовериться в способности тех лиц, которых ему приходится уполномочивать? Если бы в рабочей ассоциации приходилось решить вопрос, кто из членов наиболее способен выполнить известную промышленную должность, избиратели-работники не рисковали бы ошибиться в выборе, так как им приходилось бы судить о вопросе, не выходящем из пределов их специальных ремесленных сведений. А здесь хотят, чтобы народ, т. е. совокупность этих работников, из которых каждый компетентен только в своей специальности, решил сознательно вопрос, не имеющий ничего общего с его ежедневной практикой, с его знаниями, с его сознанием! Всякий согласен, что сапожник некомпетентен в выборе лучшего гравера, гравер в оценке способности каменщика; а здесь хотят, чтобы эти сапожники, граверы, каменщики, признанные в экономических вопросах некомпетентными вне своих специальностей, явились в вопросе политическом одарёнными каким-то чудом, даром оценивать способности и сознательно делать выбор!

“ «Народ, говорит по этому поводу Прудон – народ (я говорю о народе, каким он является на форуме[32] и в избирательных урнах) – народ, к которому в феврале не посмели бы обратиться за его мнением о республике; народ, который 16-го апреля и после июньских дней огромным большинством высказался против социализма; народ, избравший Луи Бонапарта из благоговения к императору; народ, назначивший, увы! – Учредительное Собрание, а потом Законодательное, да! – народ, не вставший 17-го июня[33], не пикнувший 31-го мая[34]; народ, подписавший адреса и за, и против пересмотра конституции – этот народ предполагается осенённым

свыше знанием и пониманием, чтобы выбирать между гражданами добродетельнейших и способнейших и уполномочивать их организовать Труд, Кредит, Собственность, Власть! И его выборные, вдохновенные его премудростью, предполагаются непогрешимыми! Полноте, будемте откровенны! Общее избирательное право, условное полномочие, ответственность представителей – всё это пустяки; я им не доверяю моего труда, моего спокойствия, моего состояния; для защиты их я не рискну ни одним волосом с моей головы».

Остаётся рассмотреть, что даст общее избирательное право в приложении не к выбору представителей, а к решению самим народом законодательных вопросов. Это система, провозглашённая конституцией 1793-го, постановившей, что законы должны утверждаться народным голосованием; в 1848-м году её опять ввёл в моду под именем прямого законодательства один немец, господин Риттингаузен[35].

Предоставим слово Прудону:

“ «Не буду повторять, говорит он, относительно применения общего избирательного права к вопросам законодательным, старых возражений против решений, исходящих из совещательных собраний, например, то, что в них одного голоса достаточно для составления большинства и что, следовательно, этот один голос делал бы закон; перейдёт этот голос направо, законодатель говорит: да; перейдёт он налево, законодатель говорит нет. Эта парламентская нелепость, составляющая главное орудие политического мошенничества, будучи перенесена на поприще народных выборов, вызвала бы после бесчисленных скандалов страшные столкновения. Народ-законодатель вскоре опротивел бы сам себе. Пропуская эти возражения, я остановлюсь только на коренной ошибке этой теории, ведущей разумеется к полному разочарованию в этой теории мнимо-прямого законодательства»

«Господин Риттингаузен ищет, хотя и не говорит этого, общей, коллективной, синтетической, нераздельной идеи народа, рассматриваемого не как толпа, не как фикция, но как живое высшее существо. К этому вела теория самого Руссо. Чего он хотел и чего хотят его последователи своим общим избирательным правом и своим законом большинства? Они хотят определить с наименьшей ошибкой общее и безличное мнение и полагают, что мнение большинства наиболее к нему приближается. Таким образом, господин Риттингаузен полагает, что подача голосов о законе всего народа ближе будет к этому идеальному

общему и безличному мнению, чем простое большинство представителей. В этой гипотезе и состоит вся оригинальность и всё нравственное достоинство его теории»

«Но я скажу ему: Как могли допустить Вы мысль, что можно знать мысль одновременно частную и общую, коллективную и индивидуальную, одним словом, синтетическую – путём подачи голосов, т. е. официальной формулой разномыслия? Согласный хор ста тысяч голосов едва мог бы дать вам смутное представление о народном существе. Но сто тысяч голосов, переспрошенных порознь и отвечающих каждый сообразно своему личному мнению: сто тысяч голосов, поющих каждый про себя и на разные тоны, составят только ужасающую нескладицу, и чем больше будет голосов, тем ужаснее будет нескладица. Чтобы приблизиться к коллективному мнению, которое есть самая сущность народа, вам остаётся только собрать мотивированные мнения всех граждан, затем прочесть их все, сравнить мотивы, свести, насколько возможно, подходящие мнения к одному, наконец, вывести из них более или менее точным выводом синтез, т. е. общую мысль, мысль высшую, которую одну только и можно приписывать всему народу. Но сколько времени потребует подобная операция! Кто возьмётся за этот труд? Кто поручится за верное исполнение его, за точность результата? Какой логик примет на себя извлечь из этой избирательной урны, содержащей только пепел, живое и животное начало, Народную Идею?»

«Очевидно, эта задача неразрешима. И господин Риттингаузен, установив сначала прекрасные правила неотъемлемого права народа самому узаконять свои законы, кончает, как все политические деятели тем, что обходит затруднение. Оказывается, что вопросы *ставит* уже не народ, а правительство. На вопросы, поставленные правительством, народ может отвечать только *да* или *нет*, как ребёнок по катехизису. Народ не имеет даже права предлагать перемен в предложениях правительства».

«Да иначе и сделать нельзя в этой системе *разногласного законодательства*, если хотеть добиться хоть чего-нибудь от толпы. Господин Риттингаузен охотно сознаётся в этом. Он признаёт, что если бы народ, созванные в комиции[36], мог предлагать изменения в вопросах или, что ещё важнее, сам ставить вопросы, то прямое законодательство было бы утопией. Чтобы это законодательство было практически возможно, надо, чтобы самодержец имел выбор между двумя положениями, из которых, следовательно, одно должно заключать в себе всю истину и только истину, а другое всю ложь и только ложь. Если бы одно из них заключало в себе больше или меньше истины, больше или меньше лжи, то самодержец, обманутый вопросом, дурно поставленным его министрами, неизбежно отвечал бы глупость».

«Между тем, в вопросах общих, обнимающих интересы всего народа, строгая постановка дилеммы – дело невозможное; так что, стало быть, как ни ставь вопрос народу, он непременно даст ответ нелепый».

Здесь Прудон приводит в примере несколько вопросов, которые были бы предложены народу, и ответы, которые народ дал бы на них; эти примеры он заимствует у самого господина Риттингаузен; в заключение он говорит:

“ «Ясно ли, что это прямое законодательство ни что иное, как постоянная передержка? Из ста вопросов, предложенных народу правительством, девяносто девять были решены так, как мы показали на примерах; и господин Риттингаузен, как логик, не может не видеть причины этого; она состоит в том, что вопросы, предлагаемые народу, суть обыкновенно вопросы *специальные*, между тем как народ может давать лишь ответы *общие*. Механический законодатель, обязанный повиноваться дилемме, не может изменять формулу согласно правде места, времени, обстоятельств; ответ его, рассчитанный на народную фантазию, всегда можно знать заранее, и каков бы он ни был, он непременно будет ложен».

К этим возражениям надо прибавить то, которое мы только что привели против условного полномочия и которое составляет главный аргумент прямого законодательства; а именно, что всякое законодательство исходит из принципа власти и, стало быть, закон, изданный непосредственно самим народом, всё-таки остаётся *законом*; как ни меняй формы, результат всё тот же, т. е. подчинение личностей высшей воле, наложение на них обязательств, которых они добровольно не принимали. После того, не всё ли равно, как называется законодатель и кто он – Минос, Ликург, Конвент, Парламент или Ландсгемейнде, Земская Община, т. е. народ в комициях. Мы хотим совершенного уничтожения законодательной функции, замены закона договором и когда шарлатаны являются с предложением прямого законодательства, как последнего слова демократического прогресса, мы видим в нём только приведение к абсурду правительственной и политической идеи. Действительно, личность законодателя здесь расширена до того, что вмещает в себя весь народ, а результат остаётся всё тот же, и продукт коллективного законодателя оказывается столь же разрушительным для свободы, как и продукт личного законодателя; другими словами, закон, делаемый народом, в сущности, ничем не отличается от закона, делаемого государем; и тот и другой равно утверждение власти; из чего следует, что необходимо, значит, выйти из этого принципа, что закон – вещь отпетая, что он несовместим со свободой и что новый порядок, порядок экономический, осуществление свободы, должен основаться на отрицании закона и правительства.

Интересно будет заметить, что вопрос о прямом законодательстве, который можно бы считать погребённым, казалось, после бесплодной агитации его приверженцев во время февральской республики[37], снова всплыл несколько лет тому назад, и гражданин Риттингаузен при содействии нескольких коммунистов из немцев пытался на рабочем конгрессе в Базеле в 1869-м ввести его в программу Международного Общества [рабочих]. Но энергичная оппозиция бельгийцев, французов и юрцев устранила эту попытку. По этому поводу глава немецкого социализма, гражданин Либкнехт, бывший в Базеле делегатом Эйзенахского конгресса, воскликнул, что только реакционеры могут быть против теории прямого законодательства. На это один бельгийский депутат отвечал, что прямое законодательство может служить лишь к упрочению правительственного порядка, тогда как Международное общество [рабочих] стремится к уничтожению всякого правительства, каково бы оно ни было.

Заметим, что прямое законодательство действует с незапамятных времён в древнейших кантонах Швейцарии, где существовало рядом с патрициатом, нисколько не препятствуя его влиянию и привилегиям; оно не помешало экономическому порабощению и религиозному одурению этого народа, который политические теоретики называют свободным, но который в действительности, менее свободен, чем любой другой народ в Европе.

Несколько лет тому назад *либеральные* кантоны – Цюрих и Базель (сельский) – также ввели в свои конституции прямое законодательство, и цюрихские работники, заражённые учением немецкой социал-демократической партии, вообразили, что обрели в этом учреждении панацею. Но они начинают подозревать, что обманулись, так как их экономическое положение не улучшилось ни на йоту. Будем надеяться, что рабочие больше не станут забавляться этими бесполезными опытами и что истина, так блистательно доказанная Прудоном и потом так громогласно провозглашённая Международным Обществом [рабочих] – та истина, что вся сущность революции состоит в отрицании правительства – вступить наконец из области теоретической в область фактов.

Прежде чем подвести итоги об этой главе, надо показать, каким образом Прудон излагает преемственный ход антиавторитарной идеи, её первое появление и её развитие.

По его мнению, первым отрицанием идеи власти был Лютер. Но его отрицание не шло далее религиозной области. Его отрицание называлось *свободным исследованием*.

После Лютера принцип свободной критики был перенесён из религии на светские дела протестантами же, а именно гугенотским священником Жюрьеном. Верховной власти по божественному праву, высокопарным защитником которой был Боссюэ[38], Жюрьен противопоставил самодержавие народа и в первый раз употребил выражение *Общественный Договор*.

Затем Руссо и якобинцы снова запутали вопрос, исказив идею общественного договора и восстановив правительственную торию. После того антиавторитарная идея была восстановлена, хотя в робких выражениях и со смутным пониманием, отцом новейшего социализма, Сен-Симоном.

«Род человеческий, писал он в 1818-м году, был призван жить сперва под порядком *правительственным и феодальным*».

«Ему было предназначено перейти из-под правительственного или военного порядка под порядок *административный или промышленный*, после того как он сделал значительные успехи в положительных науках и индустрии».

«Наконец, по организации своей ему суждено было выдержать продолжительный и сильный кризис при переходе от военной системе к мирной».

Наконец, Прудон взял идею, покинутую учениками Сен-Симона, не понявшими главной мысли своего учителя, и развил её во всей силе её отрицания, дав ей имя *ан-архии*; таким образом, он сделался самым блестящим из её представителей.

Жюрье вывел своё отрицание правительства из юридической теории договора; Сен-Симон – из исторического наблюдения и из воспитания человечества; Прудон, по его собственным словам, пришёл к нему анализом экономических функций и теории кредита и обмена.

Скажем несколько слов по поводу оценки протестантов у Прудона. Прудон всегда имел слабость к богословию и охотно готов был приписывать богословским препирательствам значение, которого они никогда не имели. Лютер и немецкие протестанты никак не могут считаться представителями свободы. Истинными её представителями в XVI-м веке были гуманисты и атеисты Возрождения; реформа Лютера и Кальвина будучи борьбой против известных обрядов и догматов католической церкви, была в тоже время реакцией против духа Возрождения, против того, истинно человеческого направления, представители которого были Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен, Томас Мор, Франсуа Рабле. Впрочем, сам Прудон делает оговорку относительно Лютера: «Лютер, говорит он, подобно Лейбницу, Канту, Гегелю, был человек убеждений вполне правительственных».

III. Общественная ликвидация

Установив эти основные положения т. е. показав необходимость и неизбежность Революции, затем определив принцип, во имя которого она должна совершиться, принцип, состоящий в отрицании власти правительства, в анархии или, другими словами, в замене политического порядка порядком экономическим, Прудон рассматривает практические средства, которыми может быть ликвидировано положение, созданное современным общественным порядком.

Мы сперва изложим план общественной ликвидации, предлагаемой Прудоном, ничего пока от себя не прибавляя.

По Прудону, орудием общественной ликвидации должно быть кредитное учреждение, называемое *Народным Банком*.

Он предлагает, чтобы Национальное собрание декретом отняло нынешний Французский Банк у эксплуатирующей его акционерной компании и объявило его учреждением общественной пользы.

Преобразованный таким образом, Французский банк сделается Народным Банком.

Народный Банк не должен быть государственной собственностью, и управление им не должно иметь ничего общего с правительством. Учреждённый в силу договора, в котором участвуют все граждане, составляя, следовательно, публичную собственность, он должен быть просто публичным учреждением, и в управлении им должны участвовать все участники учредительного договора.

Народный Банк, будучи учреждением, может одним ударом произвести общественную ликвидацию безо всякого потрясения. Для этого достаточно, чтобы он понизил тариф учёта[39]

В специальных сочинениях Прудон вполне доказал возможность существования банка без наличного капитала. Такой Банк, которому не приходилось бы платить акционерам проценты гарантирующего фонда, мог бы, благодаря этому, понизить тариф учёта настолько, что платимый ему процент представлял бы лишь расходы на управление им.

Мы не будем развивать здесь эти доказательства Прудона, потому что пишем не экономический или финансовый трактат, а страницу из истории Революции. Итак, прудоновский Народный Банк понижает тариф учёта до размера, строго необходимого на

покрытие расходов по своей администрации, т. е. до половины или даже до четверти процента.

Таким образом, деньги обходятся производителям вместо 6-и, 7-и, 8-и процентов в сумму едва ощутимую, Народный Банк осуществляет этим способом то, что неправильно называют *даровым кредитом* и что следует называть *кредитом по цене стоимости*.

Рассмотрим последствия этого понижения цены денег во всех финансовых вопросах, относящихся к правительству и к собственности, и нас поразят неожиданные последствия дела, по-видимому, столь простого. Перед нами с удивительной легкостью решаться все запутаннейшие вопросы государственного долга, частных долгов, недвижимой собственности, земельной собственности, и общественная ликвидация собственности совершиться мирно и дружелюбно, не нанеся ущерба ничьим интересам.

а. Государственный Долг

Чтобы сделать следующее изложение яснее, мы возьмём определённые цифры, те самые, которые брал Прудон, хотя они относятся к 1851-му году; они устарели и изменились, но это не переменят аргументацию.

По бюджету 1851-го долг Французского государства простирался приблизительно до 6-и миллиардов, считая тут и текущий долг, и консолидированный[40].

Проценты с него составляли 270 миллионов.

К этой ренте в 270 миллионов надо прибавить другую, которая под именем *погашения* имеет целью уничтожать ежегодно часть постоянной ренты посредством выкупа облигаций. На этот предмет предназначалась сумма в 74 миллиона.

Бесполезно прибавлять, что это погашение никогда ничего не погашает и идёт полностью на покрытие излишка расходов; долг не только не погашается ежегодными выкупами, а, напротив, ежегодно возрастает.

Наконец прибавим к этим 344-м миллионам процентов и мнимое погашение 56-и миллионов пенсий, даваемых правительством на счёт страны своим чиновникам после 25-и или 30-и лет службы; таким образом, мы получаем 400 миллионов, которые государство должно выплачивать безвозмездно.

Проценты долга различны и составляют 5, 4 с половиной, 4 и 3 процента. Это доказывает, что, смотря по обстоятельствам, государство, как все, кто ищет занять, вынуждено принимать условия более или менее обременительные; понятно, что, если бы государство нашло возможность заключить заём на низком проценте, оно могло бы воспользоваться этой возможностью.

Если бы, например, процент денег упал бы на 3 процента, государство могло бы выплатить свои обязательства тем из своих кредиторов, которые берут с него по 5, 4 с половиной и 4 процента, заняв для этой цели сумму, равную уплачиваемому капиталу, по 3 процента. Эта

операция, известна под именем обращения, несколько раз уже предпринималась государством, когда представлялась возможность, и совершенно законно.

Теперь, если бы вследствие финансового переворота, произведённого Народным Банком, государство нашло возможность занять не по 3, а по половине или одной четверти процента, то в такой же пропорции возросла бы лёгкость выплаты долга. Все государственные облигации были бы обращены в одну ренту, платящую половину процента или четверть, и государство могло бы употребить на погашение долга почти всю сумму, которую употребляет теперь на уплату вечной ренты.

Эту ликвидацию можно произвести медленно, в несколько сроков; но её можно значительно ускорить. Прудон согласен на какие угодно проволоочки, лишь бы сделать ликвидацию; но он считает выгоднее произвести её быстро.

Вот, что он предлагает для этого:

Продолжать по-прежнему платить проценты предъявителям облигаций; но вместо того, чтобы платить им эти проценты как ренту, давать им их в уплату капитала в виде выплаты с рассрочкой. Эта выплата капитала производилась бы всегда в срок, каков бы ни был биржевой курс, и разница между номинальной стоимостью и курсом составляла бы для владельцев облигаций премию за рассрочку выплаты.

Таким образом, в течение четверти века бюджет Франции освободился бы от громадного бремени долга; министрам было бы строго запрещено заключать впредь новые займы, так как в новом общественном порядке этот обычай старой финансовой системы был бы совершенно покинута. Равным образом были бы уничтожены все пенсии, платимые государством, потому что это дело департаментов, общин, корпораций и ассоциация заботиться о своих инвалидах и награждать их за заслуги.

Здесь Прудон делает очень меткое замечание на счёт политических шарлатанов, предлагающих народу перемены конституции, но ни под каким видом не говорящих ему ни слова о том, что больше всего интересуется его, о финансовой эксплуатации, которой его подвергает государство, и о средствах избавиться от неё.

“Громадное большинство народа, говорит Прудон, не знает даже, что есть долги. Оно понятия не имеет о погашении, консолидировании, обращении, ежегодных выплатах; оно поразились бы, если бы ему объяснили, что такое заём по 57, 70 или 75. Быть может пройдёт ещё полвека, прежде чем народ будет в состоянии понять тот факт элементарной истории, что с 1789-го по 1852-й дела в правительстве так хорошо изменились, что народ, уничтоживший в 1789-м долги старого порядка, в 1852-м должен был опять ежегодно платить более 400 миллионов под именами государственного долга, погашения займов, пенсии и т. д.; всё это

заменяло древние феодальные поборы, от которых он воображал себя освобождённым».

И этому то народу, не ведающему того, что больше всего интересует его, толкует о самодержавии, о законодательстве, правительстве! Чтобы потешить его и отвратить ум его от Революции, ему болтают о политике, о братстве! Живи эти политики в 1789-м году, они, право, спасли бы своим благоразумием монархию и феодализм. Они не допустили бы говорить народу о Дефиците, о Красной Книге, о Голодном Союзе, о Десятине, о Феодальных Правах, о Правах Духовенства, о тысячах бедствий, делавших Революцию необходимой».

в. Частные Долги

Управившись с государственным долгом, надо ликвидировать и долги граждан.

Частные долги бывают двоякого рода: ипотечные, когда гарантированы залогом недвижимости; вексельные, когда гарантированы простым письменным документом.

К этому надо прибавить акции коммандитных обществ, где процент независим от прибыли и относится каждый год к дебету обществ.

Проценты, платимые долгами ипотечными и вексельными (включая акции), простираются до суммы 1200 миллионов.

С этими долгами надо сделать тоже, что сделано с государственным. Должники, получая в Народном Банке деньги по половине и четверти процента, воспользовались бы ими, чтобы разделаться со своими кредиторами, т. е. обратили бы свои долги по 6-9 процентов, в долги по половине-четверти процента.

Но тут вот что случится: кредиторы, угрожаемые уплатой и не зная, что делать с своими капиталами, так как их уже нельзя ни ссужать государству, ни заставлять работать в банках, предложат должникам оставить их у себя, довольствуясь той же платой половины или четверти процента, которую должник внёс бы в Народный Банк, если бы захотел при посредстве его обратить свой долг. Значит, денежный процент упадёт везде, а не только в Народном Банке, на половину или четверть процента.

Но это только первая половина операции. Недостаточно платить малый процент кредиторам; надо, чтобы должники совершенно освободились посредством выплаты долга. Выплата, как и для государственных кредиторов, будет рассрочена. Благодаря этому, Народному Банку не придётся немедленно ссудить им годовые платежи.

Прудон резюмирует эти меры в следующем декрете, который по его плану должно было бы издать Национальное Собрание:

«Декретом Национального Собрания,

Согласно предшествовавшим декретам, установившим тариф учёта в Банке и проценты государственного долга в половину процента,

Проценты всех долговых обязательств, ипотечных, вексельных, акций, устанавливаются по тому же тарифу.

Уплата не может требоваться иначе как с ежегодной рассрочкой.

Ежегодная выплата для сумм менее 2000 франков полагается в 10 процентов, для сумм более 2000 франков в 5 процентов.

Для облегчения уплаты и для замены прежних ссудных касс один отдел Национального Банка превращается в поземельный банк: максимум его ссуд полагается в 500 миллионов в год»

Таким образом постепенно и без потрясений совершится погашение всех частных долгов.

с. Недвижимая собственность. Строения

То, что сделано для процента с капиталов, должно быть сделано и для квартирной платы; благодаря действию Народного Банка, она будет падать до тех пор, пока не упадёт до нуля.

Действительно, как скоро вышеприведённые меры освободят недвижимую собственность от ипотек и дадут возможность собственникам и предпринимателям находить по дешёвой цене деньги для построек и покупки материала – стоимость построек значительно понизится; старые постройки можно будет дёшево и выгодно исправлять и вследствие всего этого квартирная плата значительно понизиться.

С другой стороны, капиталы лишатся выгодного помещения в государственных облигациях и банках, что принудит капиталистов искать им помещения в недвижимостях, именно в домах, всё-таки всегда дающих больше дохода, чем земля. Следовательно, с этой стороны также явится конкуренция: предложение квартир будет стремиться превзойти спрос, и квартирные цены ещё упадут.

Они упадут тем больше, чем ниже будет спускаться процент, взимаемый Банком и уплачиваемый государственным кредиторам; и если бы, как предлагает Прудон, процент денег был тотчас определён в нуль, то и доход с капиталов, вложенных в дома, в скором времени спустился бы до нуля.

Тогда квартирная цена состояла бы только из трёх элементов: погашения капитала, потраченного на постройку, расходов на поддержание здания и налогов; таким образом наёмный контракт превратился бы в простую продажу здания предпринимателем или

собственником жильцу.

И здесь Прудон предлагает ускорить это преобразование декретом следующего содержания:

«Со дня издания декрета, имеющего быть изданным будущими народными представителями, всякая плата, внесённая в наём квартиры, будет считаться выкупным взносом за собственность, полагая цену последней в двадцатилетнюю сложность наёмной платы.

Всякий взнос за квартиру будет давать жильцу пропорциональную и нераздельную долю в собственности дома, в котором он живёт, а равно и в собственности строений, принадлежащих к его квартире.

Собственность, выплаченная таким образом, будет постепенно, по мере выкупа переходить под управление общинной администрации, которая в силу выкупа получит право заведовать ей во имя всех жильцов, гарантируя всем им на вечные времена квартиру по цене стоимости здания

Общины могут вступать в сделки с собственниками для немедленной ликвидации и выплаты отдаваемых в наём недвижимостей.

В этих случаях и дабы бить настоящему поколению возможность воспользоваться понижением квартирных цен, общины могут немедленно сбавить цены найма домов, с владельцами которых вступят в сделку, так чтобы окончательный выкуп совершился только в тридцать лет.

Для починки управления и поддержки зданий, равно как и постройки новых домов общины вступают в соглашение с *обществами каменщиков* или ассоциациями строительных работников, согласно принципам и правилам нового общественного договора.

Собственники, занимающие исключительно сами свои дома, сохраняют за собой их собственность пока будут находить это выгодным для себя»

Декрет этот надо сознаться не отличается большой ясностью. Полагаем, однако, что его можно истолковать следующим образом, не искажая мысли автора:

Когда цена домов будет выплачена собственникам жильцами, дома сделаются нераздельной собственностью всех жильцов и будут управляться общинной администрацией; или, что совершенно тоже самое, дома обратятся в коллективную собственность общины. Но Прудон счёл нужным допустить исключение в пользу домов, служащих исключительно жилищем собственников; они могут оставаться личной собственностью живущих в них собственников.

Итак, за этим исключением Прудон высказывается, хотя в довольно тёмных выражениях, за коллективную собственность недвижимостей.

d. Поземельная собственность

Поземельная собственность будет выкуплена совершенно также, как и недвижимости; но вместо того, чтобы сделаться, подобно им, коллективной собственностью, она останется личной.

Прудон приводит два главные основания этого. Первое состоит в том, что, делая землю собственностью коллективной или общинной, следовательно, неотчуждаемой, вместо того, чтобы оставить её собственностью индивидуальной и потому, могущей обмениваться продаваться, - мы этим осудили бы на неподвижность, на *необращение* целую категорию капиталов, самую значительную по своей массе, самую драгоценную по своей прочности. Этот аргумент неоснователен: обращение, в котором общество нуждается для своего потребления и для своего труда, есть обращение продуктов, а не обращение капиталов, служащих для производства.

Второй довод состоит в том, что крестьянин хочет быть собственником и что поэтому было бы в высшей степени невежливо представлять ему социализм, посягающим на его право располагать своей землёй; необходимо принимать в соображение это чувство, столь живое в крестьянине, что всякая революционная попытка, оскорбляющая его, заранее осуждена на неудачу.

Практическое средство ликвидировать нынешние отношения арендатора к собственнику и отдать землю исключительно в руки обрабатывающего её указывается всеми предыдущими способами ликвидации. Стоит только декретировать следующее:

«Всякая уплата обязательства за эксплуатацию земли^[41] доставляет арендатору долю в собственности этой земли и даёт ему ипотечное право на неё.

Раз выплаченная собственность будет непосредственно находиться в ведении общины, которая наследует прежнему собственнику и разделяет с арендатором как право владения, так и чистый доход.

Общины могут вступать в сделки с собственниками, желающими немедленно приступить к уплате рент и к выкупу земель.

После окончательного выкупа поземельной собственности все общины республики должны войти между собой в соглашение для уравнивания разницы в качестве земель, равно как и случайностей обработки. Та часть дохода, на которую они имеют право в принадлежащих им участках будет служить для этого уравнивания и для общего страхования.

Наконец, с того же времени прежние землевладельцы, которые до сих пор, обрабатывая сами свои земли, сохранили свои права, будут уравнены в правах и обязанностях с новыми,

так, чтобы случайные выгоды местности и наследства никому особенно не благоприятствовали, и чтобы условия обработки земли были всюду одинаковы.

Поземельный налог отменяется.

Земледельческая полиция поручается муниципальным советам».

Не вступая пока в разбор сущности Прудоновских предложений, мы считаем необходимым сделать несколько замечаний по поводу только что приведённого текста декрета.

Во-первых, Прудон прямо заявил, что земля должна быть индивидуальной собственностью крестьянина, а между тем, его декрет говорит, что «поземельная собственность будет находится во ведении общины, которая наследует прежнему собственнику». Это как бы указывает, что земля сделается коллективной или общинной собственностью? – Ничуть, отвечает Прудон, ибо община, хотя *наследует прежнему собственнику*, получит только известную долю в праве владения, другую же долю в праве собственности получит прежний арендатор, который сделается таким образом совладельцем общинной земли, выкупленной им у прежнего собственника.

Здесь, что ни два слова, то противоречие, и при всей диалектической ловкости Прудона, ему невозможно выбраться из этих противоречий. С одной стороны, он сам провозгласил, что община наследует прежнему собственнику; если она действительно наследует ему, то приобретает полную и исключительную собственность земли. А между тем, далее объявляется, что община не получает права собственности во всей его полноте, что она разделит это право с крестьянином; если это так, если община будет только совладелицей, то она никак не наследует прежнему собственнику, который был полным и настоящим собственником. Первое противоречие.

Кроме того, арендатор выплатил прежнему собственнику цену земли ежегодными взносами. После этого он будет объявлен собственником на место капиталиста, которому он выплатил цену своего участка. Это необходимо, говорит Прудон, потому что условия обращения капиталов требуют, чтобы земля оставалась личной собственностью и была бы в руках крестьянина совершенно тем же, чем пятифранковый билет служит в руках предъявителя. Прекрасно. Но вот его же собственный декрет ставит рядом с крестьянином, который до сих пор, казалось, приобретал землю исключительно в свою собственность, общину, объявляет её совладательницей на равных правах с крестьянином. Что же после этого стало с личной собственностью, с абсолютным правом собственности крестьянина на свою землю, с этим пресловутым правом, вне которого, по словам Прудона, может существовать лишь экономическое и политическое рабство? Второе противоречие.

Прудон хочет подчинить землевладельцев известной повинности, которую они должны платить с целью уравнивать разницу в качестве земель. Повинность эта известна под именем *поземельной ренты*. Высота её различна, смотря по качеству земель, т. е. земля менее производительная платит меньше, чем земля более плодородная; пропорция эта должна быть рассчитана так, чтобы по уплате повинности земледельцы извлекли в результате из

своих земель при равной затрате труда равную ценность в продуктах.

Повинность эта должна в то же время служить страховой премией на случай потерь, которые наносят земледельческому труду метеорологические случайности.

Не надо смешивать *поземельную ренту с поземельным налогом*. Последний, падая одинаково на все земли, попадает в результате на земледельца и потому должен быть отменён; рента, выражающая лишь разницу между качествами земель, остаётся, и высота её определяется большей или меньшей производительностью земли.

Окончив изложение средств, которыми, по его мнению, может совершиться общественная ликвидация, Прудон повторяет, что требует не того, чтобы быстро действовать, а только, чтобы начать действовать: как бы не шли, скоро или медленно, он будет доволен, лишь бы вышли на хороший путь; большая или меньшая быстрота не изменит сущности деятельности.

«Что касается до меня, прибавляет он, я стою за быстрейший образ действий не из любви к крайностям, как по-видимому полагают, а в убеждении, что это образ действий самый мудрый, самый справедливый, самый консервативный, самый выгодный для всех интересов, для интересов должников, кредиторов, рантье, нанимателей, арендаторов и землевладельцев.

Я ищу крайностей, говорите вы! Неужели же вы думаете, что кроме той примирительной идеи, которую я предпочитаю и предлагаю, нет средств более радикальных и быстрых? Разве вы забыли, что сказал Фридрих Великий мельнику Сан-Суси:

«Знаешь-ли, что я могу взять и не платить?»

А могут быть и средние средства между годичным выкупом и конфискацией. Пусть реакция продолжит ещё свои подвиги, и, может быть, года не пройдёт, как пролетариат потребует от богатых, в качестве вознаграждения за убытки, четверти, трети, половины их собственности, а ещё через несколько лет – всю их собственность. А пролетариат сильнее Фридриха Великого. Тогда крестьяне и работники будут уже требовать не права на труд и не права на прибавочную стоимость^[42]; речь пойдёт о праве войны и возмездия. Что ответят им тогда?»

IV. Организация ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИЛ

В этом этюд (предпоследним в его книге) Прудон рассматривает действие различных экономических функций после общественной ликвидации. В этой главе мы опять встречаем те же систематические ошибки, которыми отличались предыдущие рассуждения и которые мы разоблачим ниже

а. Кредит

Народный или Национальный Банк обращения и ссуд есть центральный орган кредита. Он доставляет капиталы беспроцентно, по цене стоимости, т. е. за небольшую комиссионную плату в размере половины или четверти процента, представляющую из себя точные расходы на администрацию.

Остаётся только учредить всюду, где нужно, отделения этого Банка, и мало по малу извлечь из обращения звонкую монету, которая во время ликвидации должна пока оставаться в обращении. Затем общество отнимет у золота и серебра монетную привилегию, которая будет отныне принадлежать исключительно ценным банковским бумагам.

Прудона часто спрашивали, каких условий будет требовать Банк от простого производителя, первого встречного, для того, чтобы дать ему требуемый кредит. Потребуется ли от него залог, и какой? Не потребуется ли удостоверения, что этот производитель получил заказ?

Но в таком случае это учреждает два класса между гражданами: те, которые могут предоставить какой бы то ни было залог, и те, кто не могут это сделать; выйдет нового рода пролетариат, составленный из париев[43], которым навеки закрыт доступ в царство небесное дарового кредита. Если же Банк не будет требовать залога, то всеобщий кредит будет просто расхищаться.

Прудон, не отвечая прямо на это возражение, делает, однако, одно замечание, могущее служить ответом:

«Что касается *личного* кредита, говорит он, то не дело Национального Банка заниматься им; этот кредит должен существовать среди рабочих земледельческих и промышленных обществ»

То есть, это значит, что Банк не будет ссужать капиталом, т. е. орудием труда, индивидуального работника, который может получить капитал только через посредничество промышленных и земледельческих обществ, за которым признаётся исключительное право на владение орудием труда.

Но это есть коллективная собственность.

Рабочие общества, владельцы крупных орудий труда, нам уже известны. В первой главе мы уже говорили о них. Но *Земледельческие общества*, которые здесь у Прудона являются наряду с рабочими обществами, далеко не представляют логического вывода из его теории индивидуальной поземельной собственности. Если земля есть личная собственность каждого крестьянина, то крестьянам нет надобности вступать между собой в ассоциации, чтобы получить кредит, и трудно придумать, что мог бы привести прудоновский Банк в оправдание своего отказа в кредите крестьянам, которые проникнувшись прудоновскими правилами, отвергли, отвергали бы ассоциацию, как несовместимую с земледелием. Заметим, что тот же Прудон, который говорит о *земледельческих обществах*, пишет несколькими страницами выше:

“ «Никогда не было видано, чтобы крестьяне составляли общества для возделывания своих полей, и никогда этого не увидят».

Каковы бы ни были эти противоречия – делающие, впрочем, честь Прудону, показывая, что его могучий инстинкт революционера возвращал его на истинный путь, с которого его сбивали иногда ошибочные рассуждения – во всяком случае, вывод из его учения остаётся тот, что отдельный работник не имеет права на кредит. Кредит, который у Прудона есть орудие труда, будет дан только *ассоциациям* производителей, как в промышленности, так и в земледелии.

в. Поземельная Собственность

Теперь мы вынуждены утверждать совершенно противное тому, что только что сказали: а именно, крестьяне не вступают в ассоциацию; Прудон, только что предписывавший им это, теперь положительно запрещает.

Он напоминает, что ликвидация сделала крестьянина собственником его земли; и он объясняет, на основании каких причин нужно было, чтобы собственником земли был крестьянин, а не община или государство.

Будь это община, крестьянин был бы не более как дольщик во владении; индивидуальный труд заменился бы общим, и земледелец не мог бы свободно располагать своим полем. Но, по Прудону, земледелие должно оставаться индивидуальным трудом; каждый крестьянин должен оставаться особняком на своём клочке земли.

Из всех родов производства обработка земли более всех не допускает ассоциационного начала.

Другое средство, состоящее в отдаче всей поземельной собственности государству, имело бы, по словам Прудона, свою хорошую сторону: земледелец, сделавшись арендатором государства, остался бы хозяином своей деятельности; ему не навязывалось бы никакой ассоциации с общим трудом; плати только ренту государству, и государство предоставляло бы ему обрабатывать свою землю, как он знает и хочет. Но вместе с тем, этим сохраняется государство, уничтожение которого есть именно цель ликвидации, чрезмерное право; в его руки отдаётся орудие труда половины нации; правительственный произвол утверждается на веки.

Вот отчего земля должна сделаться личной собственностью крестьянина.

Замечательно, что Прудон не говорит: «Земля должна быть собственностью *того, кто её обрабатывает*». Нет, она должна быть собственностью *крестьянина*. Это различие чрезвычайно важно по последствиям. Так как земля остаётся продажной и покупной, то богатый крестьянин может купить много земли и обрабатывать её наёмными работниками; таким образом может появиться новый сельский пролетариат. Эта перспектива, по-видимому, не заботит Прудона, лишь бы крестьянин не платил аренды капиталисту, а за тем, что этот крестьянин заставит наёмников работать в свою пользу – Прудону до этого нет дела. По-видимому, он признаёт наёмный труд законной формой труда, и единственная несправедливость, которую он видит в буржуазном общественном порядке, это повинность, платимая собственнику-капиталисту предпринимателем или крестьянином.

Наше предположение, что Прудон считал существование класса земледельческих наёмников совместимым с равенством подтверждается ещё тем, что он советует избегать раздробления поземельной собственности и желает восстановления наследств, т. е. крупной собственности. Система же крупной собственности имеет необходимым последствием тот факт, что часть земледельческих работников не владеют своим участком, а работают на чужой земле.

Оставим пока этот вопрос и взглянем на организацию промышленного труда.

с. Рабочие Общества

После общественной ликвидации промышленность представит две категории производителей: работники отдельные (одиночные) и работники в ассоциациях.

Всякая промышленность, эксплуатация или предприятие, требующие по природе своей соединения большого числа работников различных специальностей, предназначены сделаться средоточием рабочего общества или ассоциации. Железные дороги, копи, крупные орудия труда, могущие приводиться в действие лишь коллективной силой, должны сделаться коллективной собственностью общества, орудие труда которого они составляют.

Но там, где продукт может быть получен без соединения специальных способностей, действием одной личности или одного семейства, там ассоциации нет места, и работник предпочтёт остаться одиноким, чтобы сохранить свою свободу.

Мало того: одинокий работник может сделаться хозяином, предпринимателем и держать наёмников. Прудон не видит в этом никакого неудобства.

Вот его подлинные слова об этом:

“ «Первый встречный, умеющий выкроить и сшить пару сапог, может взять патент, открыть лавку и повесить на ней вывеску: *Такой-то, фабрикант обуви* – хотя он и работает один за своим прилавком. Пусть к этому одинокому предпринимателю присоединится товарищ, предпочитающий довольствоваться подённой заработной платой, чем подвергаться риску торговли; из этих двух человек один будет называться хозяином, другой – работником; по своей сути, они совершенно равны, совершенно свободны. Пусть затем к ним явится юноша лет четырнадцати, пятнадцати, желающий научиться мастерству; с ним они уже могут предпринять некоторое разделение труда; но это разделение труда есть необходимое условие обучения; чрезвычайного в нём ничего нет. Положим, что лавка получает много заказов; число работников и учеников может увеличиться, прибавьте швей, может быть приказчика, и получится так называемая мастерская, где шесть, десять, пятнадцать человек делают все почти одну и ту же работу; но соединение их имеет целью только умножение продукта, который остаётся такого рода, что не требует по сущности своей соединения различных специальностей. Поэтому если дела предпринимателя расстроятся, если его постигнет банкротство, работники его ничего не потеряют кроме времени на поиск занятия в другой мастерской; что касается до заказа, то и он не подвергается никакому риску; каждый из работников порознь или все вместе могут взять его на себя».

Здесь надо оговорить – и эта оговорка относится также к сельскохозяйственным наёмникам, которых упомянули выше – что, сохраняя класс наёмников, Прудон представляет его себе не в нынешней форме. Заработная плата, по его понятию, должна представлять полную ценность труда работника; стало быть, прибыль хозяина, которая происходит оттого, что хозяин платит работнику за его труд меньше, чем он стоит, прибыль уничтожается. Хозяин имеет на своё существование лишь продукт своего собственного труда, который ценится совершенно по той же цене, как и труд его работников. Правда, в продажной цене продукта хозяин делает надбавку против стоимости материала и ценности труда, взимая сверх того известный процент за общие расходы и страховую премию в виду возможных потерь; но этот процент не имеет ничего общего с тем, что теперь называется прибылью; он представляет действительный расход, в самом деле сделанный для создания продукта и который поэтому по справедливости надо принимать в расчёт при определении цены продукта.

С этой оговоркой Прудон находит, что новый наёмный труд может сохраниться без ущерба для равенства; в его глазах это законная форма труда; и, по его мнению, было бы нестерпимой тиранией желать уничтожить его и заменить всюду ассоциационным трудом

Мы видели критерий, устанавливаемый Прудоном для определения, какой труд должен исполняться ассоциациями или рабочими обществами и какой должен быть предоставлен одиночным работникам или мелким хозяевам с наёмниками. Этот пункт надо определить точнее.

Необходимость ассоциации, по словам Прудона, вытекает из разделения труда. Если бы все роды продуктов могли твориться одним работником, который один создавал бы продукт во всех его частях и исполнял бы один последовательно все требуемые промышленные операции, ассоциация не могла бы нигде иметь места. Каждый работал бы сам по себе; и, если бы даже работники собирались в одной мастерской, из этого не вышла бы ассоциация, потому что труд каждого работника оставался бы независим от труда его соседей; они не представлялись бы простыми членам промышленной серии, в которой каждый исполняет особенную функцию. Напротив, исполняя все одну и ту же функцию и исполняя её во всех её фазах, они не нуждаются друг в друге для создания своего продукта; они не состоят в ассоциации, мастерская представляет лишь сборище работников независимых и изолированных друг от друга.

Так бывает во множестве мелких ремёсел, где разделение труда нет и где поэтому, как в примере с сапожной мастерской, нет повода к ассоциации.

Но когда предприятие требует совместного действия нескольких разных промыслов, ремёсел, специальностей; когда из этого соединения выходит новый продукт, недоступный одиночному труду; где деятельность каждого человека входит в деятельность другого, как зубцы колеса в зубцы другого; где совокупность работников образует машину, как соединение частей часов или локомотива – тогда, конечно, условия другие. Кто в самом деле может присвоить себе право эксплуатировать подобное рабство? Кто осмелится принять одного человека за молот, другого за лопату, действовать одним как крюком, другим как рычагом?

В этом совершенно определённом случае ассоциация абсолютно необходима и законна, так как без неё мы имеем тиранию, безнравственность и грабёж. Здесь и продукт, и орудие труда составляют общую и нераздельную собственность всех участвующих в труде.

Остаётся рассмотреть организацию рабочих обществ.

Они должны быть основаны на двойном договоре, определяющем их отношения ко всему обществу, и на договоре, определяющем отношения их членов между собой.

В отношении общества рабочее товарищество обязуется поставлять всегда требуемые от него продукты и услуги по цене наиболее близкой к цене стоимости и обращать на пользу публики всевозможные усовершенствования и улучшения.

Для этой цели рабочее товарищество воспрещает себе вступать сделки с другими товариществами (так как это привело бы к восстановлению монополий), подчиняет себя закону конкуренции, предоставляет свои книги и архивы в распоряжение контроля общества, которое сохраняет в отношении его право прекратить его существование, как санкцию своего права контроля.

Мы натываемся здесь на централистский коммунизм; приписывать обществу право уничтожать, кассировать ассоциацию, значит подразумевать существование правительства, заведующего организацией труда.

Что касается договора, определяющего взаимные отношения членов товарищества, вот его главные статьи:

«Всякий член ассоциации, мужчина, женщина, ребёнок, старик, конторщик, подмастерье, работник, ученик, имеет нераздельное право собственности в товариществе.

Он имеет право последовательно исполнять все функции в ассоциации, занимать в ней все должности, сообразно условиям пола и возраста, таланта и старшинства.

Поэтому его воспитание и учение должны быть направлены так, чтобы, подвергая его известной доле неприятных и тяжёлых обязанностей, они вместе с тем, позволяли бы ему проходить целую серию работ и познаний и обеспечивали бы ему этим в зрелом возрасте энциклопедическую способность и достаточный доход.

Все должности избирательны, и уставы подлежат одобрению членов ассоциации.

Заработная плата пропорциональна качеству должности, величии таланта и объёму ответственности[44].

Всякий член ассоциации участвует как в прибылях, так и в обязательствах товарищества в размере своих услуг[45].

Каждый волен выйти из ассоциации и, следовательно, потребовать расчёта и ликвидировать свои права; и с другой стороны, товарищество всегда может принимать новых членов».

Прудон не говорит ничего о положении отдельных работников, не участвующих ни в каком товариществе, а между тем, если, как мы выше видели, кредит будет дарован только ассоциациям, а не личностям, то было бы полезно точнее объяснить, каким образом одинокие работники могут воспользоваться кредитом, который должен служить им орудием труда.

d. Установление Ценности

Главная сущность прудоновской системы, которая составляет пропасть, разделяющая его учение от теории государственных коммунистов, состоит в том, что для коммунистов, продукты труда принадлежат государству, а не работнику; и государство распределяет их между потребителями.

Напротив, Прудон хочет, чтобы работник вполне пользовался и свободно располагал продуктом своего труда; в этих условиях распределение продуктов уже не может иметь характера *раздачи*, агентом которой являлась бы государственная власть; оно должно совершаться посредством *обмена*.

Но в настоящее время обмен является источником бесчисленных плутней и краж; надо морализировать его, согласовать с законом справедливости. Для этого надо иметь возможность точно определить *ценность* разных продуктов; как скоро эта ценность будет известна, каждая ценность будет обмениваться на другую ценность, действительно равную, так что ни одна из обменивающихся сторон не может понести ущерба.

В настоящее время известен только один способ определения ценности – закон спроса и предложения. Если продукт редок и имеет спрос, ценность его увеличивается; если, напротив, его много, а число его потребителей уменьшается, ценность его падает. Таким образом ценность непостоянна; это качество чрезвычайно неустойчивое, изменяющееся каждую минуту, и потому обмен нельзя подчинить никаким положительным правилам.

Идя против общепринятого мнения, Прудон полагает, что возможно научно и совершенно точно определить ценность продукта. Для этого достаточно анализировать элементы, составляющие его стоимость, т. е. стоимость материала, плату работников и известные надбавочные проценты, представляющие расходы на перевозку, страховую премию, расходы на содержание лавки и т. п. Сумма этих элементов составляет истинную цену продукта или, другими словами, составляет его ценность.

Если все производители взаимно согласятся оценивать свои продукты по их действительной цене, по цене стоимости, обмен будет совершаться в условиях равенства и справедливости; не будет мошеннического повышения на одни продукты, ни искусственного понижения на другие; все добровольно и взаимно откажутся брать при продаже товара барыш или

ажии[46], и *равный обмен* будет осуществлён.

На эту теорию коммунисты[47] отвечают: Прудон предаётся иллюзии. Прямой обмен продуктов на продукты и установление ценности – вещи невозможные. Пока продукты останутся товарами и будут обмениваться, они останутся подчинены неизменному закону обмена, а закон этот состоит в следующем:

1) Меновая ценность[48] продукта определяется потребностью в нём потребителя и большим или меньшим его количеством, находящимся на рынке, т. е. спросом и предложением;

2) При каждом обмене продавец и покупатель вынуждены прибегать к необходимому посреднику, который служит общей мерой ценности; этот посредник – монета. Без неё обмен невозможен, ибо два товара, если их прямо сопоставить друг с другом, оказываются двумя количествами несоизмеримы; отношение между их ценностями может быть выражено лишь при посредстве монеты, этого необходимого агента обмена, который один только может служить им общей мерой.

Злоупотребления, порождаемые обменом, говорят коммунисты, могут быть поэтому устранены лишь одним способом: необходимо радикально уничтожить в продуктах их характер товаров. Заменив обмен раздачей, мы решаем задачу ценности или, вернее, вовсе уничтожаем её; меновая ценность совершенно исчезает, и продукты сохраняют лишь потребительную ценность (полезность)[49].

По нашему мнению, как Прудон, так и коммунисты одинаково ошибаются, потому что одинаково ставят абсолютные принципы. Искать средства для математически точного определения действительной и абсолютной ценности продукта, по нашему мнению, дело химерическое[50], потому что ценность не абсолютное понятие, а, напротив того, существенно относительное. С другой стороны, не менее химерично требовать, подобно коммунистам, совершенной отмены обмена, потому что для этого потребовалось бы слияние всех жителей земного шара в одну общину, управляемую одной центральной распределяющей властью; но и тут ещё остался бы обмен между различными областями земного шара; для того, чтобы не нанести ущерба одной части общины в пользу другой, пришлось бы известным образом уравновесить вывоз из одной области в другую и ввоз в них, а это уравнивание ничто иное как одна из форм обмена.

Мы не можем братья а priori определять, как решат этот вопрос в будущем рабочие группы. Верно одно только, что они решат его не по-прудоновски и не по-коммунистически, потому что и тому, и другому решению противоречит природа вещей.

Возможно, что в известной мере обмен заменится распределением продуктов, согласно условиям, заключённым между рабочими группами; и в основание этого распределения будет, конечно, принята потребность потребителей, а не какая-нибудь теория ценности; но, с другой стороны, это распределение не может перейти за известную меру, и области/общины и рабочие ассоциации будут принуждены прибегать к обмену и искать, следовательно, средств устроить его на основаниях, как можно менее произвольных.

Уничтожение же монополий капиталистов, статистические таблицы труда и потребления, наконец, расширение и усиление производства значительно облегчат эту задачу.

Идти далее и пытаться теперь предугадать подробности было бы слишком смело. Довольно отметить общее направление, от которого абсолютные решения одинаково отклоняются.

V. Критика идеи общественной ликвидации и её прудоновского плана

Все возражения, которые можно сделать на предлагаемый Прудонем план общественного преобразования, сводятся к одному, направленному против самой его идеи способа произвести общественное преобразование. Он называет это преобразование общественной ликвидацией, и выбор этого термина очень ясно указывает общую мысль автора.

Общественная ликвидация! От слов этих часто вставляли дыбом волосы на головах добрых буржуев; а между тем если всмотреться попристальнее, в них нет ничего ужасного; мало того, это не только не революционная формула, это формула консервативная.

Действительно, термин этот, заимствованный из конторского языка, который Прудон очень любил, обозначает просто акт, которым точно определяется, с соблюдением всех интересов, актив и пассив каждого из членов общества; таким образом он необходимо подразумевает сохранение *приобретённых* прав и даёт нам вместо революционной расправы легальную юридическую процедуру, результат которой есть не коренное разрушение всего существующего и основание нового общества, а такой порядок вещей, где более или менее идеальная справедливость воздаст каждому своё, соглашая все различные интересы и равно уважая, как притязания капиталиста, так и требования пролетария.

Итак, Прудон дурно поставил задачу и, ставя её таким образом, необходимо должен был прийти к выводам, несогласными с действительностью и несовместимыми с требованиями революции. Но его инстинкт был лучше его системы, вследствие чего ему часто приходится забывать свою логику, делать огромные отступления с пути, который он себе предначертал, и вступать в явное противоречие с самим собой. Мы уже несколько раз указывали на эти противоречия.

Не надо приписывать заблуждению отвлечённой мысли ошибку, в которую впал Прудон. Если даже такой высокий ум не мог найти истинной постановки социальной задачи и сбился с пути, поняв решение её в форме ликвидации, то это был естественный результат той среды, в которой он жил и мыслил. В 1848-м году разделение между буржуазией и пролетариатом было не так резко, как теперь; финансовый феодализм не дошёл тогда ещё до того развития, которое он приобрёл в последующие двадцать лет; со своей стороны, и пролетариат не получил ещё такого ясного сознания полного противоречия своих сословных интересов интересам буржуазии. Сверх того, тогда существовал средний класс, мелкая

буржуазия, которая ныне всё более и более исчезает или развращается, поступая в лакейскую службу к крупной буржуазии; но тогда этот класс, многочисленный, развитый и хранивший воспоминания великой революции, был надеждой социализма. Эта мелкая буржуазия, по мнению всех тогдашних социалистов, была краеугольным камнем революции; без неё казалось, пролетариат, неспособный освободиться сам, должен коснеть в своей инерции; без неё высшая буржуазия, всё более и более падающая нравственно и умственно, неспособна решить великие задачи общего интереса.

Если мы однажды допустим эту точку зрения и признаем необходимым вмешательство мелкой буржуазии, то роль этой буржуазии, принадлежащей одновременно к обоим лагерям, должна быть очевидно примирительная; с одной стороны, она должна была подвинуть высшую буржуазию на уступки, с другой – вынудить у пролетариата обещание уважать приобретённые права. Таким образом общественное преобразование естественным образом является в виде полюбовного соглашения между различными интересами; пролетарии освобождаются от ренты капитала, рассматриваемой как источник всех зол; капиталисты же продолжают пользоваться своими капиталами и владеть временно землями и недвижимостями, пока их бывшие арендаторы и жильцы не выкупят их у них, выплатив им сумму, определённую с общего согласия.

Итак, мы видим, что система Прудона не есть продукт только личной мысли, а результат специального положения дел, в котором данные задачи были совершенно другие, чем ныне. В самом деле, пролетариат находился тогда в состоянии несовершеннолетия, детства, не мог сам предпринять дела своего освобождения; в то же время тогда существовала мелкая буржуазия, почитавшаяся настоящим народом и главной опорой революции. Оба эти факта должны были придавать проектам общественного преобразования характер соглашения между сословиями. Прудон определял это соглашение именем *общественной ликвидации*. И из этой идеи ликвидации естественно вытекали различные предлагаемые им средства для произведения её, и, прежде всего, Банк дарового кредита.

Действительно, раз задача поставлена так: отдать землю в руки крестьянина не посредством простой и прямой экспроприации, а посредством выкупа; и отдать орудие труда в руки работника, не нанося ущерба собственности капиталиста – представлялось только одно средство решить её – создать учреждение, предназначенное чеканить деньги для пролетариата, дабы он мог заплатить свой выкуп сословию собственников. Вот истинная причина, почему Прудону понадобился его Банк. Банк этот есть необходимое орудие выкупа собственности. По окончании выкупной операции роль его сводится на положение простой меновой конторы.

Стоит только изменить данные задачи, уничтожить выкуп и дать землю крестьянину и орудие труда работнику без вознаграждения собственника, просто посредством экспроприации – и всё это построение кредита и банка рушится само собой; революции они ни на что не нужны.

Итак, прудоновский Банк есть изобретение, порождённое желанием произвести революцию путём ликвидации, т. е. соглашения. При современном же положении дел только изменники или глупцы могут предлагать пролетариату соглашение; противоречие интересов и

принципов таково, что борьба на смерть между требованиями одних и привилегиями других может решить вопрос. Стало быть, теперь уже нельзя говорить об общественной ликвидации; термин этот потерял всякий смысл; он уже не соответствует нашим революционным понятиям. Мы хотим коренного уничтожения буржуазии, без всякой пощады интересов, которые могут встретиться на пути революции. После этого не стоит в сущности и разбирать, насколько кредитная система, предлагаемая Прудонем, осуществима в действительности; это для нас уже не имеет интереса, так как система эта не входит в рамки революции, как мы её понимаем. Коллективистам не приходится опровергать Прудона; находя у него вещи устарелые, понятия, принадлежавшие безвозвратно минувшему времени, мы просто обходим их, не спрашивая, были бы они осуществимы в своё время; нам довольно знать, что в настоящих условиях революции им нет места.

То же и относительно средств, предлагаемых Прудонем для его ликвидации. Его система выкупов общественных и частных долгов уступает место мере гораздо более радикальной и простому уничтожению общественных и частных долговых обязательств. Выкуп земель и строений заменяется революцией коллективизма простой экспроприацией без всякого вознаграждения собственников; и в эту экспроприацию точно также входят фабрики, заводы, всякого рода мастерские, о которых Прудон даже не упоминает в своей системе выкупа.

Читатель заметил, что в плане Прудона ликвидация совершается посредством декретов, издаваемых законодательной властью. Властью этой, вероятно, Прудон полагал новое национальное собрание, которое должно было выйти из выборов 1852-го и от которого некоторые тогдашние социалисты чаяли чуда; но государственный переворот Бонапарта помешал этому собранию выйти на свет. Как бы то ни было, Прудон, так красноречиво осудив власть и государство, обращается к этому самому государству, чтобы сделать революцию. Тут, конечно, не достаёт логики; если, как он повторяет на каждой странице, революция есть разрушение государства и учреждение анархии, то каким же образом государство может явиться услужливым орудием собственного разрушения?

“ «Законодательная власть, говорит Прудон, выступит в последний раз только затем, чтобы продиктовать своё завещание».

Прекрасно, но то же самое говорят и государственные коммунисты, утверждающие, что они только затем и хотят овладеть политической властью, чтобы уничтожить её, как скоро она очутится в их руках; и если мы не принимаем этого объяснения со стороны коммунистов, то оно не лучше и в устах Прудона.

Революция, как мы её понимаем, действует иначе; она не производится с помощью декретов какой-нибудь власти, каким бы революционным и народным именем она себя не величала. Наша революция исходит из революционного факта; этот факт естественный результат борьбы, из которой пролетариат выйдет победителем, будет предшествовать всякому

организационному факту; организация, какая бы то ни было, только заявляет революционный факт и новые условия труда. Другими словами, менее абстрактными, рабочие и крестьяне овладевают землями, строениями, мастерскими, драгоценными металлами, всем общественным капиталом, помимо всяких теорий и мало заботясь о том, под какой рубрикой записан этот акт у социалистических мыслителей, под рубрикой ли *коммунизма*, или *мютюэлизма*, или *коллективизма*; в то же время они уничтожают не фразами декрета, а актами – всё, что служило ходу буржуазных учреждений – бумаги, долговые записи, таблицы налогов, государственные регистры, нотариальные акты, банковские книги и прочее. Это велико движение уничтожения существующего порядка и вступление во владение общественным капиталом совершается путём местного мятежа, непосредственно произведённого самим народом, а не руководимого диктатурой центральной власти; поэтому, по окончании революции в наличности оказываются лишь общины и рабочие группы, которые федерируются как хотят, и входят между собой в свободные соглашения.

Таков второй пункт, по которому мы совершенно расходимся с Прудоном. Он хочет произвести революцию государством; ему надобно *Ликвидирующее Государство*. Мы, напротив, хотим революции посредством масс, без и против государства.

Нам остаётся ещё рассмотреть один важный вопрос – вопрос собственности. Всё, что мы до сих пор сказали, не предreshает его; вопрос о форме собственности остаётся нетронутым. Рассмотрим решения, предлагаемые на этот счёт Прудоном, потому что решения эти могут быть хороши независимо от его системы производства *его ликвидации*.

Прудон различает три рода собственности и для каждого из них даёт особое решение: земли, строения и рабочий инструмент.

Мы видели, что, по Прудону, земля должна остаться индивидуальной собственностью крестьянина. С другой стороны, он даёт общине участие в праве владения и в чистом доходе с земли, что представляет из себя противоречие с привилегией, данной им крестьянам.

Тоже и относительно строений; они принадлежат общине, а между тем жилец, выплативший ценность занимаемой им недвижимости, получает пропорциональную и нераздельную долю в собственности всех построек, принадлежащих общине.

Мы не будем пытаться примирить эти противоречия. По нашему мнению, они служат доказательством того факта, что Прудон из отвращения к авторитарному коммунизму пришёл, с одной стороны, к сохранению индивидуальной собственности; но в то же время он понимал невыгоды этой формы и предчувствовал необходимость и возможность такой организации, которая, не впадая в авторитарный коммунизм, т. е. в государственную собственность, тем не менее, отменила бы индивидуальную собственность. Эта организация, которой первое выражение мы находим, таким образом, в самих противоречиях Прудона, где она является неправильным и инстинктивным планом, есть *коллективизм*.

Коллективизм заключается в необходимости коллективной собственности на основании фактов, представляемых современным развитием производства, где всюду мелкая промышленность и мелкая культура заменяются крупной промышленностью и крупной культурой. Мы признаём принцип, что орудие труда должно быть собственностью работника; но возьмём в примере орудия труда машину, занимающую руки сотни работников, или земледельческую эксплуатацию, требующую труда сотни крестьян; очевидно, что эту машину или землю нельзя раздробить, чтобы части её раздать работникам; машина или земля, становясь собственностью тех, кто пользуется ими, чтобы производить посредством их, должны быть собственностью *нераздельной* или *коллективной*. Прудон допустил этот принцип в организации своих рабочих товариществ.

Право собственности на орудие труда даётся работникам не какой бы то ни было правительственной властью: ассоциации производителей не делаются государственными арендаторами, платящими государству известную повинность за пользование уступленным им орудием труда. Это был бы авторитарный коммунизм.

Коллективизм же, беря, как мы сказали, исходной точкой революционный факт, понимает дело иначе. Различные ассоциации, овладев орудиями своего труда, вступают между собой в федерацию с целью регулирования распределения и обмена продуктов, как и количества производства; они взаимно гарантируют друг другу пользование орудиями труда контрактами, цель которых – воспрепятствовать одной ассоциации овладеть монополией и создать себе привилегированное положение эксплуатацией других. Этот надзор за ассоциациями, который Прудон поручал обществу (т. е. власти, будто бы представляющей общество – или, другими словами, государству), давая даже обществу право распускать ассоциацию, нарушившую свои обязательства – по нашему мнению, это право должно принадлежать самим ассоциациям; они, другие ассоциации, должны непосредственно наблюдать за исполнением существующих обязательств; с этой целью они кроме грубой силы, которая была бы единственным средством государства, располагают ещё более сильным средством; оно состоит в наложении интердикта на ассоциацию, не выполнившую своих обязательств, т. е. в прекращении всяких сношений с ней и в разрыве с ней солидарности.

Мы не считаем нужным объяснять громадную разницу между этой организацией *коллективности* и *анархии*, основанной на автономии групп, свободно федерирующихся между собой, и организацией *авторитарного коммунизма*, отдающего всю собственность в руки государства и обращающего работников в государственных наёмников. Авторитарный коммунизм, главной представительницей которого служит в настоящее время школа Карла Маркса, монополизировала таким образом собственность уже не в пользу буржуазии, а в пользу фикции, в пользу абстракции, существа воображаемого – государства; но для народа эта фикция воплотится в слишком конкретных представителей, государственных людей, чиновников, которые будут по произволу располагать общественным капиталом. Рабочие ассоциации, не владея прямо этим капиталом, будут принуждены спрашивать разрешения пользоваться им у государства через посредство его чиновников, так что последние сделаются распорядителями общественного состояния. На это возражают, что эти чиновники будут избираться народом и что, следовательно, они поневоле должны будут исполнять народную волю; но мы уже достаточно показали, говоря об всеобщем

избирательном праве, насколько можно полагаться на мнимое народное самодержавие, выражающееся выборным путём; мы показали, что это только усовершенствованная форма рабства масс.

Мы полагаем, что этих замечаний достаточно, чтобы выяснить в чём мы расходимся с Прудоном; мы полагаем также, что из наших объяснений стало ясно, что если заменить исходную точку Прудона – *соглашение* или *ликвидацию* – нашей точкой зрения – *разрушительной революции* – то приходишь к теории *коллективизма*, как к логическому следствию принципа анархии развитого самим Прудоном.

В заключение напомним, что Прудон не отрекается совершенно от революционного образа действия; он, правда, строит свою систему через полюбовную ликвидацию, но предусматривает также случай, если буржуазия не согласится на сделку, которая тогда заменится революционным погромом. И тогда, говорит он, уже не будет речи о выкупе, о вознаграждении; пролетариат подвергнет буржуазию экспроприации во имя права войны и возмездия. Но Прудон не хочет останавливаться перед этой перспективой и пишет свою книгу в предположении, что дело обойдётся мирно. Мы же стоим на революционной точке зрения, и те замечания, которыми мы дополнили изложение прудоновской теории, в сущности ничто иное, как выводы из книги Прудона, выводы, которые он сделал бы сам, если бы принял за основание умозаключение революционное, а не полюбовное решение вопроса; но в 1848-м году это решение представлялось ещё смутно среди разных других возможных случайностей будущего, тогда как теперь оно является единственной и близкой действительностью.

VI. Общество без правительства

Разложение правительства в Экономическом организме

Наконец, мы дошли до седьмого и последнего этюда книги Прудона. В нём мы имеем не изложение какой-нибудь организационной системы, а, напротив, отрицание, разрушение правительства; поэтому здесь нам не придётся отступать от аргументации автора, за исключением нескольких мест, где он рассуждает на основании гипотезы учреждения своего Банка и своей кредитной системы и где поэтому, хотя оставаясь верным порядку идей, составляющих его анархическую теорию и общих ему с нами, он по некоторым вопросам высказывает мысли, принадлежащие исключительно его личной точке зрения и которые мы не можем принять.

“ «Между политическим порядком и порядком экономическим, говорит Прудон, между порядком, основанным на законах и порядком, основанным на договорах – слияние невозможно; надо выбирать что-нибудь одно. Бык не может, оставаясь быком, сделаться орлом или летучей мышью с улиткой. Так и общество, сохраняя в какой бы то ни было степени политическую форму, не может organizоваться по экономическому закону. Как согласить местную инициативу с преобладанием центральной власти? Общую подачу голосов с чиновнической иерархией? Принцип, что никто не обязан повиноваться закону, если сам прямо не давал согласия на него, с правом большинства? Писатель, который, сознавая эти противоречия, тем не менее пытался бы разрешить их, не выказал бы этим даже смелости, а показал бы себя только жалким шарлатаном».

«Это столько раз доказанная несовместимость этих двух порядков недостаточна, однако, для убеждения публицистов, которые, соглашаясь с опасностями, представляемыми властью, тем не менее держатся за неё, как за единственное средство обеспечить порядок и вне её видят лишь пустоту и отчаяние. Подобно больному в комедии, которому говорят, что единственное средство ему вылечиться – прогнать своих докторов, они спрашивают, как может порядочный человек обходиться без докторов, общество без правительства. Они готовы сделать своё правительство

каким угодно: республиканским, добродушным, либеральным, эгалитарным; они готовы брать против него какие угодно гарантии; они готовы сколько угодно унижать его перед величеством граждан; они твердят нам: «Правительство – это вы! Управляйте сами, без президента, без представителей, без делегатов! Стало быть, чего же вам ещё хотеть?» Но жить без правительства, уничтожить абсолютно всякую власть без остатка; водворить чистую анархию – это для них непостижимо, нелепо. «Чем же восклицают они, заменяют правительство те, кто толкует о его уничтожении?».

На этот вопрос мы и дадим ответ в настоящей главе. Мы покажем, каким образом все правительственные функции могут и должны быть уничтожены.

а. Культы

Во всех странах и с самого начала человеческой истории религия тесно связана с правительством: церковь, сестра государства и имела назначением давать божественное освящение эксплуатации господствующих классов, отрегулированную под именем государства и правительства.

В наше время церковь ещё связана с государством и представляет поэтому учреждение политическое. Связью этой служит бюджет культов; стоит только уничтожить его, возратить в то же время в коллективную собственность все приобретения духовенства, как движимости, так и недвижимости, и церковь перестанет существовать как учреждение.

Но, скажут, вера всё-таки останется, и верующие, которым нельзя же будет запретить поддерживать добровольными приношениями отправление их культа, сохранять в сердцах своих преданность древним верованиям. Пускай. Эта преданность, сделавшись исключительно платонической, не будет представлять опасности; священник, потеряв своё официальное жреческое достоинство и вынужденный сделаться работником, чтобы жить, лишится обаяния своего сана, а с ним и своего влияния на невежественные и поработанные массы. Решение экономического вопроса есть вместе с тем ключ к вопросу религиозному. Когда люди будут на земле пользоваться благополучием, миром, справедливостью и всеми благами, осуществление которых религия сулит им только в будущей жизни, они очень скоро потеряют привычку предаваться мистическим влечениям и полагаться на отдалённые обещания небесного блаженства.

“ «Католицизм и вообще религия должны покориться своей участи, говорит Прудон: - дело революции в XIX-м веке уничтожить их»

«Я говорю это не по неверию и не по злобе на религию; я никогда не был вольнодумцем и злобы ни к кому не имею. Я высказываю только вывод или, пожалуй, делаю предсказание. Ныне все против попа. Если только реакции не удастся перестроить общество от основания до вершины, переделать его тело и душу, его идеи, интересы, стремления, христианству не жить и двадцать пяти лет. Не пройдёт, может быть, и полвека, как попа будут преследовать за исполнение его должности по обвинению в мошенничестве».

Сюда относится одна из оригинальнейших страниц Прудона, его исповедание веры атеиста; мы приведём её, сожалея, что перевод не может вполне передать её своеобразного красноречия.

“ «Церковь ещё держится у нас и находит предлог к своему существованию, только благодаря трусости самозванных республиканцев, которые почти все не ушли дальше исповедания веры Савойского викария[51]. Подобно эфиопам, о которых мне рассказывал однажды доктор Обер и которые, мучимые ленточной глистой, выгоняют часть её, тщательно заботясь, чтобы голова оставалась. Эти деисты исключают из религии всё неудобное и щекотливое для них, но ни под каким видом не соглашаются выгнать из себя её принципы, вечный источник суеверий, грабежа и тирании. Пусть не будет культа, таинств, откровений – на это они согласны. Но не трогайте их Бога; это, по их мнению, отцеубийство. Оттого суеверия, захваты, пауперизм[52] вечно возрождаются, как члены ленточной глисты. И эти то люди хотят управлять республикой!»

«Более восемнадцать веков тому назад один человек пытался, как мы теперь, возродить человечество. Видя святость его жизни, поражённый громадностью его ума, силою его негодований, Дух Революции, противник Предвечного, признал в нём своего сына. Он явился ему и, показав ему все царства земли, сказал: Даю их тебе все; только признай меня своим творцом и поклонись мне. – Нет, отвечал Назарянин: - я поклоняюсь Богу и ему одному буду служить. Непоследовательный преобразователь был распят. После него фарисеи, мытари, попы и цари явились ещё более свирепыми, более алчными, более подлыми, чем когда-либо, и революция, двадцать раз сызнова предпринимаемая, двадцать раз покидаемая, осталась неразрешённой. Приди ко мне Люцифер, Сатана, кто бы ты ни был, Демон, которого вера моих отцов противопоставила Богу и Церкви! Я возведу твоё слово и не прошу у тебя ничего».

Но что такое атеизм? Отрицание-ли это только? Не есть ли это вместе с тем утверждение? Не есть ли это положительный человеческий принцип, предназначенный заменить Бога? Конечно, и этот принцип выражается Прудон в равенстве, где человеческий принцип занимает место неизвестного;

“ «Бог относится к «Х», как правительственный порядок к порядку промышленному»

Это значит, что промышленный порядок выработает после социальной революции человеческую философию, которая будет выражением новых понятий о нравственности и справедливости, продуктом этой эгалитарной среды, как до сих пор богословие было необходимым продуктом правительственного порядка.

b. Правосудие

В средние века правосудие понималось как атрибут сеньориальной власти, как коронное право, как одна из привилегий власти; и во имя этой то идеи государство до сих пор приписывает себе право судить, произносить приговоры и налагать наказания.

Имеет ли действительно государство право судить и наказывать, разбирать поведение человека и объявлять его виновным или даже признавать его невинным?

Мы отрицаем это. Никто не в праве судить своего ближнего, никакая власть не может произнести против человеческого существа законного приговора. Только сам человек может судить себя, т. е. определять качество своих действий и постановлять для себя в известных данных случаях известное наказание. Вне этого приговора, поставленного с согласия самого виновного, мнимые акты правосудия, исполняемые обществом, суть акты войны и насилия.

“ «Я живу в обществе несчастных, писал Прудон (вспомнил, что его книга писана в тюрьме), которых юстиция притягивает за кражу, подлоги, банкротства, покушения против нравственности, детоубийства, убийства»

«Сколько мне удалось узнать, большинство их уличено, хотя не созналось, rei sed non confessi[53]; и я полагаю, что, не клеветая на них, можно сказать, что это далеко не безупречные субъекты»

«Я понимаю, что этих людей, воюющих против ближних, заставляют вознаграждать причиняемое ими зло, нести расход издержек, которые они

сами вынуждают делать и платить сверх того известную пеню за скандал и страх, которые они причиняют более или менее умышленно. Повторяю, мне понятно это применение закона войны между врагами. Война может иметь не скажу – своё правосудие – это было бы осквернение этого святого имени – но своё равновесие».

«Но я отрицаю, чтобы этих людей можно было запереть в тюрьмы под предлогом покаяния; чтобы их можно было заковывать в железо, срамить, мучить их тело и душу, гильотинировать или, что ещё хуже, ставить по истечении срока наказания под надзор полиции, которая своими неизбежными огласками преследует их во всяком убежище. Я положительнейшим образом отрицаю, чтобы какие бы то ни было основания, как в обществе, так и в совести и рассудке, разрешали подобную тиранию. Делая это закон не правосудие отправляет, а предаётся мести, самой жестокой и несправедливой, мести, которая является последним остатком древней ненависти патрицианских классов к порабощённым»

«Заключили ли вы с этими людьми договор, чтобы иметь право отплачивать им за их проступки цепями, кровью, позором? Дали ли вы им какие-нибудь гарантии, на которых можете основываться? Приняли ли они какие-нибудь условия, которые потом нарушили? Указаны ли с общего согласия какие-нибудь границы страстям, которые бы они потом преступили? Что вы для них сделали такого, что и они обязаны для вас сделать и чем они вообще обязаны вам? Я ищу вольного и свободного договора, который связывал бы их, и вижу только меч правосудия, занесённый над их головами – меч власти. Я требую, чтобы мне показали подлинное обоюдное соглашение, подписанное их рукой и свидетельствующее о их нарушении его, а мне показывают произвольные и односторонние предписания законодателя, которому только содействие палача может придать значение в их глазах»

«Где не было соглашения, не может быть ни преступления, ни правонарушения. И я ловлю вас на ваших собственных правилах: *Всё, что не запрещено законом дозволено; и закон предписывает лишь для будущего и обратного действия не имеет*»

«Но закон, пока я его не одобрил, не признал, не утвердил своим согласием, не скрепил своей подписью, не обязывает меня, не существует. Устанавливать его без моего согласия и потом опираться на это установление против моего протеста – значит давать ему обратное действие, значит нарушать его самого. Вам ежедневно случается отменять решения за несоблюдение формы. Подумайте, что у вас нет акта, который не подлежал бы отмене за несостоятельность самую чудовищную – за подмену закона! Суфляр, Ласнер[54], все злодеи, посланные вами на казнь,

ворочаются в своих могилах и обвиняют вас в юридическом подлоге. Что вам ответить им?»

«Не толкуйте о подразумеваемом согласии, о вечных началах общества, о морали нации, о религиозной совести. Потому то именно и следовало выразить правила права и нравственности и предложить их на общее согласие, что общечеловеческая совесть признаёт и право, и нравственность, и общественность. А вы сделали это? Нет; вы предписали, что вам вздумалось, и называете этот указ правилом совести, выражением общего согласия. Нет, стойте! В наших законах слишком много пристрастия, слишком много подразумеваемого, двусмысленного, слишком много такого, на что мы не согласны. Мы протестуем и против ваших законов, и против вашего правосудия»

«Общее согласие! Оно напоминает другой мнимый принцип, выдаваемый вами также за великое приобретение: всякий обвинённый должен быть судим своими равными, которые суть его *естественные судьи*. Какая насмешка! Какие же могут быть естественные судьи у этого человека, который не участвовал в обсуждении закона, не давал на него своего согласия, который даже не читал закона, даже не понял бы его, если бы ему прочли его, с которым не советовались при выборе законодателя? Как? Естественные судьи пролетария – это капиталисты, собственники, счастливы, находящиеся в сделке с правительством, пользующиеся его покровительством и благосклонностью? Это *честные и свободные люди*, и они-то *по своей чести и совести* – какая гарантия для обвинённого! – *перед Богом* – о котором он никогда не слыхивал – и *перед людьми* – в числе которых он не считается – объявляют его виновным; и если он укажет на дурные условия, в которых его поставило общество, если он напомним все бедствия своей жизни, все горечи своего существования, они в ответ сошлются на подразумеваемое согласие и на общечеловеческую совесть!»

«Правосудие может быть только одно, то, которому обвинённый подвергает себя сам. И так будет, когда каждый гражданин будет прямым участником в общественном договоре; когда этот торжественный договор определит права, обязанности и принадлежности каждого; когда обменены будут гарантии и принята санкция»

«Тогда правосудие, исходя из свободы, перестанет быть местью и будет вознаграждением. Тогда судебный процесс сведётся к простому собранию свидетелей; между истцом и ответчиком, между тяжущимися не нужно будет других посредников, кроме друзей, на решение которых они положатся»

«Полное, немедленное, безотлагательное уничтожение без всякой замены судов есть одна из первых необходимостей революции. Пусть полагают

сроки для других реформ; пусть общественная ликвидация, например, совершится лишь в двадцать пять лет; пусть организация экономических сил произойдёт только через полвека; но отмена юридических властей не термит ни малейшего промедления»

«С точки зрения принципов, организованное правосудие, правосудие в форме учреждения, есть непременно формула деспотизма, следовательно, отрицание свободы и права. Везде, где вы оставите юрисдикцию, вы оставите зародыш реакции, из которого рано или поздно разовьётся политическая или религиозная автократия»

«С политической точки зрения, поручить старым юристам, одержимым роковыми понятиями, истолкование нового общественного договора было бы губительно для него. Дело и теперь ясно: юристы оттого так беспощадны к социалистам, потому что социализм есть отрицание юридической функции и служащего ей основой закона. Когда судья решает участь гражданина, обвиняемого законом в революционных мыслях, словах или писаниях, он не виновного судит, а поражает врага. Из уважения к правосудию уничтожьте этих чиновников, которые борются за свои тоги и очаги»

Каждый революционер, конечно, может безусловно согласиться с каждым словом этой красноречивой страницы, где Прудон разрушает старое юридическое строение, которое заодно с армией и церковью составляет один из прочнейших столпов государства.

Далее, в заключение своей книги, Прудон излагает конституцию договора взаимности и справедливости между людьми; это изложение составляет необходимое дополнение предыдущей цитаты:

“ «Разум при помощи опыта излагает человеку законы Природы и Общества; затем он говорит ему:

Законы эти суть законы самой необходимости. Их никто не делал; никто не навязывает их тебе силой. Они были открыты мало-помалу, и я существую, чтобы свидетельствовать о них

Соблюдая их, ты будешь добр и справедлив.

Нарушая их, ты становишься зол и несправедлив.

Других оснований я тебе не предлагаю»

«Уже некоторые из ближних твоих признали, что справедливость лучше для всех и для каждого, чем несправедливость, и взаимно согласились хранить в отношении друг друга верность и уважать права друг друга, т. е. почитать правила взаимного договора, которые сама природа вещей указывает как единственно способные обеспечить в широчайшем размере благосостояние, безопасность и мир»

«Хочешь ли присоединиться к этому договору, вступить в общество этих людей?

Обещаешь ли уважать честь, свободу и благо своих братьев?

Обещаешь ли никогда не присваивать ни насилием, ни обманом, ни лихвой, ни ажиотажем продукты и достояние другого?

Обещаешь ли никогда не лгать и не обманывать ни в правосудии, ни в торговле и ни в каких иных отношениях твоих?

Ты волен согласиться или отказаться»

«Отказываясь, ты остаёшься членом общества дикарей. Отрёкшись от общения с человеческим родом, ты становишься подозрителен. Никто не защитит тебя. При малейшей обиде первый встречный может поразить тебя, не подвергшись иному обвинению, кроме обвинения в беспощадной жестокости над зверем»

«Присягая договору, ты делаешься членом общества свободных людей. Все братья обязуются в отношении тебя, обещают тебе верность, дружбу, помощь, услуги, обмен. В случае нарушения с их или твоей стороны по небрежности, гневу или злему умыслу, вы ответственны друг перед другом за нанесённый ущерб, равно как и за причинённый вами соблазн и страх; эта ответственность может выражаться в наказании, смотря по тяжести клятвенного нарушения и в случае его частого повторения, вплоть до исключения из общества и смерти».

с. Администрация. Полиция

Мы не будем долго останавливаться на этой главе. Бюрократия так часто подвергалась критик, что повторять эту критику ещё лишний раз не стоит. Прудон подробно обличает невыгоды административной централизации, которую Республиканцы выдают за славнейшее творение революции.

«Если бы, говорит он, мне приходилось бы говорить с людьми, проникнутыми любовью к свободе и имеющими самоуважение, и, если бы я хотел возбудить их к мятежу, я вместо всяких речей, ограничился бы перечислением им административных прав префекта».

Мы не преследуем за ним в этом перечислении. Довольно напомнить, что с уничтожением государства, администрация и полиция сделаются чисто общинными функциями, деятельностью; потеряв свои правительственные связи, они лишаются своего авторитарного, произвольного характера и становятся чисто экономическими функциями, совершенно аналогичными тем, которые в промышленном порядке исполняют все работники.

d. Народное просвещение. Общественные работы. Земледелие и торговля. Финансы

Прудоновская теория образования приобрела популярность под именем интегрального (всестороннего) образования. Программа его не раз развивалась на интернациональных конгрессах подробнее, чем у самого Прудона.

По республиканцам, образование должно быть *даровым*, т.е. бесплатным и *обязательным*. Это пустая фраза. Пока образование остаётся порученным государству, называть его *даровым* – надувательство, а делать *обязательным* – несправедливое насилие.

Действительно, образование, даваемое государством, может быть даровым лишь по видимости. Услуги, требуемые от государства, должны быть оплачиваемы с помощью налога, и оплачиваемы очень дорого; народ давно знает это по опыту. А кто, в конце концов, платит налоги? Не работник ли?

Что касается обязательности, то в высшей степени несправедливо принуждать ребёнка посещать школу, не давая ему в то же время необходимых средств к существованию. Что отвечать родителям, которые вынуждены, чтобы прокармливать своих детей, передавать их в когти промышленника, едва они достигнут возраста, в котором могут работать? Государство, имеющее претензию обязать детей посещать школу, должно быть вместе с тем взять на себя обязательство содержать их.

Но оно не могло бы взять на себя этого нового обязательства, не увеличив налога, так что в результате опять-таки работник платил бы за всё, и вышло бы только новое надувательство.

Социалисты ставят вопрос иначе. Образование, говорят они, должно даваться за счёт коллективности[55]; она даёт ссуду детям в виде средств для получения материального и нравственного воспитания, и они, повзрослев, возвратят её своим трудом. Решив таким образом вопрос о расходах, социалисты допускают обязательность, но со следующими двумя оговорками:

Обязательность не налагает на родителей никакой новой обязанности и не грозит им никакой карой; она только лишает их права, доселе признанного за ними, оставлять своих детей в невежестве, отнимать у них возможность получать образование, которое до сих пор было им предоставлено, и передаёт эту заботу коллективности. Кроме того, обязательность не влечёт за собой никаких принудительных мер против ребёнка, который питает отвращение к науке только из-за неспособности тех, кто до сих пор руководил им в ней.

Образование, прибавляют социалисты, должно быть *интегральным*, всесторонним т. е., с одной стороны, оно должно включать в себя не одну отвлечённую теорию, но и профессиональную практику; с другой же стороны, оно не должно ограничиваться одной или несколькими специальностями, а простирается на всю совокупность человеческих знаний.

Если мы будем рассматривать человека с индивидуальной точки зрения, с точки зрения человеческого права знать всё и развивать свой ум во всю полноту возможного развития, то план образования представится нам в следующем виде: Познание великих научных законов, способов исследования, приведших к открытию их, общее понятие о промышленности и её современных способах, теоретическое и практическое изучение главных инструментов её, развитие художественного чувства, практическое изучение справедливости посредством ежедневных отношений.

Но цел человека не только своё личное развитие; он должен сделаться полезным членом коллективности, способным занимать в ней одну или несколько определённых должностей; стало быть, он должен стараться приобрести известную степень искусства в нескольких различных специальностях; и эта часть образования не менее важна, чем приобретение общих познаний в науках[56].

Образование по подобному плану не могло бы даваться, как теперешнее, в школе, где дело учителя – преподавать ученикам известные слова и формулы. Образование должно быть здесь нераздельным с ремесленным учением, обучение науке с профессиональным обучением.

“ «Разделять, говорит Прудон, научное образования и профессиональное и, ещё хуже, разделять профессиональное образование от настоящего, полезного, серьёзного, ежедневного занятия ремеслом – значит воспроизводить в новой форме разделение власти и классов, два сильнейших орудия правительственной тирании и подчинения работников»

«Пролетариям следует подумать об этом»

«Если школа горного дела есть что-то иное, а не горный труд, сопровождаемый изучением науки, относящейся к горнодобывающей

промышленности, то школа эта будет производить не горнорабочих, а их начальников, аристократов»

«Если школа декоративно-прикладного искусства не есть изучение искусства и производства её, а что-то иное, то из неё будут выходить не умельцы, а их директора, аристократы»

«Если школа финансов не лавка, не контора, не магазин, а что-то иное, она создаст не торговцев, а баронов торговли, аристократов»

«Если морская школа не есть просто служба на корабле, начиная с юнги, то она будет лишь средством разделять моряков на два класса: на класс матросов и на класс офицеров»

«Так и бывает в нашем порядке политической тирании и промышленной анархии. Наши школы – это или учреждения роскоши и предлоги для sinecur, или семинарии аристократизма. Школы Политехническая, Нормальная, Сен-Сирская (военная), юридическая и прочие учреждены не для народа; они учреждены, чтобы поддерживать, укреплять, увеличивать разделение классов, чтобы довершать и упрочивать разрыв между буржуазией и пролетариатом»

«В настоящей, подлинной демократии, где каждый должен иметь под рукой, у себя дома высшее и низшее образование, это школьная иерархия немыслима. Это противоречит принципу общества. Как скоро воспитание слилось бы с обучением, как скоро в теории оно состояло бы в классификации идей, а на практике в разделении труда, как скоро оно сделалось бы одновременно делом умственным, трудовым и хозяйственным – оно не будет зависеть от государства, оно не будет совместна с правительством!»

Итак, министерство народного просвещения уничтожается.

Вместе с ними в экономической организации исчезают министерства общественных работ, земледелия, торговли и финансов.

Первое невозможно, когда инициатива принадлежит общинам в деле предприятия работ в их округах, а инициатива в исполнении этих работ – рабочим товариществам.

Да и зачем здесь центральная администрация? Она не только не приводит интересы в гармонию, как утверждают её приверженцы, а, напротив, порождает привилегии, позволяя центральной власти покровительствовать одним общинам в ущерб другим. Единственное средство создать истинную гармонию интересов состоит в прямом согласии между собой всех общин, заинтересованных в каком-нибудь общепольном предприятии. Здесь, как

всюду, централизация, проповедуемая якобинцами и государственными коммунистами, является агентом продажности, фаворитизма и порабощения.

Земледелие и торговля – дело ассоциации производителей, а не государства. Государство, даже коммунистическое, о котором мечтают последователи Маркса, ставя себя на место свободных ассоциаций и заявляя притязание возвысить земледельческий труд посредством централизованной администрации, поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам, превращённых таким образом в государственных чиновников и копающих землю под его надзором, привело бы к ужаснейшей неурядице, к плачевнейшему расхищению и к гнуснейшему деспотизму.

Что касается торговли, то пусть предоставят ассоциациям производителей и общинам учреждать свои обменные конторы; эти конторы вступят между собой в федерацию; общая и точная статистика позволит определить нормальное отношение между производством и потреблением различных продуктов; и люди без всякого вмешательства центральной власти очень быстро достигнут удовлетворительной деятельности этих общинных контор, которые в будущем обществе будут служить органами распределения и обмена.

Относительно министерства финансов, говорит Прудон, очевидно, что существование его обусловлено существованием других министерств. Финансы для государства тоже, что ясли для осла. Уничтожьте политическую упряжку, и администрация, имеющая единственной целью добывать и давать ей корм, сама собой окажется лишней.

е. Иностранные дела. Войско, Флот

Многие революционеры, допускающие возможность и необходимость уничтожения правительства для внутренних дел, возражают, однако, что во внешних сношениях страны необходимо, чтобы какое-нибудь правительство представляло нацию; а если, притом, отношения эти будут враждебными, что весьма вероятно в эпоху революционного кризиса, то должно быть, чтобы правительство было тем сильнее и централизация была тем энергичнее.

Тут прежде всего вопрос в том, как мы представим себе отношение Европы к стране, где вспыхнула социальная революция. Мы полагаем, что революция заразительна и что, если она не сделается всеобщей, она погибнет. Мы рассчитываем, что эта заразительность революций не позволит деспотам опереться на их армии и возобновить коалицию 1793-го[57] года против страны, провозгласившей права труда. А когда революция совершается повсюду, что станет с политическими государствами, с национальными знамёнами? Нужна ли будет дипломатия? Будут ли народы воевать между собой ради расширения своих областей?

Нет. В порядке, где все интересы солидарны, нации перестанут образовывать отличные друг от друга политические организмы; они не сольются в фантастическое и чудовищное единство; они войдут между собой в федерацию, как раньше этого войдут в федерацию общины и ассоциации производителей.

«Правительства, говорит Прудон, заявив претензию учредить в человечестве порядок, организовали затем народы во враждебные друг другу лагеря; внутри их единственным занятием было создавать рабство, а во внешних отношениях – поддерживать войну в перспективе или на деле»

«Угнетение народов и их взаимные ненависть суть факты параллельные, солидарные, вызывающие один другого и могущие исчезнуть лишь вместе с уничтожением их общей причины – правительства»

«Поэтому пока народы будут состоять под полицией царей, трибун или диктаторов, пока они будут повиноваться видимой власти, учреждённой среди них и издающей управляющие ими законы, они будут находится в войне между собой; никакие священные союзы, демократические конгрессы, амфикиионии[58], центральные европейские комитеты не смогут ничего против этого сделать. Огромные организмы, организованные подобным образом, необходимо противоположны друг другу по интересам; сливаться воедино они не хотят, а признавать справедливость не могут; они должны, стало быть, бороться и драться войной или дипломатией, не менее безнравственной, чем война»

Возбуждаемая государством национальность противопоставляет непобедимое сопротивление всякой попытке слияния народов воедино; вот почему монархия никогда не могла добиться своей цели – стать всемирной. Всемирная монархия в политике тоже, что квадратура круга или вечное движение в математике – противоречие. Нация может терпеть правительство, пока её экономические силы не организованы и пока это правительство её собственное: национальность власти, отводя глаза от оценки её принципов, сохраняет правительство в ряду бесконечных смен монархий, аристократий, демократий. Но если власть чужда нации, последняя чувствует её как оскорбление, мятеж тлеет во всех сердцах, и учреждение не может долго держаться»

«То, что не удалось ни одной монархии, даже монархии Цезарей; то, чего не могло создать христианство, свод всех древних религий, - то совершит экономическая революция. Когда в каждой стране за руководство общества будет вместо религии и власти принята наука, не будет ни национальности, ни отечества в политическом смысле: останутся только привязанности и связи родины. Человек, какого племени и цвета бы он ни был, будет действительно туземцем мира, будет всюду гражданином. Гармония будет царствовать между нациями без дипломатии и без соборов, и ничто никогда не нарушит её»

Затем Прудон обзорекает главные вопросы международной политики, стоявшие на очереди в его время (и до сих пор не потерявшие современного интереса) и решает их по началам

анархического социализма. Мы закончим этой в высшей степени интересной цитатой наш разбор его этюда «Об Обществе без Правительства».

“ «Россия, говорит он, хочет утвердиться в Константинополе, как утвердилась в Варшаве, т. е. заключить в себе Босфор и Кавказ. Но революция не допустит этого и для безопасности прежде всего взбунтует Польшу, Турцию, все русские провинции, которые можно взбунтовать и дойдёт, наконец, до Петербурга. А тогда в чём будет состоять русский интерес в Варшаве и Константинополе? В том же, в чём будет состоять в Берлине и Париже – в свободном и равном обмене. Во что обратится сама Россия? В собрание свободных независимых народов, соединённых лишь торжеством языка, сходством обычаев, аналогией функций, условиями местности. В подобных обстоятельствах завоевание бессмыслица. Если бы Константинополь и принадлежал бы России, то, как только революция совершится в России, Константинополь будет принадлежать сам себе, как будто никогда не терял своей независимости. Восточный вопрос в русском смысле перестанет существовать»

«Англия хочет владеть Египтом, как владеет Мальтой, Корфу, Гибралтаром и прочим. Революция отвечает на это тем же. Она предписывает Англии воздерживаться от покушений на Египет, положить предел своим захватам и своей монополии и для безопасности очистить острова и крепости, из которых она грозит свободе наций и морей. Англия должна преобразиться в революции, как и прочие нации. А раз что революция свершится в Лондоне, раз британская монополия будет вырвана с корнем, сожжена и прах её развеян, нужно ли будет Англии владение Египтом? <...>Тогда все будут иметь право и возможность входить, выходить, торговать по своему желанию, создавать фермы разрабатывать полезные ископаемые, строить промышленные предприятия, и выгода будет одинакова для всех наций; <...>»

«Между нами ещё существуют *шовинисты*, непременно желающие восстановления *естественных* границ Франции. Они требуют или слишком многого, или слишком малого. Франция везде, где говорят её языком, где следуют её Революции, где приняты её обычаи, её искусства, её литература, подобно тому, как приняты её меры и её монета. С этой точки зрения ей принадлежит Бельгия (точнее Валлония), швейцарские кантоны Невшатель, Во, Женева, вся Савойя, часть Пьемонта (Аоста); но от тогда неё должны отойти немецкий по сути Эльзас, может быть даже часть Прованса (Ницца, в которой живут итальянцы), Гаскони (Северная страна Басков), кельтской Бретани, жители которых не говорят по-французски[59], и часть их всегда стоит за короля и попов против Революции. Но зачем эти перестройки? Эта мания присоединения

возбудила при Конвенте и Директории недоверие народов к Республике и, дав нам вкус к Бонапарту, привела нас к Ватерлоо. Революционизируйтесь, говорю я. Наша граница будет довольно широка, будет вполне французской, если будет границей революционной»

«Скажем раз и навсегда: самый характерный, самый решительный результат Революции будет состоять после организации труда и собственности в уничтожении политической централизации, государства, последствием чего будет уничтожение дипломатических отношений между нациями по мере того, как они будут приступать к революционному союзу. Всякий возврат к политическим преданиям, всякая забота об европейском равновесии под предлогом национальности и независимости государств, всякое предложение заключать союзы, признавать независимости, возвращать провинции, переносить границы – обнаружили бы в представителях движения полнейшее непонимание потребностей века, презрение к социальным реформам и даже реакционный умысел»

VII. Заключение

Книга, содержание которой мы изложили и комментировали, посвящена развитию следующего тезиса:

“ «Революция в XIX-м веке состоит в разрушении политических государств, в отмене всякого правительства вообще»

Рядом с этим главным тезисом излагается план ликвидации и разные экономические теории, лично принадлежащие Прудону. Но это вещи побочные, которые можно оставить совершенно в стороне и рассматривать только великий принцип, так хорошо сформулированный и доказанный писателем-социалистом, принцип отрицания власти, принцип анархии.

Стало быть, те ошибки, которые мы указали в некоторых частях книги, те противоречия, в которые Прудон нередко впадает, принимаясь за решение вопросов собственности, те несогласия между его планом ликвидации и современным положением пролетариата, на которые мы должны были обратить внимание читателей – всё это вещи неважные. Принцип остаётся непоколебим и блещет тем ярче, чем больше критика освобождает и очищает его от всех этих примесей, выставляя его не как принадлежность личной системы какого-нибудь автора, а как объективную истину, независящую ни от каких систем, как формулу социальной революции.

В эпилоге своей книги Прудон красноречиво резюмирует свои доводы против правительства и сопоставляет картину общества, управляемого властями и законом, с картиной общественного быта, основанного на договоре.

“ «Личность человеческая! Воскликает он с негодованием, – как могла ты шестьдесят веков терпеть такое унижение? Ты величаешься святой и священной, тогда как на деле ты неустанная, даровая блудница твоих холопов, твоих солдат, и твоих попов! Ты знаешь это и терпишь это! Тобой управляют, то есть тебя караулят, инспектируют, шпионят, направляют, регламентируют, подводят под законы, классифицируют, учат, набивают

чужими мнениями, контролируют, ценят, оценивают, урезают, заставляют повиноваться себе люди, не имеющие на то ни права, ни знания, ни достоинства. Тобой *управляют*, то есть при каждом твоём действии, при каждом сношении, при каждом движении твоём тебя отмечают, записывают, сосчитывают, назначают тебе продажную цену, отмечают тебя клеймом, привешивают к тебе ярлык, патентуют, разрешают, дозволяют тебя, расписываются на тебе, сдерживают, взнуздывают, переделывают, поправляют и исправляют тебя. Под предлогом общественной пользы и общего интереса тебя грабят, дрессируют, эксплуатируют, монополизируют, обкрадывают, давят, мистифицируют; а при малейшем сопротивлении, при малейшей жалобе начинаются усмирения, взыскания, унижения, поругания, травля, торможение, оскорбления; тебя обезоруживают, вяжут, сажают в тюрьму, расстреливают, жарят в тебя картечью, судят, приговаривают, ссылают, приносят тебя в жертву, продают, предают и в довершение надувают, дурачат, оскорбляют, бесчестят! Вот что такое правительство, вот что такое правосудие, его мораль! И после этого есть ещё демократы, находящие в правительстве хорошие стороны; есть социалисты, отстаивающие эту гнусность во имя Свободы, Равенства и Братства; есть пролетарии, являющиеся кандидатами в должность президента Республики – лицемеры!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Исповедь революционера

Вступление

Через несколько месяцев после революции 1848-го года Прудон, сидя в тюрьме за проступок в печати, написал *Исповедь Революционера*, вышедшую первым изданием в ноябре 1849-го года. В этом сочинении он сделал очерк главных фаз революционного движения и реакции, так быстро задушивших его, и показал, что даже такие люди, как Ледрю-Роллен[60] и Луи Блан, считавшие себя служителями Революции, были несознательными агентами реакции. Несколько позже правительство Луи Бонапарта доставило нашему писателю новый досуг, посадив его в Консержерн, где он написал разобранную нами выше книгу «Общая идея революции в XIX-м веке», которая, по мысли его, должна была служить дополнением его *Исповеди*; в последней он критиковал действия, а в первой должен был показать, что, по его мнению, следовало сделать, чтобы повести революцию в правильное русло.

Мы изменили хронологический порядок, начав с изучения теории. Теперь, когда читатели наши познакомились с идеями Прудона, когда они узнали великий принцип, которого он долгое время был единственным и красноречивым защитником – принцип *отрицания правительства*, когда они могли дать себе отчёт в его заблуждениях и их причинах – мы можем обратиться с ними к *Исповеди революционера*. В этой истории февральской республики мы увидим в приложении к каждой фазе этой плачевной драмы те принципы критики, справедливость которых мы познали в теоретическом отделе нашего этюда.

I. Партии и правительство

Прежде чем приступить к делу, попытаемся признать несколько общих принципов, которые позволили бы нам легче ориентироваться среди событий современной истории, часто очень запутанных и непонятных для толпы. Во-первых, разберём, что такое партии, откуда они берутся. Поняв их сущность и характер, мы лучше поймём их вечно возобновляющуюся борьбу, составляющую всё содержание истории.

История происходит во времени и, подобно ему, имеет два полюса – *прошлое и будущее*. Из людей одни более держаться опыта прежнего времени и неохотно идут вперёд в неизвестность будущего; другие, нетерпеливо перенося зло настоящего, стремятся к переменам.

Эти два течения идей создают две партии[61]: партию прошлого, которую мы называем *консервативной*; и партию будущего, которую мы называем партией *социалистической*.

Между этими двумя крайними партиями находятся две средние – правый и левый центры; это партия *золотой середины* или *доктринёрства***[62]** и партия *якобинская* или *радикальная*.

Партия золотой середины происходит от того эгоистического и апатичного расположения ума, которое откровенным решениям предпочитает невозможные компромиссы. Она одинаково враждебна и консерваторам, и социалистам, но темперамент её внушает ей приёмы, придающие ей ложное сходство с первыми; можно сказать, что партия золотой середины есть притворный консерватизм.

Якобинство есть тоже золотая середина под личиной насилия и с революционными ухватками. Борясь против консерваторов и доктринёров, якобинство оговаривает сохранение власти, которой желает для себя. Как золотая середина есть притворный консерватизм, так якобинство – притворный прогрессивизм; он с ожесточением восстаёт против атеистов и анархистов.

Эти четыре партии под разными именами и в разных формах наполняют собой всю историю; это, так сказать, её четыре стороны света. По необходимому результату человеческой способности прогрессировать, они всегда были современны в обществе и современны разуму. Все они имели свои преступления и безумия, как и свою долю истины и пользы в человеческом развитии. Они были возбудителями общественного мнения, агентами и направляющими прогресса; в них олицетворяются все способности коллективного существа, все условия социальной жизни.

Партии боролись за власть. Что такое власть? Откуда происходит она?

Первой мыслью людей, собравшихся в общество, было учредить власть, которая должна была бы наблюдать за ними и управлять ими. Это был единственный способ, который они могли придумать для установления порядка и справедливости.

Но немедленно каждый начал стремиться заставить власть служить орудием его свободы в ущерб свободе других, т. е. овладеть правительством. Ввиду этой цели партии и организуются; состязание из-за власти есть главная причина их бытия. Каждый видит в правительстве средство угнетать и эксплуатировать ближних. Консерваторы, доктринёры, якобинцы и социалисты смотрели на власть с желанием овладеть ею.

Правы ли партии в желании овладеть властью?

Да, если их цели – это господство и эксплуатация; но они поступают неправильно, если их цели – освобождение и революция.

Правительство есть необходимое орудие консервативной и доктринёрской партии, которые по собственному сознанию основывают всё общественное здание на порабощении масс и на эксплуатации человека человеком.

Якобинская партия, будь она искренне революционна, не искала бы так страстно власти; но её революционность только в словах и формах. Поэтому она, как и две первые партии, есть партия правительственная.

Остаётся социалистическая партия, которая, представляя прогресс, будущее, должна бы стремиться к разрушению власти, а не к овладению ей. Однако и она разделяет заблуждение, будто правительство необходимо для осуществления её программы, и, подобно другим партиям, вместо того, чтобы заявить себя антиавторитарной партией, ставит себе цель завоевание власти. В 1848-м году почти все социалисты признавали знаменитый афоризм: *Социальная революция есть цель, революция политическая – средство*; и во имя этого правила они только и помышляли об овладении правительственной властью, что, по их мнению, было единственным средством осуществить революцию.

Ошибка их была глубока, потому что нелепо думать, чтобы правительство могло бы когда-нибудь быть революционным, по той простой причине, что оно правительство. Только общество, проникнутая интеллигенцией масса может сама собой сделаться революционной, потому что только она может рационально сама собой развиваться, анализировать, объяснять и удовлетворять свои нужды. Правительство учреждены, чтобы держать мир в дисциплине, а хотят, чтобы они сами себя уничтожили, создавая свободу, делая революции!

Это невозможно. Все революции всегда исходили от народа; если иногда правительство следовали народной инициативе, то лишь по неволе и против воли. Почти всегда они мешали, сдерживали, карали; по собственному же побуждению никогда ничего не революционизировали. Роль их – не вести прогресс, а сдерживать его. Поэтому революция сверху, через правительство, о которой так мечтали социалисты 1848-го года (а ныне мечтает школа Маркса) – утопия, противоречие и в действительности не может привести ни к чему, кроме установления новой формы тирании.

«Вот почему, говорит Прудон, все партии без исключения, поскольку они добиваются власти, суть разновидности самодержавия и почему для граждан не будет свободы, для общества порядка, для работников согласия, пока отречение от власти не займёт в политическом катехизисе место веры во власть.

Прочь партии;

Прочь власть;

Полная свобода человеку и гражданину;

Такова, в трёх словах, вся наша политическая и социальная вера».

II. Исторических обзор

Рассмотрим различные порядки, сменявшие друг друга во Франции с революции 1789-го года; мы найдём в этом обзоре подтверждение принципа, что правительства – урождённый враг революции и что всякая партия, какой бы революционной она себя не представляла, делается абсолютистской, как только начинает стремиться к власти.

“Власть существовала во Франции четырнадцать веков, говорит Прудон. Четырнадцать веков она была свидетельницей усилий среднего сословия учредить общину и основать свободу. Она сама иногда принимала участие в этом движении, сокрушая феодализм и создавая деспотизмом национальное единство. Она даже неоднократно признавала неотъемлемое право народа и для потребностей казны созывала общие собрания. Но она всегда с ужасом смотрела на эти собрания, где раздавался голос, по временам не имевший ничего божественного, голос чисто разума, великий голос народа. Настало время закончить эту великую революцию. Страна сильно требовала её; правительство не могло отговариваться неведением; приходилось уступить или погибнуть»

«Но что такое была эта власть? Могла ли она понять факт и право? Была ли она учреждена для служения свободы?»

«Кто в 1789-м году сделал революцию? – Средний класс»

«Кто в 1789-м году противился революции? – Правительство»

«Несмотря на инициативу, которую оно вынуждено было принять, правительство в 1789-м до такой степени противилось революции, что для принуждения его к ней нации пришлось взяться за оружие, 14 июля было (взятие Бастилии) манифестацией, где народ вёл правительство к суду, как жертву на заклание. Октябрьские дни, федерации 1790-го[63] и 1791-го, возвращение из Варенна[64] – всё это были этапы этого торжественного шествия, которое привело к 21-му января (казнь Людовика XVI-го в 1793-м)»

К несчастью, принялись только за одну форму правительства, за монархию, между тем как следовало поразить сам принцип. Федерации, образовывавшиеся произвольно, со всех

сторон, при начале революции, указывали народу путь, которым следовало идти, чтобы выйти из правительственного и политического порядка и перейти в порядок экономический. Но авторитарная идея не могла быть понята в то время во всей своей полноте. По этой причине, свалив монархию, народ поспешил восстановить власть в форме республики.

Конвент, где господствовали якобинцы, восстановил правительственную власть; он с неистовством законодательствовал, регламентировал, централизовывал и беспощадно карал анархистов Парижской коммуны, желавших ограничить силу центральной власти.

После падения Конвента власть перешла к умеренным, доктринёрам, учредившим Директорию, которая в свою очередь была заменена диктатурой Бонапарта сначала прикрытой именем консульства, а потом провозглашённой открыто под именем Империи. Народ доверился Бонапарту, видя в нём истинного представителя Революции; Конвент, проявивший великую энергию в дни кризиса, показался слишком склонным к насилию; Директория проявила себя слабой и неспособной; оба равно обнаружили своё бессилие привести революцию к цели. По народному же предрассудку, Революцию могло совершить только правительство, и потому полагали целесообразным предпринять опыт, который обещал, казалось, лучший результат, чем предыдущие; надо было создать правительство сильное, которое могло бы сокрушить все противодействия; с этой целью Бонапарт был облечён диктаторской властью и получил поручение завершить Революцию. Но как только абсолютная власть воплотилась в его персоне, он уже не мог действовать наперекор роковому характеру правительства; вместо того, чтобы служить Революции, он пошёл восстанавливать, насколько мог, старый порядок; и народу было дано время раскаяться в своей глупой доверчивости, когда глава государства принялся всюду ставить свою личную волю на место воли граждан, уничтожать все вольности и, наконец, своими завоевательными войнами – естественным наследием стремления власти раздвигать как можно дальше границы своего действия – вызвал против себя восстание всей Европы.

Пришла Реставрация, и французская нация, приписывая разочарования Империи единственно неудачному выбору личности деспота, опять пошла на договор со своим новым повелителем, всё ожидая от правительства счастья себе и осуществления прогресса, желание которого было высказано ещё в депутатских полномочиях 1789-го года[65]. Через несколько лет Карл X-й[66] был обвинён в нарушении договора и выгнан; и что же? Научился ли народ горьким опытом? Открыл ли он наконец глаза и решился ли наконец обойтись без правительства? Нет, первой заботой его было приискать себе господина, который согласился бы занять место выгнанного, и таким образом была учреждена июльская монархия.

Июльская монархия заслуживает более подробного изучения, потому что она подготовила революцию, историю которой мы хотим рассказать.

В 1830-м году доктринёрская партия лишила власти партию консервативную, иначе называемую легитимистской. Эта доктринёрская партия олицетворялась тогда в классе, который, освобождённый с 1789-го и владевший капиталом, стремился один завладеть браздами правления и играть в обществе роль, какую прежде играло феодальное дворянство: это буржуазия. Луи Филипп был её представителем, и если мы хотим знать

политику Луи Филиппа, *идею его царствования*, нам надо узнать, чего хотела буржуазия.

Она хотела прежде всего *делать дела*; над мнениями и партиями она смеётся; религию и представительный порядок она соблюдает для формы, но не верит в них. Она желает благосостояния, роскоши, наслаждений; она требует возможности наживаться.

Луи Филиппу была вверена миссия дать царство буржуазной идее, т. е. распространять мораль эгоизма, принцип *каждый сам за себя*, развратить совесть: иные имели принципом божественное право или военную диктатуру, его принципом было *оподление*.

И он достойно выполнил своё назначение, без зазрения совести исполняя дело разложения, подготовлявшее новейшую революцию. Прудон в нескольких замечательных страницах, которые мы должны привести целиком, охарактеризовал это царствование, богатое глубокими поучениями.

“ «Как подобает развратителю всех принципов, говорит он, Луи Филипп был самый ненавидимый, самый презираемый из государей, тем более ненавидимый и презираемый, что он прекрасно понимал своё назначение»

«Людовик XIV-й царствовал благоговением, которое возбуждала к себе его особа; Сулла[67] и Робеспьер – террором; Бурбоны – реакцией всей Европы против императорского завоевания»

«Луи Филипп первый, единственный царствовавший презрением»

«Уважал ли Луи Филипп Казимира Перье[68]? Любили ли его Лафайет[69], Лаффит[70], Дюпон де л’Эр[71]? Я уж не говорю о Талейранах[72], Тьерах[73], Дюпенах[74], Гизо[75] и всех прочих, бывших его министрами; они слишком сами были похожи на своего барина, чтобы иметь о нём высокое мнение. Но видано ли было, например, чтобы академики в своих собраниях произносили похвальные речи Луи Филиппу, подобно тому, как они прославляли великого короля и великого императора? Видано ли было, чтобы в театрах актёры говорили ему приветствия, чтобы в церквях священники ставили его примером, чтобы судьи превозносили его в своих речах? ... А между тем, эти люди, из которых честнейшие были в душе искренними республиканцами, соединившись, подняли Луи Филиппа на щит и, проклиная его, поддерживали его. Лафайет сказал о нём: *Это лучшая республика!* Лафит пожертвовал ему своим богатством, Одилон Барро[76] – своей популярностью, Тьер и Гизо – своими душевнейшими убеждениями, Дюпон де л’Эр требовал ему 18 миллионов содержания, Казимир Перье погиб на его службе, унося в могилу ненависть республиканцев и проклятие поляков. Как объяснить это соединение таких самопожертвований с такой ненавистью?»

«Как и 18-го брюмера[77] для упрочения колеблющейся революции нужен был человек, так в 1830-м нужен был человек, чтобы сгноить старый мир. Луи Филипп был этим человеком»

«Вглядитесь в него поближе: он развратитель, наивный и добросовестный. Сам стоящий выше клеветы, безупречный в своей частной жизни, он развратитель и сам не развратный, он знает, чего хочет и что делает. Гнусная судьба зовёт самоотверженно, радостно, без всяких упрёков совести. В руках у него ключи от всех совестей; ничья воля не может противиться ему. Политику, толкующему ему о желаниях края, он предлагает казённое место для сына; священника, беседующего с ним о нуждах церкви, он спрашивает, сколько у него любовниц. Совесть тысячами валяется перед ним, как перед Наполеоном валились солдаты на поле битвы, и как император невозмутимо смотрел на эту резню, так и Луи Филипп не трогается зрелищем этого душегубства»

«Пусть подлецы, которых он подкупает, отрекаются за место, за патент от всего, что они считают ещё добродетелью, правдой и честью – это их дело, их позор»

«Но он, глава государства, представитель общества, чем он безнравствен? Для него нравственность не состоит ли в том именно, чтобы приносить в жертву прогрессу эти трупные души? В том, чтобы *per fas et nefas*[78] помогать свершению судеб?»

«Решимся сказать: он был человеком нравственным, потому что человеком эпохи был именно Луи Филипп. Не убоимся слова подлость, столь ужасного для наших больных совестей: подлость была нравственностью июльского правительства»

«Луи Филипп один во всей Европе оставался с 1830-го года постоянен в своей роли, и потому до часа, predeterminedного на его отречение, всё удавалось ему. Он уцелел от пуль цареубийц, у которых мысль была темна и рука не тверда; он победил партии и интриги; всем им ненавистный, он всех их подчинил и не боялся их смелости. Сам по себе слабый, как государь и как монарх, лишённый обаяния, он тем не менее был человеком судьбы, и мир поклонялся ему; антагонизм принципов, против которых боролся он, составлял его силу»

«Нужно быть очень мелочным, чтобы не понимать глубины и величия такой роли. Как? Луи Филипп ни что иное, как презренный плут, подлый скряга, бессовестная душа, ограниченная голова, себялюбивый буржуа, скучный болтун; его правительство, может быть, ещё ниже его. Его собственные министры сами сознаются во всё этом; его оставленные министры кричат об этом; Франция знает это; парижский гамен[79] повторяет это; никто,

никто не скажет о нём доброго слова. Лафайет, Дюпон де л'Эр, Лафит, Казимир Перье – все они один за другим, говорили о нём площадным языком: *свинья надувает нас!* И это продолжалось восемнадцать лет! Всё, что во Франции было великодушного, жизненного, геройского обратилось в прах перед этим разрушительным влиянием; всё заразилось порчей; гной полез у нас из ушей и из носа, и Франция восемнадцать лет не шевелилась. И теперь, когда он пал, когда республика раздавила подлеца, Франция жалеет о нём! Неужели не всё ещё кончено? Нет, ради чести моей Родины, ради уважения французского имени, я не могу верить такой силе зла. Этот человек, на которого вы взваливаете ваши неправды, которого вы обвиняете в ваших гадостях, по-моему, есть Аттила развращённых совестей, последний бич революционного правосудия»

«Ломать характеры, разрушать убеждения, сводить всё к торгашескому позитивизму, всё к деньгам, до того дня, когда денежная теория провозгласит час и принцип возрождения[80] – таково было дело Луи Филиппа. Всё, в чём упрекают Луи Филиппа – узкость его видов, его мелочная хитрость, его пошлость, его сплетничество, его безвкусие, его пустое многословие, его ипохондрическая филантропия, его заигрывания с ханжеством – всё это, по-моему, верх совершенства как меткая ирония. Что можно придумать более убийственного для вашей парламентской болтовни, как эти коронные речи, ничего не высказывающие именно потому, что законодателям в 500 франков налога с головы (и в 25 франков жалования) действительно нечего сказать?»

«Жизнь Луи Филиппа была неполна; царствованию его недоставало бы существенной черты, если бы он не нашёл, наконец, себе достойного министра. Таков был господин Гизо, который, по свидетельству даже врагов и соперников, был всегда чужд всякой страсти, исключая властолюбия. Подобно своему повелителю, оставаясь чистым среди растления своих жертв, этот обер-развратитель мог сказать о себе словами псалмопевца: *Non arripuiquabit ad me malem* – разврат не доходит до меня. Он один знал *идею царствования*. Он был другом Луи Филиппа. Да, ты был высок, о великий министр, о великий человек, когда на банкете в Лизье смело открыл тайну своей власти в тосте в честь разврата[81]. Да, эти легитимисты, эти радикалы, эти оппозиционные пуритане, эти иезуиты, эти экономисты – всё это подлые каналы[82], рабы своей чувственности и гордости, и ты знал, что ладонью, полной золота всегда можно справиться с ними. Эти моралисты состоят на содержании у старых куртизанок; эти артисты – слуги роскоши и разврата; поток их душевной грязи течёт у ног твоих, не марая их. Ты был прав, сказав об этих мнимых прогрессивистах, не имеющих даже храбрости сознаться себе в своей продажности – они не знают себя. Но ты их знаешь, ты знаешь тариф их добродетели; и, если они делают вид, будто отрекаются от тебя,

ты одобряешь и это: тем лучше, они дошли до апогея порока, это подлецы не добросовестные»

«Увы! Надо думать, что разврат совести, бывший столь сильным оружием в руках этих двух людей, не есть естественное состояние, к которому судьба предопределила людей. Иначе господин Гизо был бы до сих пор министром, и династия Луи Филиппа царствовала бы вечно. Капитал утвердился в 1830-м как единственный принцип, имевший шансы на долговечность после божественного права и права силы; в 1848-м году оказалось, что правление капитала есть чума для общества, мерзость запустения. Парламентская ссора повергла в грязь блудницу. Те же буржуа, которые с восторгом приветствовали вступление Луи Филиппа на престол, свергли его в припадке отвращения; общественная совесть снова поднялась против вершителя высшей воли. За рядами национальной гвардии оказался народ, давший катастрофе её истинное значение. Восемнадцать лет ждал он от буржуазии этой инициативы и был наготове. Мои современники могут отрицать это, если посмеют, или восстановить дело, если могут. Но я, не будучи ни вчерашним купленным, ни завтрашним ренегатом, я клянусь, что низвергнув созданную династию, французская буржуазия разрушила в себе принцип собственности»

III. 24-е февраля: Февральское Временное правительство

Для Прудона, который на свою беду был, как известно, столько же метафизиком, сколько экономистом, история есть метафизика в действии. Существует на свете формула, окрещённое именем *антиномии*; её открыли Кант и Гегель, а Прудон принял её и положил в основание своей философии. Антиномия состоит в противоположении двух противоречивых идей, называемых тезисом и антитезисом; установив это противоречие, Кант и Гегель берутся разрешить его посредством третьего термина, именуемого синтезом, который и заключает ряд; по Прудону, напротив, антиномия не разрешается; противоречие между тезисом и антитезисом остаётся, но между ними водворяется равновесие.

Не будем оспаривать этой теории; мы упомянули о ней лишь для того, чтобы сделать понятным рассуждения, которые Прудон предпосылает своей оценке временного правительства.

Всякое правительство, говорит он, устанавливается в противоречии с тем, которое предшествовало ему; этого требует закон антиномии. Павшее правительство – тезис, и этот тезис вызывает свой антитезис, свою противоположность; этот противоположный принцип и будет тот, во имя которого учредится новое правительство; иначе ему не было бы причины быть. Так, июльское правительство было противоположностью легитимности, легитимность – империи, империя – директории, которая сама была учреждена из ненависти к Конвенту, созванному также с целью покончить с монархией Людовика XVI-го.

Правительство Луи Филиппа было правлением буржуазии, т. е. капитала: что должно было его заменить? Правление *труда*; и действительно, правление труда было основано 24-го февраля 1848-го года. Декрет временного правительства гарантирующий свободу труда, был свидетельством рождения февральской республики.

Но что такое правление труда? Может ли труд сделаться правительством? Может труд управлять или управляться? Что общего между трудом и властью?

Этого вопроса раньше не задавали себе. Правительственный предрассудок был силен, и никто не мог вообразить себе организованного общества без правительства. Поэтому народ поспешил восстановить власть и вверил её в руки нескольких человек, поручив им решить

заодно с политической задачей задачу пролетариата.

Здесь в последний раз и с поразительной ясностью обнаружилась неспособность правительства делать революцию.

А между тем, члены временного правительства, люди, тридцать лет прошедшие в заговорах, боровшиеся против всех деспотизмов, критиковавшие все министерства, писавшие истории всех революций, имевшие каждый свою политическую и социальную теорию в своём портфеле, были все люди умные. Авантюристы прогресса, они только того и желали, чтобы принять на себя какую-нибудь инициативу; в советниках у них также не было недостатка. Каким же образом могли они пропустить три месяца, не издав в течении этого времени ни одного самого ничтожного преобразовательного акта, не продвинув революцию ни на одну линию? Каким образом гарантировать своим декретом свободу труда, если они всё время своего управления заботились, по-видимому, только о приискании средств отвернуться от исполнения своего обещания? Почему не сделали они ни малейшего опыта какой-либо земледельческой или промышленной организации? Почему лишили они себя такого решительного аргумента против утопий, как опыт?

“ «Сказав ли? Воскликает Прудон. Мне ли, социалисту, оправдывать временное правительство? Дело в том, что они были правительством, а в деле революции инициатива правительству претит, как труд капиталу; дело в том, что правительство и труд не совместимы, как знание и вера. Вот в чём разгадка всех факторов, случившихся с февраля во Франции и в Европе и которые, может быть, долго ещё будут совершаться»

Из этого следует, что тогдашние социалисты совершенно напрасно упрекали временное правительство за то, что оно ничего не умело создавать. Правительство и не может ничего создавать; его не способным на это делает само его положение, как правительства; инициативу в реформах следовало принять самим социалистам, гражданам, народу; дело правительства было только не мешать им.

Но, скажут, во всяком случае, временное правительство заслуживает упрёка: если оно не могло ничего создать, то могло разрушать.

Оно могло и должно было отменить все законы стесняющие личную свободу, обезоружить власть, распустить армию, упрочить свободу собраний и свободу печати. И тогда народ, получив свободу действовать, сам взялся бы без правительственной инициативы совершить революцию.

Но, если разобрать хорошенько, временное правительство не могло служить революции даже этим отрицательным способом. Это было бы самоубийством власти, а дело совершенно противоестественное, чтобы какое-нибудь существо или учреждение работало на

собственное разрушение. Напротив, люди февраля, пропитанные правительственным предрассудком, должны были необходимо стремиться усиливать власть, а не уменьшать её; им казалось, что неспособность правительства осуществить революционную программу происходит от его бессилия, что надо, стало быть, хлопотать об усилении его, дабы оно могло лучше служить революции. Вот почему вместо того, чтобы распустить армию, они организовали ещё подвижную стражу, почему не отменили карательных законов, почему одним словом, власть не только была сохранена в том виде, в каком была отнята у июльской монархии, но ещё и усилена, насколько было возможно.

Итак, мы приходим к такому выводу:

Временное правительство, как правительство, было неспособно произвести в обществе революцию; оно не могло обеспечить народные вольности, потому что потребности власти ставили его в необходимость, по возможности, усиливать себя; наконец, всё это вышло оттого, что так хотел народ, оттого, что народ учредил «правительство революции», не поняв, что революция прежде всего требует «отмены правительства».

IV. 17-е марта

[83]

Ряд интересных событий развёртывается перед нами. Народ уверенный, что спасения ему надо ждать от правительства, но недовольный способом исполнения этого февральским правительством, а потому национальным собранием вверенного им поручения, предпринимает ряд манифестаций (17-го марта, 16-го апреля, 15-го мая, 24-го июня), с целью побуждения правительства к действию. Эти народные попытки заставить правительство действовать революционно приводят к противоположному результату: правительство всё крепче и крепче запирается в своём *non possumus*[84], а так как народные требования с каждым разом делаются всё настойчивее и грознее, то и правительство каждый раз вынуждено для своей защиты возводить новые укрепления и увеличивать боевые силы власти. С этой целью власть каждый раз переходит в руки партии всё более реакционной, пока вся серия не будет пройдена и пока она не придёт, наконец, к католическому абсолютизму, за которым отступать уже некуда.

Таким образом, оказывается, что, вверив судьбу революции в руки правительства, народ этим самым подготовил против революционной и социалистической идеи самую страшную реакцию.

Начнём с истории манифестации 17-го марта.

Временное правительство было составлено из элементов самых разнокалиберных. Здесь на ряду с недавними роялистами, как Ламартин[85], заседали формалистские и парламентские республиканцы школы *Насионаля*[86], как Бастид[87] и Марра[88], якобинцы, как Ледрю-Роллен, правительственные социалисты, как Луи Блан. Народ, приписывая бессилие правительства этому недостатку внутреннего единства, думал, что надо произвести в нём очистку и что, если бы удалось учредить правительство сильное и согласное с народом, оно могло бы победить препятствия, перед которыми останавливались люди 24-го февраля, решить затруднения, казавшиеся им непреодолимыми, и совершить революцию.

К этому прибавляли, что, переделав таким образом правительство, надо бы дать ему свободу действовать, пока оно не закончит своего дела; для этого необходимо как можно дальше отсрочить всеобщие выборы, которыми закончится срок власти временного правительства.

Ввиду этих двух целей – очистки правительства и отсрочки общих выборов – была затеяна манифестация.

Не трудно было найти предлог к ней. Правительство уничтожило отборные роты национальной гвардии, состоявшие из самой богатой буржуазии и носившие в знак отличия меховые кивера. Эта мера очень озлобила тех, кого она касалась, и 16-го марта они в большом числе направились к ратуше, чтобы протестовать против своего роспуска. Эта забавная манифестация потерпела фиаско под насмешками толпы и от неё сохранилось лишь историческое воспоминание как *о дне меховых киверов*.

Но народ воспользовался этим случаем, чтобы организовать на завтрашний день контр-манифестацию, которая имела заявленной целью выразить правительству торжественное письмо доверие народа, но в тайне должна была привести, если обстоятельства позволят, к программе очистки правительства.

Но тут являлся вопрос щекотливый: в случае перемены состава правительства, какие новые элементы ввести в него? Луи Блан, главный зачинщик манифестации 17-го марта (в то время пользовался большим влиянием на рабочие корпорации, которым в своих лекциях в Люксембургском дворце развивал свою теорию организации труда; эти корпорации и составляли главное ядро манифестантов) – Луи Блан, говорим мы, желал очистки правительства, но с одним условием – чтобы результатом её было сосредоточие власти в руках его и его друзей; он ни под каким видом не хотел допустить риска того, чтобы его влияние в правительстве кто-то затмил своим.

Между тем, хотя манифестация готовилась, главным образом, стараниями Луи Блана, было далеко неверно, что очистка правительства совершится именно в его пользу. Дела могли повернуться так, что все выгоды предприятия достались бы революционному агитатору Бланки[89]. Хотя, не располагая значительными силами, Бланки своей деятельностью и энергией мог бы в решительную минуту овладеть положением, и тогда оказалось бы, что Луи Блан работал для учреждения диктатуры Бланки! Перспектива столь неприятная, что над этим стоило призадуматься.

И вот, когда манифестанты в числе двухсот тысяч человек, выстроившись по корпорациям, каждая со своим знаменем, предстали пред Ратушей, Луи Блан ещё не решил, что ему делать – следовать ли до конца начертанной программе и велеть выкинуть из окна часть своих соправителей или в последнюю минуту отказаться от затеи очистки и соединиться с большинством правительства, чтобы отразить ужасную опасность возможной диктатурой Бланки.

Он сам повествует о событиях этого дня и о своих впечатлениях в решительную минуту.

“ «Мы были в ожидании, говорит он. Вдруг на одном конце Гревской площади является тёмная и плотная масса. То были корпорации. Они следовали одна за другой на равных интервалах, шествуя со своими различными знамёнами; они шли торжественно, в молчании, в порядке и стройно, как армия ...»

«Делегаты вошли в Ратушу, и один из них, гражданин Жеро, начал читать петицию; в это время я заметил в числе присутствующих *незнакомые лица*, выражение которых имело в себе что-то *зловещее*»

«Я тотчас понял, что лица, не принадлежавшие к корпорациям, замешались в движение и что люди, явившиеся в качестве депутатов от толпы, не все были настоящими или по крайней мере одинаковыми депутатами. Были люди, нетерпеливо желавшие низвергнуть в пользу мнений, представляемых Ледрю-Ролленом, Флоконом[90], Альбером[91] и мною, тех из членов временного правительства, которые представляли враждебные мнения»

Это не могло слишком озабочивать Луи Блана, как он хочет уверить нас. Озабочивала его возможность замещения удалённых членов правительства такими людьми как Бланки. Эти *незнакомые лица со зловещим* выражением лица (точно честный и умеренный республиканец, говорящий об июньских бунтовщиках!) была партия Бланки.

В другом мест Луи Блан говорит откровеннее:

“ «Как было воспрепятствовать плану тёмных агитаторов, если они действительно замыслили вызвать грозу из двинутой толпы?»

Как? Луи Блан не долго думал. Единственным средством устранить Бланки было отступить от той части программы, которая требовала очистки правительства, и ограничиться отсрочкой выборов. Надо было, стало быть, уступить народному желанию в деле выборов, но, вместе с тем, поставить ему условием сохранение во всей целостности временного правительства. Луи Блан взялся сам преподнести народу эту пиллюлю. Благодаря его влиянию на корпорации, его выслушали; Барбес[92] из ненависти к Бланки взял сторону правительства, равно как Кабе и другие влиятельные народные вожди; и не смотря на усилия Флотта[93], Юбера, Бланки и их друзей, народ, которого угостили ещё речами Ледрю-Роллена и Ламартина, разошёлся, оставив на своих местах членов правительства, которых по приглашению Луи Блана пришёл гнать вон и которым, благодаря повороту того же Луи Блана, выразил теперь своё полное доверие. Члены правительства вышли на балкон, и комедия кончилась церемониальным маршем.

Такова была первая ступень этого длинного ряда реакций, всё более и более тёмных, которые должны были привести к выборам 10-го декабря и к римской экспедиции. Проникнутый правительственным предрассудком и желая осуществить посредством государства революционную программу, Луи Блан не мог согласиться уступить власть

другому; чтобы сохранить эту власть – бессилие которой в деле революции должно было вскоре сделаться очевидным – он не колебался соединиться с консервативным большинством временного правительства против демагогии черни.

V. 16-е Апреля

17-го марта диктатура Бланки была подавлена; но устранив человека, не устранили принцип и больше прежнего уверились, что власть должна спасти Францию. Временное правительство, подталкиваемое общественным мнением, усиливалось принять какую-нибудь инициативу. Жалкая инициатива!

“Потомки бы не поверили действиям февральского правительства, говорит Прудон, если бы история не позаботилась занести в летописи её акты. За исключением нескольких мер общественной экономии и пользы, необходимость которых была доказана временем и требовалась обстоятельствами, всё остальное было фарсом, парадом, бессмыслицей, нелепостью. Говорят, что власть превращает умных людей в дураков. Истина этого замечания обнаружилась с февраля не на одном только временном правительстве»

«Циркуляр Ледрю-Роллена[95] и 45 сантимов Гарнье-Пажеса[96] были, может быть, политической и финансовой ошибками, что, впрочем, можно ещё оспаривать; но во всяком случае эти ошибки имели смысл, намерение, делались в виду определённой цели. Можно было видеть, чего хотят и чего не хотят люди; в этих поступках не было ни глупости, ни пошлости. Но что сказать о пустозвонных и ребяческих прокламациях временного правительства, которыми оно возвещало о предании суду господина Гизо и его товарищей, отменяло дворянские титулы, освобождало чиновников от присяги, меняло расположение цветов на трёхцветном знамени, уничтожало монархические надписи на памятниках и сочиняло другие, будто бы республиканские, переименовывала Тюильри[97] в *Инвалидный Дом Народа* и тому подобное? И в какое время делалось всё это?»

«Оно восклицало в напыщенном адресе устами господина Ламартина: *Врата свободы раскрыты!* В других словоизвержениях оно объявляло, что *бескорыстие* вносится в дневной порядок и возвещало во всеобщее сведение, что *великодушие* есть лучшая политика. Другой раз по предложению Луи Блана *призывало народ к терпению*, говоря, что вопрос о труде сложен и не может быть решён в одну минуту, в чём конечно никто никогда не сомневался, кроме самого временного правительства»

«Народ требовал удаление войск. Один журналист, господин Эмиль де Жирарден, ещё умнее предлагал немедленно уменьшить армию на 200,000 человек. Это был бы действительно шаг к революции, шаг к свободе. Временное правительство отвечало на народное желание и на предложение журналиста: во-первых, декретом о сформировании 24-х батальонов подвижной стражи; во-вторых, призывом под ружьё 80,000 человек; в-третьих, приглашением школьной молодёжи записываться в секции[98], не говоря уже о том, что войска не были удалены из Парижа. Правительство воображало, что принимает инициативу, между тем как это было просто имитацией 1793-го года[99]. Но на что ему было нужно столько солдат? Июнь, Июнь ответит на это»

«Правительство назначает комиссию для исследования вопросов труда; другую комиссию для изучения вопроса о кредите; третью комиссию для принятия мер против *соискателей должностей!* Не забыли и прекрасный пол; приказом министра народного просвещения гражданин Легуве[100] уполномочивался открыть в Сорбонне курс моральной истории женщины. Затем временное правительство устраивало празднества; по его приказу министр духовных дел был приглашён распорядиться о пении в церквях гимна: *Domine salvam fac rempublicam*[101] и о призыве на республику божественного благословения. Сам Косидьер, ужасный Косидьер[102], распоряжался о восстановлении службы в церкви Успения, которую патриоты обратили в клуб. Аббат Лакордер в одно и тоже время делался народным представителем и придворным проповедником республики, а парижский архиепископ Афр с лукавым добродушием приказывал петь в церквях иронический стих: *Domine salvam fac populum* – Боже, спаси народ, (ибо не ведает он, что творит)»

«Что касается публики и печати, то они стоили власти. В одном воззвании требовалось, чтобы правительство воспрепятствовало удалению из страны капиталов, и чтобы оно учредило надзор за господином Ротшильдом. В другом предлагалось продать коронные бриллианты и пригласить всех граждан отправить своё серебро на монетный двор; в третьем говорилось о необходимости перенести прах Армана Карреля[103] в Пантеон. *Мирная демократия*[104], также беря инициативу, требовала, чтобы блуза была принята мундиром всей национальной гвардией республики; чтобы государство организовало бюро справок и помещения для рабочих; чтобы правительство командировало в департаменты профессоров, поручив им доказывать крестьянам превосходство демократической формы над монархической и прочее. Жорж Занд пел гимны пролетариям; литературное общество предоставляло себя в распоряжение правительства; Зачем? Этому оно не объясняло, и это так и осталось тайной! Прощение, подписание министерства прогресса. Не случись февральской революции, никто не знал бы, какая бездна глупости

скрывается в глубине французской публики. Это мир Панурга[105]. Неужели Бланки, или вернее, его партия были не совсем неправы, замышляя хорошим ударом народной метлы очистить эти авгиевы конюшни[106], Люксембург[107] и Ратушу?»

Между тем, народ видя бездействие власти, приписывал его всё-таки отсутствию единства в правительстве и опять стал помышлять об удалении из него элементов бездейственных и консервативных и о сосредоточении власти в руках людей, преданных революции. Люксембургские корпорации приготовили второе издание 17-го марта. На люксембургских совещаниях был выработан целый ряд декретов, которыми предполагалось обеспечить организацию труда, в том виде как её представляла школа Луи Блана. Затем оставалось найти случай пойти к Ратуше, навязать эти декреты правительству и в случае надобности распорядиться его очищением. Случаем послужили выборы 14-ти офицеров генерального штаба национальной гвардии, которые должны были происходить на Марсовом Поле в воскресенье 16-го апреля. Корпорации собрались на Марсовом Поле и по окончании выборов пошли процессией к Ратуше. Официальным поводом к манифестации служила подача прошения, в котором между прочим говорилось:

“ «Вам, людям энергичным и преданным, надлежит объявить временному правительству, что народ желает республики демократической; что народ желает уничтожения эксплуатации человека человеком; что народ хочет организацию труда ассоциацией»

К прошению было приложено патриотическое пожертвование деньгами, собранными по подписке между рабочими корпорациями.

К несчастью для манифестантов, явилось подозрение, что намерения их не так мирны, как они уверяли. Притом несколько клубов, руководимых Бланки и Кабе, держались наготове в случае удачи манифестации явиться требовать своей доли в новой диктатуре. Луи Блану не везло; 17-го марта он был вынужден собственными руками разрушить своё дело и распустить манифестацию, которую сам организовал, но которая могла обратиться на пользу Бланки; 16-го апреля один из его товарищей, глава радикалов, Ледрю-Роллен, разыгрывал в отношении его ту же самую роль; он не согласился на очистку правительства, в которой, конечно, сохранил бы своё место, но которая дала бы в правительстве перевес чуждым ему элементам. Ледрю-Роллен был министром внутренних дел; при первом известии о социалистической манифестации, направляющейся к Ратуше, он велел ударить сбор; буржуазная национальная гвардия сбежалась со всех сторон и выстроилась на Гревской площади и в окрестных улицах со штыками на ружьях, готовая по первому знаку правительства, обратить их против рабочих корпораций. Манифестанты не ожидали такой

встречи; удивленные и смущенные, они были принуждены в молчании проходить среди двойного ряда национальной гвардии, которая приветствовала их криком: *Смерть коммунистам!* Правительство согласилось, однако, для формы принять деньги и петицию; но во время прохода процессии Луи Блан и Альбер на балконе Ратуши, бледные и смущённые, стояли среди своих товарищей, которые, казалось, осыпали их живейшими упрёками.

Вечером национальные гвардейцы в упоении своей лёгкой победы разбрелись по Парижу, продолжая кричать *Смерть коммунистам!* Искали Кабе и некоторых других известных социалистов, чтобы убить их. Буржуазия с ужасом смотрела на эту новую попытку социалистической партии овладеть властью; и случилось то, что неизбежно должно было случиться – усиление реакции. Правительство, видя, что на него упорно метят, старалось укрепиться, и на всякую новую попытку революционеров овладеть властью оно отвечало тем, что отдавало себя во всё более реакционные руки.

Итак, 17-го марта была первая попытка революции овладеть правительством и осуществить свою программу посредством официальной власти; первая реакция, произведённая Луи Бланом против Бланки. 16-го апреля вторая попытка, предпринятая на этот раз уже не Бланки, а самим Луи Бланом, которого люксембургские работники хотели сделать диктатором; и вторая реакция, произведённая Ледрю-Ролленом против Луи Блана. И ряд этот будет продолжаться постепенным устранением всех, кто будет пытаться с разными программами захватить власть, чтобы вести революцию; и отсюда мы выводим великое поучение: что революцию нельзя делать посредством завоевания власти и что этот образ действия не только не полезен для дела революции, а, напротив, служит лишь к преданию страны в жертву всё более сильной реакции.

VI. 15-е мая

[108]

Вот третий этап надвигающейся реакции, все этапы которой ознаменованы усилиями революционеров конфисковать власть в свою пользу, и каждое из этих усилий приводит лишь к усилению сопротивления консервативной партии. Здесь представляются некоторые соображения, служащие естественным дополнением вышеприведённых.

Мы боремся против деспотизма в форме монархии, но мы не даём себе ясного отчёта в том, что такое деспотизм сам по себе, и смешиваем обыкновенно принцип с формой, в которой привыкли обыкновенно видеть его обнаружение. Всякая верховная власть, учреждённая над народом для того, чтобы направлять его, управлять им, предписывать ему правила, законы, приговоры и назначать наказания, есть форма деспотизма, хотя бы власть эта не была сосредоточена в руках монарха. Сущность монархии не в монархе, не в наследственности, а в соединении власти в одной руке, в иерархическом сосредоточении всех политических и общественных должностей в единой и нераздельной должности, в должности правительства, будет ли оно представляться наследственным монархом или уполномоченными, подлежащими избранию и смене.

Поэтому, когда демократы, разрушив престол и изгнав монарха, воображают, что произвели в обществе революцию, оттого что переменили состав лиц, оставив, однако, монархию во всей силе своей организации и только окрестив её другим именем, они грубо ошибаются. Они дают этому порядку название народного самодержавия; но действительное народное самодержавие несовместимо с существованием правительства; народное самодержавие есть самодержавие личностей и групп, которое невозможно под владычеством власти и закона, и возможно лишь в порядке анархии и договора. Поэтому, что мы видим? Логика событий постоянно доказывала, что при сохранении в обществе его монархической, то есть авторитарной организации приходится рано или поздно вернуться к откровенной монархии.

Политики божественного права выражают неоспоримую истину, доказывая противоречие, существующее между существованием мнимой демократической власти и принципом самодержавия; они справедливо утверждают, что всякая власть происходит от теократии, и сама монархия есть отрасль её. Поэтому вера в правительство истекает из теории Провидения; и будет ли правительство облечено в форму монархии или будет выдавать себя за демократическое, оно не может разделаться со своим происхождением, по которому всякая власть происходит из идеи Бога.

Итак, народное самодержавие и правительство – две несовместимые вещи.

Возвратимся к рассказу.

Выборы в Национальное Собрание произошли 23-го апреля и дали консервативной партии значительное большинство. 4-го мая открылось Собрание. Стоя на крыльце дворца, перед глазами народа, члены его четырнадцать раз приветствовали республику. Временное правительство сдало власть и было заменено исполнительной комиссией, избранной 10-го мая и состоящей из Араго[109], Мари[110], Гарнье-Пажеса, Ламартина и Ледрю-Роллена.

В это время остальная Европа, следуя примеру февральских мятежников, предприняла общее революционное движение. Вена, Берлин, Милан восстали; Польша ещё раз подняла знамя войны за независимость. Польское дело всегда было популярно во Франции, и мысль дать полякам, борющимся за независимость, помощь французского оружия, тотчас нашла себе отголосок в народе. Но вмешательство Франции в польское дело должно было вызвать в Европе общую войну, а такая война была бы в другой форме осуществлением программы манифестантов 17-го марта и 16-го апреля; это была бы революция по правительственной инициативе. Поэтому вожди клубов приняли эту мысль и решились организовать в пользу Польши демонстрацию, истинное значение которого таково: Социальная революция в Европе – цель; вмешательство в польское дело – средство.

Организаторы манифестации имели в самом Собрании невольных союзников. Господин д'Арагон, депутат далеко не из социалистов, представил запрос по поводу польских дел; это запрос должен был рассматриваться 15-го мая, и этот же день был назначен для демонстрации. В то время, как Собрание приступило к обсуждению запроса господина д'Арагона, многочисленная толпа народа окружала Собрание, проникала за решётку, вламывалась во двор, а оттуда в сам зал заседания. В ту минуту, как народ хлынул в зал, на трибуне находился господин Воловский, депутат, поляк по происхождению и самый решительный консерватор. Он говорил речь за поляков и, сам того не подозревая, был в эту минуту сообщником врагов порядка. Речь его была прервана вторжением народа. Невыразимое смятение на время сделало невозможным прения. Наконец, парижский депутат Барбес, соперник Бланки по влиянию на народ, овладел трибуной и потребовал, чтобы было дано слово делегатам клубов, которые хотят прочесть петицию. Петиция была прочтена. Затем друзья Бланки выводят его на трибуну, хотя он не был членом Собрания. Беспорядок увеличивается, шум усиливается. Среди этого хаоса Бланки в энергичной речи раскрывает истинное значение манифестации. Он требует наказания руанских реакционеров, говорит о труде и множестве других вещей, совершенно посторонних польскому делу. Барбес, не желая, чтобы вся честь дня досталась Бланки, берёт слово и, чтобы затмить соперника, предлагает наложить на богатых миллиард контрибуции. Наконец, Юбер, друг Барбеса, входит также на трибуну и в порыве внезапного и совершенно личного вдохновения объявляет Национальное Собрание распущенным.

Президент накрывает и уходит; депутаты следуют его примеру за исключением десятка человек, оставшихся на своих местах. Народ, не расходясь, назначает Комитет Общественного Спасения. Некоторые из лиц, назначенных в него, немедленно отправляются в ратушу: то были Барбес и его друзья. Бланки и его единомышленники остались в стороне, и дело решилось, по-видимому, в пользу Барбеса, который, разгораясь до последней крайности, кричал: «Если Бланки покажется, я размозжу его голову!». Но уже час спустя национальная гвардия была собрана; депутаты возвратились на свои места в Собрание, и Ратуша, окружённая войсками, должна была сдаться без сопротивления. Бланки и Барбес,

осуждённые заодно без разбора, были отправлены в казематы Венсенского Замка за своё участие в дне 15-го мая.

Чтобы судить о достоинстве мысли, вызвавшей манифестацию, надо решить вопрос, могло ли быть в то время полезным для социального дела, чтобы Франция объявила войну Европе. Прудон решительно отвечает – нет.

“ «Положим, говорит он, что исполнительная комиссия и Собрание, повинувшись пропагандистским внушениям, послали бы одну армию за Альпы, другую на Рейн, поддержали бы и вызвали бы бунт в Италии, увлекли бы немецкую демократию, возжгли бы светоч польской национальности. Этим самым социальный вопрос был бы поставлен в Италии и во всех странах Германского союза. Но так как этот вопрос не был нигде ни понят, ни решён, то в ту же минуту началась бы консервативная реакция, и за европейским 24-м февралём последовали бы европейские 17-е марта, 16-е апреля, 15-е мая и июньские дни. Можно ли думать, чтобы Венгрия, которая в конце 1848-го года по преступному национальному эгоизму предлагала Австрии идти против Италии, чтобы она, получив желаемое, стала поддерживать демократическое движение? А Польша? Разве она восстала во имя социализма? А Мадзини, который всю жизнь протестовал во имя какой-то своей сентиментальной религиозности, против атеистических и анархических стремлений социализма? Неужели он помог бы революции? И всюду так, либеральная, но ещё не социалистическая партия всех стран, которую французские революционеры взялись бы освободить, соединилась бы против них со своим правительством»

«Франция, прибавляет Прудон, должна была прежде всего решить у себя страшный вопрос пролетариата. Как только он был бы решён во Франции, пропаганда этого примера и экономические средства его влияли бы на Европу гораздо сильнее, чем все армии Конвента и Империи, тогда как вооруженное вмешательство со своим ублюдочным социализмом подняло бы против Франции буржуазию и крестьян всей Европы»

«Притом успехи революции среди французского народа были лучшим обеспечением для восставших народов. Рим, Венеция, Венгрия, одна за другой пали от одной вести о поражении демократии в Париже. Избрание Луи Бонапарта 10-го декабря равнялось для европейской революции проигрышу большого сражения; день 13-го июня 1848-го года был её Ватерлоо[111]»

К этому следует прибавить, что в 1848-м году социальный вопрос не был всюду поставлен так ясно и так определённо, как теперь и поэтому-то единодушное действие пролетариата всех стран Европы было делом невозможным.

В настоящее время обстоятельства изменились. Социализм сделался интернациональным и не хочет быть иным; всюду в пролетариате обнаруживаются одни и те же стремления; время исключительно национальной борьбы прошло, и теперь всякая социальная революция должна быть революцией европейской, в противном же случае она обречена на верное поражение.

VII. Бланки и Барбес

Мы дошли до того времени, когда оба великих политических агитатора 1848-го года, Барбес и Бланки, исчезают со сцены. Нелишним будет, прежде чем идти дальше, сказать о них несколько слов. Мы не можем совершенно разъяснить таинственную историю несогласий, разделявших их, но можем по крайней мере пролить на неё некоторый свет, благодаря неизданным до сих пор сведениям, сообщениям нам одним другом, очевидцем этих раздоров.

Известно, что в мае 1839-го тайное общество («Общество времён года»), руководимое Бланки, Барбесом и Мартеном Бернаром, сделало попытку мятежа против правительства Луи Филиппа. Движение это встретило в народе такое равнодушие, что потерпело полную неудачу. Барбес был взят, Бланки удалось было бежать. Палата пэров, судя в качестве верховного суда, приговорила Барбеса к смерти, но Луи Филипп заменил казнь на вечное заключение.

Через шесть месяцев по осуждению Барбеса, Бланки был арестован и судим палатой пэров (январь 1840-го). Подобно Барбесу, он был приговорён к смерти, но помилован королём, осудившим его на пожизненное заключение.

В феврале 1848-го года двери тюрьмы раскрылись перед политическими осуждёнными. Едва выйдя из заключения Барбес и Бланки снова страстно бросились в революционное движение. Особенно Бланки при своей неутомимой энергии и при своём организаторском гении имел очень значительное влияние. Желая избавиться от него во чтобы то ни стало, реакция придумала средство нанести ему смертельный удар.

2-го апреля 1848-го года вышел первый номер издания, озаглавленного *Revue Reutospactive*, издаваемое неким господином Ташеро. В этом первом номере, под заглавием «Дело 12-го Мая», был напечатан полицейские подробности о заговоре. Донос этот тотчас приписали Бланки на том основании, что будто он во время ареста своего в октябре 1839-го года согласился за помилование жизни выдать подробности дела. Барбес объявил, что кроме его самого только Бланки мог знать и сообщить все сведения, заключающиеся в этом документе, который, говорят, был найден в первые дни после февральской революции, в архивах министерства внутренних дел.

На другой же день, 3-го апреля, Бланки в своём клубе протестовал против взводимых на него клевет и 13-го апреля напечатал *Ответ*. Этот *Ответ* не удовлетворил Барбеса, который с этой минуты отделился от Бланки, считая его изменником и подлецом.

Третейский суд был назначен для разбора этого дела, но не мог выяснить его, и теперь невозможно добраться до истины; Барбес и его друзья всегда упорно считали Бланки

доносчиком, а Бланки всегда также упорно отрицал это.

Как бы то ни было, политические последствия манёвра, придуманного господином Ташером с согласия некоторых членов временного правительства (между прочим, говорят, Ледрю-Роллена) не замедлили дать себя почувствовать. 16-го апреля Барбес, опасаясь, чтобы правительство не было низвергнуто в пользу Бланки, соединился вместе со своим клубом с консервативным большинством правительства и этим сделался виновником неудачи народной манифестации; 15-го мая, как мы видели, соперничество их обнаруживалось на трибуне Национального Собрания, и Барбес делал отчаянные усилия, чтобы отстранить Бланки. Несомненно, что глубокий раздор, поселенный в партии действия ссорой этих двух вождей, парализовал народные силы и способствовал облегчить торжество реакции.

Мы сказали, что имеем относительно этого дела необнародованные до сих пор свидетельства; это свидетельство социалистического философа Пьера Леру, умершего в 1871-м году. Один из наших друзей при свидании с ним в 1868-м году расспрашивал его о Бланки, которого Пьер Леру коротко знал; и на другой же день после разговора записал всё услышанное. Вот эта записка:

“ «После инсurreкционного движения 1839-го года, организованного Огюстом Бланки и в которое Барбес, поспевший по призыву друзей из провинции, бросился, очертя голову, Барбес был приговорён к смерти палатой пэров. Но палата боялась неловкого положения, в которое будет поставлена, если по произнесении её приговора король помилует осуждённого; поэтому обещанию министров, что амнистия не будет. Но Луи Филипп не устоял против просьбы, которыми его атаковали; все просили, в том числе Виктор Гюго и герцогия Орлеанская, и казнь была отменена. Таким образом король взял себе красивую роль, а пэрам предоставил всю гнусность беспощадного приговора; это привело их в ярость»

«Через некоторое время Бланки, до сих пор прятанный, был арестован в ту минуту, как садился в экипаж, чтобы бежать за границу. Он рассуждал, что ему бояться нечего, так как Барбеса помиловали. Но герцог Пакье, президент палаты пэров, посетил его в тюрьме, рассказал ему обстоятельства процесса Барбеса и прибавил: «Теперь вы попались и поплатитесь за двоих». Видя гибель, Бланки стал раздумывать, и результатом его размышлений было предложение сделать признание, если ему будет обещана жизнь. Предложение было принято, и Бланки из предосторожности выговорил условием, что продиктует показание своей жене, а она прочтёт его – и то, только один раз – министру внутренних дел, господину Дюшателю, в его кабинете. Жена Бланки была совершенно предана ему, как и его мать, сестра и всё его семейство. Дело сделалось по желанию Бланки: он продиктовал своё показание жене, она прочла его

господину Дюшателю. Но министр спрятал за занавесом стенограф, и записка, которую читала госпожа Бланки, записывалась по мере чтения. Она уничтожила оригинал, думая, что таким образом уничтожает все следы дела, а, между тем, господин Дюшатель велел сделать три копии с стенографической записки; одну взял король, другую дали герцогу Пакье, и один родственник его до сих хранит её в своей библиотеке, третья осталась в министерстве внутренних дел»

«Между тем, пэры приговорили Бланки к смерти; но согласно данному ему обещанию за донос, приговор был отменён королём[112]. Бланки был заключён в тюрьму в Туре. Здесь он постоянно жаловался на поступки с ним префекта. Гизо, наскучив этими жалобами, решился зажать ему рот и с этой целью вытребовал у министра иностранных дел копию с доноса. Таким образом документ этот перешёл в министерство внутренних дел. Там его нашёл в 1848-м году Ташеро, основавший газеты нарочно с целью обнародовать его. Ташеро сообщил его сначала большинству временного правительства, которое, в восторге от находки средства перессорить красных, одобрило мысль напечатать его»

«Когда документ явился в печати, Барбес ни на минуту ни усомнился в его подлинности и сказал, что «маленький» (он так называл Бланки) оказался подлецом. Пьер Леру прибавляет, что со своей стороны он также вполне убеждён, что только Бланки мог написать эти строки. В них нет важных сообщений; он не хотел слишком компрометировать друзей; но он упоминает о разных мелочных обстоятельствах такого рода, что документ приобретает несомненную достоверность»

«Будучи приглашённым оправдаться, Бланки никогда не решился прямо отвергать своё авторство[113]. Дело приняло крупные размеры, и, наконец, для разбора его был учреждён третейский суд. Он собрал все сведения, какие возможно было собрать, и докладчиком избрал Прудона. Прудон де, исследовав дело, сжёг все бумаги и отказался произнести приговор. Впоследствии, Пьер Леру, обедая с Прудоном в тюрьме Сент-Пелажи, заговорил с ним о деле Бланки. Прудон сказал, что убедился, что Бланки был автором доноса, но оправдывал его, потому что Прудон *обладал очень широкой совестью* (подлинные слова Пьера Леру), и говорил, что в интересах республики счёл своим долгом замять дело»

«Пьер Леру коротко знал Бланки; оба брата Бланки, Огюст и Адольф, были прежде у него стенографами при газете «Le Globe». Пока дело ещё разбиралось, Пьер Леру однажды встретился с Бланки у одного своего приятеля; Бланки подошёл к нему и хотел обнять его. Но он, отступив, сказал: «Вы это сделали?» Он начал отговариваться, но Пьер Леру настойчиво повторял вопрос, и Бланки смутился, побледнел и не решился прямо отвечать – нет»

«Это несчастное дело, прибавил Пьер Леру в заключение своего рассказа, имело неисчислимые последствия; можно без преувеличения сказать, что оно больше всего содействовало гибели республики в 1848-м году, потому что с этой минуты Барбес и Бланки стали непримиримыми врагами, и великая революционная партия, которой они руководили, была разделена и обессилена»

Приводя свидетельства Пьера Леру, мы не выдаём его за абсолютно правдивое; мы были бы счастливы, если бы могли противопоставить ему аргументы, разрешающие его.

Единственной нашей целью было сообщить кое-что доселе неизвестное относительно этой исторической загадки, полное разоблачение которой было бы в высшей степени интересно, но, к сожалению, едва ли возможно.

Затем возвратимся к нашему предмету.

VIII. Июньские дни

Временное правительство с первого дня своего существования торжественно гарантировало право на труд. Что подразумевало оно под этим правом? Дело казалось очень простым и тем, кто его требовал, и тем, кто его обещал. Оно состояло в том, чтобы доставлять работу за счёт государства тем из работников, которых частная промышленность оставляет без дела. Никому в эту минуту в голову не приходило, чтобы государство могло оказаться в невозможности выполнить своё обещание. Можно ли было вообразить себе, что государство так сильно организованное, в такой изобилии снабжённое средствами, оказалось в невозможности обеспечить существование нескольким сотням тысяч работников?

Чтобы сдержать своё слово временное правительство декретом от 25-го февраля учредило национальные мастерские.

После нескольких дней блуждания в потёмках, во время которых парижские мэрии, которым временно было поручено доставить работу незанятым работникам, были осаждены требованиями и не знали, как удовлетворить их, министр общественных работ, Мари, принял, наконец, план централизованной организации, предложенный ему бывшим воспитанником центральной школы, Эмилем Томасом. Томас был назначен 6-го марта директором национальных мастерских с поручением осуществить изобретённую им и принятую правительством организацию. Вот её главные черты:

Одиннадцать человек, принадлежащих к одному кварталу, составляли взвод, избиравший из себя взводного начальника. Пять взводов составляли бригаду, которая выбирала бригадира вне себя; всего, стало быть, в бригаде было 56 человек. Четыре бригады составляли лейтенантство и находились под командой лейтенанта, в лейтенантстве 225 человек. Четыре лейтенантства составляли роту, в которой с ротными командиром было 901 человек.

Дежурный начальник имел под своим начальством три роты, т. е. 2703 человека.

Наконец, начальник округа командовал различным числом дежурств, смотря по величине округа. Известно, что в 1848-м году Париж имел только 12 округов, управляемых 12-ю мэриями. Центральная администрация заседала в павильоне Монсо и состояла из директора Эмиля Томаса и четырёх вице-директоров.

Жалование было назначено в следующих размерах: за рабочий день бригадир получал 3 франка; взводный командир – 2 франка и 50 сантимов; простой работник 2 франка; за нерабочий день: бригадир – 2 франка, взводный – 1 франк 50 сантимов, работник – 1 франк. В воскресенье платы не полагалось. Больные работники, которых нельзя было принять в

больницы, получали без различия 2 франка в день; принятые же в больницы не получали ничего.

Весь этот люд, завербованный по-солдатски, употреблялся почти исключительно на земляные работы, не представлявшие почти никакой пользы. Между тем, не было недостатка в нужных и полезных работах; но о них или не подумали, или с умыслом хотели озлобить буржуазию против работников ежедневным зрелищем бессмысленной растраты общественных денег; как бы то ни было, национальные мастерские тратили свою производительную силу без всякого прока.

Притом, надо сказать, эта вербовка работников в роты и взводы была предпринята вовсе не с филантропической целью. Кормя их на правительственный счёт, имели намерение держать их этим в руках, на своре и иметь в них послушную армию и против монархической реакции, и против клубистов. И, действительно, до мая работники национальных мастерских просто были преторианцами[114] временного правительства. Так, 16-го апреля, когда, корпорации собирались на Марсовом поле, правительство находило в этих, содержимых на его счёт работах, услужливых агентов и защитников. Сам Ламартин говорит это: «Работники национальных мастерских, по внушению господина Мари, разводили группы по мере того, как они составлялись, отговаривая от бунта»[115]. Во время выборов (23-го апреля) сто тысяч работников национальных мастерских, все поголовно, подали голос за правительственный список кандидатов, который и прошёл огромным большинством.

Но когда собрание открылось, на национальных мастерских стали смотреть уже не как на опору порядка, а как на препятствие и серьёзную опасность. Реакция шла гигантскими шагами; 15-е мая удвоило её смелость. Люди, составлявшие во временном правительстве консервативное большинство, очутились в звании крайних революционеров перед монархистами Собрания – так переместились постепенно партии! Исполнительная комиссия, состоявшая из этих элементов, которые роялисты считали демагогическими, была избрана лишь на время, под влиянием минутной необходимости, и от неё старались поскорее отделаться. Но эта комиссия располагала организованной народной силой национальных мастерских, и реакция чувствовала, что надо сперва уничтожить их. Таким образом, в этом странном перемещении партий, национальные мастерские, служившие сначала орудием реакции в руках временного правительства, обратились в последний оплот республики и социализма.

Исполнительная комиссия очень хорошо видела, что готовится, и понимала, с какой целью правая сторона Собрания требовала роспуска национальных мастерских. Ей, конечно, хотелось бы удержать на своём жаловании эту рабочую армию, которая была ей единственной защитой против покушений правой стороны; но вынужденная сама признать бессилие правительства в решении рабочего вопроса и недейственность в экономическом отношении средства, которое попробовали пустить в ход, она не находила ответов на доводы логичных реакционеров, победоносно доказывающих, что организация национальных мастерских есть нечто иное, как самый решительный государственный коммунизм. Приходилось потерпеть роспуск национальных мастерских; но нельзя ли было, по крайней мере, выиграть время и произвести этот роспуск постепенно, мало-помалу?

Потому что, как решиться вдруг объявить народу, что правительство обмануло его и само обманулось, приняв обязательство обеспечить существование работников; как объявить людям, которых уговаривали верить и надеяться и которые слепо вверили свою судьбу в руки правительства, дав ему трёхмесячный срок для решения вопроса труда, - *три месяца нужды* – как сказать им, что правительство ничего не может сделать для них и что февральская революция оказывается бесполезной? Подобное заявление не вызовет ли мгновенно взрыв справедливого негодования, не поднимает ли страшную грозу? На основании этих соображений исполнительная комиссия говорила:

“ «Не будем торопиться; подождём; быть может, доверие возвратится, работы возобновятся, и тогда можно будет вернуть частной промышленности работников, которых она взвалила на нас на руки и которых мы не могли же допустить умирать с голоду».

Но реакционеры отвечали:

“ «Нет, отсрочки не допускаются. Нелепо ласкать себя надеждой на возвращение доверия, пока существуют национальные мастерские; восстановление порядка, а, следовательно, и доверия, несовместимо с их существованием; стало быть, прежде всего необходимо распустить их, если действительно желать возобновления прекращённых работ».

Таким образом эти буржуи, содрогающиеся при одной мысли о правительственной несостоятельности, когда она касается их рент, были готовы нарушить обязательства, принятые временным правительством от имени страны, были готовы объявить государство банкротом в отношении работников, которым оно обещало труд, и в случае нужды вооружённой силой поддержать это банкротство.

Вторая половина мая и первая половина июня прошли в переговорах между исполнительной комиссией и Собранием о национальных мастерских. Новый министр общественных работ, Улисса Трела, едва вступив в должность, учредила комиссию для изучения вопроса национальных мастерских, поручив ей предложить ему на рассмотрение выработанный проект (17-е мая). На другой же день комиссия собралась и рассуждала целый день, не расходясь. В следующую ночь рапорт был составлен, утром 19-го прочтён комиссии, одобрен и принят в тот же день на втором заседании и тотчас препровождён министру. Выслушав его, Трела объявил, что принимает все заключения его и распорядился о его немедленном напечатании; в 2 часа дня 20-го числа национальная типография отпечатавала

1200 экземпляров его, предназначенных для собрания и для главных административных ведомств. В тот же день было велено раздать его по назначению.

Вдруг, приказ этот был отменён; было приказано не выпускать из кабинета министра ни одного экземпляра. Это было предписание исполнительной комиссии. Она побоялась, что заключения рапорта, некоторые заявленные в нём принципы, между прочим, право на труд, вызовут в Национальном Собрании сильную оппозицию. Таким образом министр, искавший мирного выхода из положения, которое очевидно вело к ужасному столкновению, был остановлен на первом же шагу. Это не обескуражило его. Назначенная им комиссия собралась снова 26-го мая, чтобы придумать другие меры, более согласные с расположением умов собрания; она вызвала директора национальных мастерских, господина Эмиля Томаса, не замедлила убедиться в его неспособности и недобросовестности и в тот же день назначила на его место господина Леона Луи Лалана. Новый директор был человек умный и преданный, сделавший всё, что мог, для охранения прав работников. Прудон хвалит его и министра Трела, «который, по его словам, вёл себя в эти печальные дни мужественно и исполнил свой долг»

С этого времени комиссия национальных мастерских заседала постоянно. Прежде всего она старалась устранить злоупотребления; она ограничила число служащих в бюро, размножившихся до непомерности; заменила подённый труд заработным и, тщательно проверив списки, нашла, что из 120,000 рабочих надо вычеркнуть 25,000, записанных по два и по три раза.

Но это были все меры чисто отрицательные. Надо было придумать другие, которые, не выходя из старой экономической колеи, не вводя Собрание на революционный путь, позволили бы правительству до некоторой степени обеспечить существование работников, которых будут мало-помалу распускать. Комиссия предложила финансовую помощь со стороны государства и работникам, и хозяевам; для работников – поощрение рабочих ассоциаций, алжирскую колонизацию в обширных размерах, закон о присяжных оценщиках, организацию системы вспомогательных и пенсионных касс; для буржуазии – премии за экспорт, ссуды заработков, прямые заказы, гарантию на некоторые мануфактурные предметы. Все эти меры, которые должны были мирным образом, без потрясений ликвидации национальных мастерских, вернуть положение дел к тому, чем оно было до февраля, могли обойтись казне миллионов в двести.

Как видим, дело шло уже не о социализме; у реакции просили одного: позволить работникам национальных мастерских жить; не вырывать у них внезапно кусок хлеба, данный им республикой; не требовать во что бы то ни стало, нищеты и голодной смерти ста тысяч работников. Чтобы умиловить Собрание делались тише воды, ниже травы, заранее соглашались на все уступки. Тщетные старания! Реакции нужна была резня социалистов, чтобы утвердиться на прочном основании; вопрос национальных мастерских представлял ей удобный случай, и она решила его не пропускать. Она систематически отвергала все предложения министра Трела. Проект ликвидации, которая должна была обойтись в двести миллионов, был встречен экономистами правой стороны с громкими воплями: как можно подвергать страну такому расходу на такой ничтожный предмет! Как? Чтобы купить общественное спокойствие, чтобы не рассердить работников национальных мастерских,

надо заплатить им двести миллионов выкупа! Лучше междоусобие! Оно обойдётся дешевле!

Тогда в комитетах Собрания предложили открыть кредит в десять миллионов только, что позволило бы при роспуске национальных мастерских дать каждому работнику их сто франков, т. е. трёхмесячный заработок. Нашли, что и это много. Хотели покончить и покончить непременно насильственным подавлением народной партии. У Собрания было много войск; все меры были приняты, чтобы разом задавить восстание. Настала минута нанести удар. Назначаемая Собранием комиссия решила предложить *немедленно* распустить национальные мастерские, дав на каждого человека по 30 франков вознаграждения в виде единовременного пособия. Кроме того, за несколько дней до этого, правительство объявило, что все работники национальных мастерских, от 18-и до 25-и лет обязаны завербоваться в армию, а кто из них не захочет, будет исключён из мастерских; в своей трогательной заботливости о пролетариате, оно даже представило Собранию проект закона, понижающий до 17-и лет возраст поступления в армию волонтёров, дабы облегчить молодым работникам определение в военную службу.

Реакция хотела битвы и добилась её. На проект закона немедленного роспуска мастерских с платой 30 франков, работники ответили баррикадами. С пятницы 23-го по понедельник 26-го июня Париж был театром самой ужасной борьбы, какая когда-либо была видана до майских дней 1871-го года. Главные силы мятежников состояли из работников национальных мастерских, но в рабочих кварталах к ним пристало всё население. По буржуазным историкам движение было вызвано агентами монархических партий, особенно бонапартистов, так что восстание имело целью ниспровержение республики, а реакционное Собрание является по этим рассказам твёрдой опорой и мужественным оплотом её. Забавное превращение! Монархические заговорщики Собрания расстреливают народ во имя той самой республики, которую старались уничтожить всеми своими действиями, а народ обвиняется в монархизме теми самими людьми, которые строили заговоры в пользу монархии и очень хорошо знали, чего они хотят и чего хочет народ. Не смотря на нелепость этого объяснения, обвинения, распространённые против мятежников в первые дни, нашли отголосок во многих республиканцах, которые были, вероятно, довольны под этим предлогом оставаться в стороне и равнодушно смотреть на резню социалистов армией порядка.

Мятежники требовали лишь одного: работы, работы полезной. И что было необыкновенного в это притязании? Ведь им постоянно проповедовали, что государство обязано удовлетворять нужды бедных и нуждающихся; и в самом проекте конституции, читанном 19-го июня в Собрании, было прямо сказано в параграфе 7:

“ «Право на труд есть право каждого человека жить трудом»

«Общество, имеющимся в его распоряжении общими средствами производства, которые будут организованы впоследствии, обязано доставлять работу людям, лишённым её»

Итак, с точки зрения принципов, которое утверждало само Собрание, июньские мятежники действовали совершенно на основании своего права, протестуя против решения Собрания, нарушившего обязательства временного правительства и принципы конституции. К несчастью, восстание было предпринято слепо, без ясного сознания революционной программы; если бы оно восторжествовало, трудно сказать, что оно бы предприняло для решения жгучих вопросов той минуты; по тогдашним предрассудкам, первым делом его было бы учредить революционное правительство, которое необходимо оказалось бы столь же бессильно, как и все предыдущие для создания рациональной организации труда; вышли бы вторые издания 17-го марта, 16-го апреля, 15-го мая; прошли бы новый ряд реакционных фаз и кончили бы непременно тем, что правительство досталось бы в руки консервативной партии.

Мы не будем рассказывать историю июньских дней. Известно, что правая сторона Собрания воспользовалась ими, чтобы отделаться от исполнительной комиссии, по её мнению, слишком республиканской, и заменить её диктатурой Кавеньяка[116].

Чтобы охарактеризовать дух буржуазии, мы приведём некоторые выдержки из официальных прокламаций, явившихся в Мониторе[117] в эти кровавые дни. Мы найдём в них всё то же, что с таким успехом говорилось господином Тьером во время Парижской Коммуны 1871-го года.

Первый документ – циркуляр парижского мэра, Армана Марра, бывшего директора «Le National», того самого, который за четыре дня перед этим представлял Собранию проект конституции, гарантирующий право на труд. Вот как выражается этот республиканец, бывший членом временного правительства:

“ «С нынешнего утра вы свидетели усилий *небольшого числа беспокойных людей* внести в среду населения живейшую тревогу»

«Враги республики являются под всевозможными личинами; они эксплуатируют все бедствия, все затруднения, создаваемые обстоятельствами[118]. Иностранные *агенты* соединятся с ними, подстрекают их и *платят* им. Они хотели бы возжечь среди нас не только войну междоусобную; они приготавливают *грабёж, общественное разложение, гибель Франции*, и цель их понятна»

«Париж служит главным сосредоточием этих *гнусных интриг*; но Париж не сделается столицей беспорядка. Национальная гвардия, первая охранительница общественного мира и *собственности*, поймёт, что тут замешано главным образом её дело, её *интересы, её кредит, её честь*. Если она отступится, она предаст отечество в жертву всем случайностям, подвергнет *величайшим бедствиям семейство и собственность*»

«Войска гарнизона, многочисленные и полные готовности, стоят под ружьём. Пусть национальная гвардия займёт улицы своих кварталов. Власть исполнит свой долг; пусть же и национальная гвардия выполнит свой»

Теперь послушаем президента Собрания, гражданина Сенара:

“ «Если в первую минуту можно было недоумевать на счёт причины мятежа, который обагрят кровью наши улицы и который в течение недели столько раз уже менял предлоги и знамёна, то теперь сомнения не может оставаться, пожар уже губить город, когда формулы коммунизма и возбуждения к грабежу открыто раздаются на баррикадах»

«Они не требуют республики. Республика провозглашена».

«Общая подача голосов! Она принята и действует!»

«Чего же хотят они? Теперь это известно: они хотят анархии, пожара, грабежа»

Этому воззванию было предназначено подогреть усердие национальной гвардии и раздуть ненависть провинции к Парижу. Но, так как мятежники делали успехи и 24-го числа была минута, когда можно было думать, что весь Париж будет вскоре в их руках, то нашли вежливым обратиться к ним с примирительной речью и попытаться лживыми обещаниями склонить их положить оружие. Поэтому Сенар обратился к работникам в прокламации, которая начинается так:

“ «Работники!»

«Вас обманывают, вас вводят в заблуждение!»

«Взгляните, кто зачинщики восстания. Вчера они выставляли знамя претендентов; сегодня они пользуются вопросом национальных мастерских, искажают смысл действий и мысли Национального Собрания»

«Никогда, как ни ужасен социальный кризис, никогда никому в Собрании не приходило решать его железом или голодом»

«Никто не хотел отнимать вас у ваших семей, никто не замышлял лишать вас скудных средств, доставляемых вам положением, которое вы сами же первые считали печальным»

«Никто не думал ухудшать вашей участи, а напротив, её хотели улучшить в настоящем достойными вас работами и в будущем истинно демократическими и братскими учреждениями»

«Хлеба достаточно для всех, он всем обеспечен, и конституция навсегда обеспечит существование всех»

«Положите же оружие; не доставляйте нашей дорогой Франции, завистливой и внимательной Европе зрелища братоубийственной борьбы»

Работники не поддались на эту крокодилью чувствительность; они знали, что Сенар лжёт. «Никто не хочет отнимать вас у ваших семей», говорил он; а что же значил правительственный декрет вербовке всех рабочих национальных мастерских от 17-и до 25-и лет? «Никто не думает лишать вас скудных средств, доставляемых вам положением, которое вы первые находите печальным»; это значит, что национальные мастерские будут сохранены; но, в таком случае, что означал проект закона, читанный накануне в Собрании господина де Фаллу и предлагавший распустить национальные мастерские за трёхдневный срок?

В тот же день генерал Кавеньяк, со своей стороны издавал прокламацию, в которой контраст республиканской фразеологии с кровавой действительность составляет роковую иронию.

“ «Французская Республика.

Свобода, Равенство, Братство.

Мятежникам.

Во имя Национального Собрания.

Граждане,

Вы думаете, что сражаетесь за интересы работников; вы сражаетесь против них; на них одних падёт вся пролитая кровь. Если бы подобная борьба могла продолжаться, пришлось бы отчаяться в будущем Республики, безвозвратное торжество которой вы желаете утвердить[119].

Во имя окровавленного отечества,

Во имя республики, которую вы губите,

Во имя труда, которого вы требуете и в котором вам никогда не отказывали, обманите надежды наших общих врагов, положите братоубийственное оружие и положитесь на правительство; оно знает, что, если в ваших рядах есть преступны подстрекатели, то есть и братья, которые заблуждаются и которых оно призывает в объятии отечества.

Генерал Кавеньяк

Париж, 24 июня 1848».

Наконец, на другой день вышла последняя прокламация, подписанная вместе и Кавеньяком, и Сенаром и формально гарантирующая амнистию всем, кто положит оружие. Вот этот документ, памятник вечного позора тех, кто, добившись этим священным обещанием прекращения борьбы, изменил своему слову и послал без суда в ссылку июньских бойцов:

“ «Мятежникам,

Работники и все, кто ещё держит в руках оружие, поднятое против Республики! В последний раз во имя всего уважаемого и святого для людей – положите оружие. Об этом вас просит Национальное Собрание и вся нация. Вам говорят, будто вас ожидает жёсткая месть. Это говорят ваши и наши враги. Вам говорят, будто вы будете хладнокровно принесены в жертву мщению. Придите к нам, придите как кающиеся и покорные закону братья, и объятия Республики разверзнутся для вас!

Париж, 25-е июня 1848.

Президент Национального Собрания, Сенар;

Президент исполнительной власти, Э. Кавеньяк»

Эта прокламация убедила мятежников Сент-Антуанского предместья, которое ещё держалось, положить оружие в понедельник 26-го числа. Они требовали экземпляра её, скрепленного собственноручно подписью Кавеньяка, но согласились сдать по удостоверению нескольких народных представителей, которые отважились проникнуть в мятежный квартал, чтобы действовать в духе примирения, и которые удостоверили народ в подлинности прокламации.

На другой день, 27-го числа, Собрание утверждало декрет, первый параграф которого гласил так:

“ «Лица, ныне арестованные, участие которых в возмущении 23-го июня и следующих дней будет доказано, будут сосланы ради общественной безопасности во французские владения за морем, исключая владения на Средиземном море»

Вот что вышло из обещанной амнистии!

Что после этого сказать о генерале Кавеньяке, который после победы над бунтом, обращался к национальной гвардии и армии со следующими словами:

“ «Ещё нынче утром увлечение борьбы было законно, неизбежно. Теперь же будьте столь же велики в спокойствии, как были в борьбе. Я вижу в Париже победителей и побеждённых; *да будет проклято имя моё, если я соглашусь видеть в нём жертв*»

История поймала его на слове; хотя расстрел без суда и ссылка массами были коллективным делом целого класса, но особенное проклятие легло на имя этого человека, справедливо заклеимённого прозвищем *июньского мясника*.

Как держали себя во время того кризиса Прудон и другие социалисты Собрания? Одобряли ли они или порицали мятеж? Если одобряли, почему не было их за баррикадами? Если осуждали, то неужели были заодно с реакцией против последней попытки революционной партии?

Трудно не задать себе этих вопросов и трудно ответить на них удовлетворительно. Социалисты, заседавшие в Собрании, Пьер Леру. Консидеран, Прудон, были философами и людьми дела, и, конечно, борцы баррикад были им симпатичнее монархистов Собрания, однако невероятно, чтобы они одобряли вооружённое восстание; Консидеран и Пьер Леру питали слишком глубокое уважение к общей подаче голосов; что же касается Прудона, он

видел в каждом усилии социалистической партии овладеть правлением, отступлением от истинно революционного пути. Прибавим, что при самом начале борьбы Консидеран тщетно пытался взять на себя посредничество; он предложил Собранию обратиться к мятежникам с примирительным воззванием, но ему даже не дали развить своё предложение. Пьер Леру со своей стороны говорил 27-го июня против декрета о ссылке, и эта речь была просто геройским поступком среди Собрания, опьянённого местью и реакцией; он требовал кротости. Прудон же молчал и до, и во время, и после; поэтому, когда 31-го июня он развивал своё знаменитое предложение налога трети дохода, в числе обращаемых к нему восклицаний раздались возгласы: «Надо было говорить это месяц тому назад! – Надо было сражаться 23-го июня! – Надо было иметь мужество! – Где же вы были в июньские дни? – Вы – Марат этого Учения! – Вы зажгли пожар! – Надо было идти на баррикады!» А гражданин Сенар, сделавшийся министром внутренних дел, прибавил: «Он слишком труслив, чтобы идти. Эти люди призывают на баррикады, а сами не ходят».

Послушаем, что говорит сам Прудон в объяснение своего поведения. Предварительно заметим, что он был выбран в народные представители от Парижа в дополнительные выборы 11-го июня.

“ «Память июньских дней, говорит он в *Исповеди*, будет тяготеть вечным угрызением на моей совести. С горечью сознаюсь: до 25-го июня я ничего не предвидел, ничего не знал, ничего не угадывал. Избранный за две недели в депутаты, я вступил в Национальное Собрание с робостью ребёнка, с усердием новообращённого. С девяти часов утра усердно посещал я собрания бюро и комитетов и выходил из Собрания только вечером, изнеможённый от усталости и от разочарования. Едва вступив на парламентский Синай, я потерял всякую связь с массами; погрузившись в законодательные труды, я совершенно потерял из виду текущие дела. Я ничего не знал ни о положении национальных мастерских, ни о правительственной политике, ни об интригах, кипевших среди Собрания. Надо самому пожить в этом изолированном кружке, называемом Собранием, чтобы узнать, до какой степени люди, представляющие страну, не имеют понятия о её положении. Я принялся читать всё, что бюро раздачи сообщает депутатам: предложения, рапорты, брошюры, даже Монитор и Бюллетень Законов. Большинство сотоварищей моих левой и крайне левой стороны находились в таком же недоумении, также ничего не знали о текущих событиях. О национальных мастерских говорили со страхом, потому что страх народа есть общая болезнь всех принадлежащих к правительству; для власти народ – враг. Всякий день мы вотируем новые субсидии на национальные мастерски, ужасаясь неспособности правительства и нашего бессилия»

«Несчастливая школа! Парламентская чепуха, в которой мне пришлось жить, лишила меня всякого понимания; когда 23-го числа Флокен с трибуны

объявил, что движение возбуждено политическими партиями и оплачивается заграничными субсидиями, я поверил этой министерской утке; ещё 24-го я спрашивал, правда ли, что движение вызвано роспуском национальных мастерских! Нет, господин Сенар, я не трусом был в июне, как вы назвали меня перед Собранием, как вы и как многие другие, я был глупцом. В парламентарном одурении я изменил долгу представителя народа. Меня послали смотреть, а я ничего не видел; я должен был бить тревогу и не крикнул. Я, как неверная собака, не залаял при приближении врага. Избранный черни, журналист пролетариата, я не должен был покидать эту массу без руководства и совета. 100,000 человек в военных кадрах стоили того, чтобы заняться ими. Это было бы лучше, чем скучать в бюро. С тех пор я всеми силами старался загладить мою неизгладимую вину; не всегда бывал я счастлив в этих стараниях; я часто ошибался, но совесть моя ни в чём больше не упрекает меня».

IX. Заседание 31-го июля

По теории Прудона, июньские дни представляются последним и решительным доказательством правительственного бессилия в деле социальной революции. Однако, он не останавливается на них в своих философских соображениях о событиях этого достопримечательного 1848-го года. Он рассматривает последние действия Собрания, избрание Людовика Бонапарта в президенты Республики, Римскую экспедицию, и доводит нас до дня 13-го июня 1848-го года, дня бесполезного покушения Ледрю-Роллена и радикалов снова овладеть правительством.

Первый факт, на котором он останавливается после кровавой июньской бойни, есть его собственное выступление на парламентской арене. В июле он внёс в Собрание предложение учредить налог трети дохода. Предложение было рассмотрено финансовым комитетом, который в отчёте, представленном им Собранию по этому поводу, характеризовал его следующим образом:

“ «Предложение гражданина Прудона безнравственно, несправедливо, мятежно, исполнено коварства, злонамеренности и невежества, противно финансовой науке, антисоциально, дико, нелепо, внушено умом мизантропическим, раздражённым и отчуждённым от жизни; оно вызывает доношество и междоусобие, нарушает договоры, посягает на собственность, клонится к разрушению семьи и к атеизму»

В заседании 31-го июля Прудон должен был развить своё предложение, и произнести знаменитую речь, которая вызвала против оратора уже упомянутую нами бурю яростной брани. Громко заявляя право труда и неизбежность падения капитала перед Собранием, обезумевшим от ярости, гудевшим кровавыми июньскими страстями, Прудон выказал замечательное мужество; но само по себе его предложение, как решение экономической задачи, не имело никакого практического достоинства.

Мы не будем доказывать, что учреждение налога трети дохода, который, по Прудону, должен был служить первым шагом к общей организации дарового кредита, не имело ничего общего с революцией, как её понимает теперь народный социализм. Мы только рассмотрим оценки и комментарии Прудона; мы видели, как он по-своему объясняет великие исторические события 1848-го года; посмотрим, как он комментирует сам себя, когда выступает сам на сцену в качестве действующего лица

Он начинает главой, посвящённой собственной личности, своему нравственному портрету, своим идеям. Эта глава была бы интересна, если бы знакомила нас с какими-нибудь подробностями внутренней жизни Прудона с трудовой жизнью его первых лет, когда, будучи поочерёдно, то наборщиком, то бухгалтером, он начинал свои размышления о теологии и римском праве, этих краеугольных камнях его будущей философии. Но в этой главе ничего не говорится о том, что было бы нам интересно узнать и автор мотивирует нам свою скрытность так:

“ «О моей частной жизни мне нечего сказать; она до других не касается. Я никогда не был охотником до автобиографий, и чужие дела меня не интересуют. Даже история и роман увлекают меня лишь настолько, насколько я нахожу в них, как в нашей бессмертной революции, хождения идей»

Прудон говорит только о своих умственных трудах с той минуты, когда в 1837-м году Безансонская Академия присудила ему трёхлетнюю пенсию, учреждённую по завещанию господина Сюара для молодых небогатых франш-контрастов[120], желающих посвятить себя науке. Он начал своё поприще сочинением *О праздновании воскресенья*, где странной смесью теологических и социалистических аргументов оправдывал учреждение субботнего дня.

“ «Так как я обращался к христианам, говорит он в своей *Исповеди*, то Библия должна была занимать у меня первое место между авторитетами. Мемуар об учреждении субботнего дня, с точки зрения нравственности, гигиены, семейных отношений и гражданских, доставил мне от Академии бронзовую медаль. С высоты веры, на которую меня возвели, я, очертя голову, бросился в чистый разум и заслужил рукоплескания уже за то, что сделал из Моисея социалиста».

Вскоре знаменитый *Мемуар о Собственности*, обращённый наивным автором к Академии нравственных и политических наук, один из членов Академии, господин Адольф Бланки, брат заговорщика, дал благоприятный отчёт о Мемуаре, но сопровождая его замечаниями, опровергавшими выводы Прудона.

Прудон отвечал господину Бланки вторым *Мемуаром*, очень умеренным по форме и в котором уж начинала проглядывать его теория противоречия или антиномии; по этой теории, как мы сказали, всякая идея имеет сторону положительную и сторону

отрицательную, так что, смотря по тому, с какой стороны глядеть на неё, она представляется в двух совершенно различных видах.

Затем последовал третий Мемуар, озаглавленный: *Письмо к господину Консидерану или предостережение собственникам*. Это был очень красноречивый памфлет, в котором жёстко доставалось республиканцам школы Le National (газета, издаваемая сначала Арманом Каррелем, а по смерти его на дуэли с господином Эмилем Жирарденом – Арманом Марра), показавший впоследствии в феврале всю пустоту своего формализма. Резкость этой брошюры возбудила внимание прокурорского надзора в Безансоне; автор был предан суду ассизов (присяжных) департамента Ду (департамент, в котором состоит город Безансон), по обвинению в нападении на собственность, в возбуждении презрения против правительства, в оскорблении религии и нравственности; присяжные оправдали его.

Эти первые издания были лишь введением к трудам более значительным. Думая, что нашёл истинно философский метод в том, что он называл *серией*, Прудон издал в 1843-м году под заглавием: *Создание порядка в человечестве* – сборник этюдов, «самых отвлечённых, говорит он, каким только может предаваться человеческий ум». Публике эта метафизика не понравилась, и книга не имела успеха.

Другое дело *Экономические Противоречия*, вышедшие в 1846-м году. Здесь Прудон употреблял во всей его ширине антиномический приём, заимствованный у Гегеля и который он считал заодно с *серией*, предназначенным обновить философию и создать социальную науку. Здесь он разбирал различные экономические силы, идеи и учреждения, и каждую из них представлял в двойственном виде – со стороны положительной и отрицательной. Он в нескольких строках изложил в своей Исповеди сущность этого приёма.

“ «В мои первых Мемуарах, говорил он, я, например, говорил: *Собственность есть кража*. В *Системе Экономических Противоречий* я напоминал и подтверждаю это определение и прибавляю к нему другое, совершенно противное, но основанное на соображениях иного порядка, которые не могли ни поколебать первой аргументации, ни быть разрушены ей: *Собственность есть свобода*. Собственность – кража; собственность – свобода – оба эти предложения одинаково доказаны и стоят рядом в *Системе Противоречий*. Точно также действуя я относительно каждой экономической категории – *Разделение Труда, Конкуренция, Государство, Кредит, Общинность* и прочее, показывая поочерёдно, как каждая из этих идей, а, следовательно, и порождаемые ими учреждения имеют положительную сторону и отрицательную, как они вызывают двойную серию диаметрально противоположных результатов; и я постоянно заключаю о необходимости согласия, примирения, синтеза».

Здесь мы видим диалектика, которому весело доказывать за и против и который в последние годы своей жизни в *Теории Собственности* писал противное тому, что защищал в

первом Мемуаре.

Но недостаточно было разрушать, надо было созидать. *Экономические Противоречия* составляли только *антиномическую* часть системы; Прудон хотел поработать и над *синтезом*. Он обещал дать его, написав в заголовке своей книги *Противоречия* гордый эпиграф; Destruam et aedificato – *разрушаю и воздвигну*. Февральская революция застигла его прежде, чем он успел закончить этот труд; он издал первую часть его в марте 1848-го года под заглавием: *Решение Социальной Задачи*. Эта брошюра прошла почти незамеченной, равно как и другое издание его: *Организация Кредита; Обменный Банк*. Тогда Прудон решился сделаться журналистом и основал газету: *представитель Народа*, запрещённый 13-го июля за знаменитую статью о квартирной плате.

Тогда он решился выступить в Собрания, чтобы изложить своё знаменитое предложение налога на доход в размере трети его.

Как Прудон понимал своё предложение? Какую цель имел он, делая его?

Он сказал себе (так говорит он сам). Надо обратить на пользу революции саму реакцию, доведя её до лихорадки и истощив её страхом и утомлением.

Надо показать июньским победителям, что дело не кончено, как они думают; что оно даже не начато и что единственный плод их победы – увеличение затруднений для них самих.

Надо понять упавший дух работников, смыть с июньского восстания клевету реакции; поставить социальный вопрос с удвоенной энергией, с энергией почти терроризма; увеличить его, придав ему традиционный и европейский характер; упрочить революцию, принудив консерваторов самим служить демократии для защиты своих привилегий, и таким образом отбросить монархию на задний план.

Надо победить власть, ничего не требуя от неё; доказать паразитство капитала, заменив его кредитом; основать свободу личности организацией инициативы масс.

Все эти прелести заключались будто бы в предложении Прудона. Другим, более ясными словами, цель предложения была не столько добиться чего-нибудь от Собрания, как произвести скандал, который был бы, по мысли Прудона, новым заявлением социализма.

Он вполне достиг этой цели и скандал вышел огромный.

Речь, произнесённая Прудоном в заседании 31-го июля и чтение, которой продолжалось около двух часов, была встречена воплями ярости. Оратор, невозмутимо среди ругательств и оскорблений, останавливается по временам, чтобы выждать тишины и снова спокойно принимался за чтение. Его добродушный вид при том франш-контузаском выговоре, который придавал его речи особенную оригинальность, только усиливал раздражение слушателей; буря разражалась с новым ожесточением, и оратор снова приостановился, обводя разъярённое Собрание ясным взглядом своих голубых глаз, прикрытых очками, и затем также спокойно продолжал.

«Природа отказала мне в даре красноречия, пишет по этому поводу Прудон. Но отрывочность моей речи придавала ей особенную силу. Смех продолжался недолго. Все наперерыв старались заявить своё негодование. – В Шарантон[121]! кричал один. – В зверинец! вопил другой. – Шестьдесят лет тому назад вы назывались Марат! – Надо было 26-го июня идти на баррикады! – Куда ему, трусу! – Некоторые из Горы, сконфуженные, испуганные, но не желая осуждать товарища по принципу, бежали. Луи Блан подал голос заодно с консервативным большинством за мотивированный переход к очередному порядку».

Мы приведём некоторые места из этой знаменитой речи не для того, чтобы представить прудоновские аргументы в пользу его предложения, так как, по собственному его сознанию, предложение его было лишь предлогом, а для того, чтобы дать образец ораторской манеры его и смело парадоксальной формы, которую он любил придавать своим теориям. Мы цитируем по стенографическому отчёту *Монитора*.

“Итак, говорит Прудон, изложив свою теорию кредита и обращения: - итак, я признаю, и нисколько не затрудняюсь высказать это, я признаю и утверждаю, что гарантия труда несовместима с сохранением лихв и поборов, наложенных на обращение и на орудия труда, с владельческими правами собственности. (Восклицания)»

«Думающие противное могут называть себя, как угодно: фаланстерианцами, жирондистами или монтаньярами; могут быть людьми очень честными и прекрасными гражданами; но они ни в каком случае не социалисты; скажу больше: они даже не республиканцы. (Опять восклицания)»

«Ибо, подобно тому, как политическое равенство несовместимо с монархией и аристократией, так равновесие в обращении и обмене, равенство между производством и потреблением, другими словами – обеспечение труда – несовместимо с царством денег и аристократией капиталов. А так как эти два порядка идей по существу своему солидарны, то мы заключаем, что собственность, чистый доход, существующий только порабощением, невозможен в Республике; и что одно из двух: или собственность погубит Республику, или Республика уничтожит собственность. (Смех. – Волнение)»

«Сожалею, граждане, что слова мои возбуждают в вас смех, потому что то, что я говорю – убьёт вас! (Ого! – Смех)»

Далее он заключает своё изумление финансовой части своего предложения следующим ошеломляющим заявлением:

“ «Граждане-представители, то, что я вам сейчас скажу- покажется вам также парадоксом: Собственность уже не существует. (Ропот)

Мы молча согласились терпеть *факт* (Восклицания), но факт этот лишь временное положение, срок которого вы вольны определить; по конституции и по праву собственность – обратите на это внимание- отменена нами.

Гражданин де Пана: Господин президент, неужели вы решились терпеть это до конца? Ведь это, однако, ужасно!

Гражданин Президент: Прения и голосование воздадут справедливость всему этому; оратор подвергся нападениям; он в праве защищаться; он защищается, как находит лучшим.

Один член Собрания: Это угроза обществу.

Гражданин президент: Ваш протест выразится голосованием.

Гражданин де л’Эспиналь: Это преступление против общества.

Гражданин Прудон: Продолжаю. Как право, собственность отменена нами.

Гражданин Гушо, министр финансов: Эти вещи невозможно слушать! (Сильное волнение) Прошу слово.

Гражданин президент: Гражданин Прудон, согласны ли вы уступить слово на короткое замечание?

Гражданин Прудон: Извольте.

Гражданин Гушо, министр финансов: Я скажу Собранию только одно слово: прошу выслушать его, оратора, до конца (Да! Да!). Но в то же время, прошу его, не смотря ни на какой поздний час, не выходить из этого зала, не покончив решительным приговором с этим предложением (Да! Да! До завтра! До завтра!)

Гражданин президент: Собрание решить впоследствии. Слово принадлежит оратору; приглашаю его поторопиться (Шум).

Гражданин Прудон: Собственность была отменена 25-го февраля декретом временного правительства, гарантировавшим право на труд и обещавшим организацию труда; потом она была отменена согласием страны, принявшей Республику и провозгласившей экономический характер революции; отмена эта была утверждена проектом конституции, где в объявлении прав собственность отрицается признанием права на труд. (Перерыв)»

И оратор продолжает в этом тоне. Он говорит, что все контракты, основанные на праве собственности уничтожены вследствие революции как права и, что если они ещё продолжают давать результаты в пользу прежних собственников, то это единственно по доброй воле фермеров и должников. Тут президент при рукоплесканиях Собрания призывает оратора к порядку. Прудон спокойно продолжает:

“ «24-го февраля установило право на труд; временное правительство своими актами утвердило его; проект конституции признал его; оно начертано во всех умах. Напрасно вычёркивали бы вы его из будущей хартии; этим вы только оставите в ней пробел, где на ряду с правом на труд будет подразумеваться право на восстание (Шумные отрицания: - К порядку! К порядку!)!

Один член Собрания: Это надо было говорить месяц тому назад.

Различные голоса: Надо было взяться за оружие 23-го июня. – Следовало иметь на это храбрость. – Вы Марат этого учения и прочее»

Наконец, вот заключение оратора:

“ «Вы учредили осадное положение; хорошо: если в нашей политике не произойдёт перемены, осадное положение учреждено навеки»

«Без требуемого от вас обеспечения труда вы не можете терпеть клубов, не можете уживаться с печатью, не можете возвратить ружья работникам, которые вам подозрительны»

«Не думаете ли вы, что капитал рискнёт собой под обеспечения буржуазных штыков? Славное средство внушить доверие – нечего сказать!»

«Капитал трусит, и инстинкт не обманывает его; социализм наблюдает за ним»

«Жида не вернутся; я им запрещаю».

Едва оратор закончил, как со всех сторон явились предложения перехода к дневному порядку; все они были одно резче другого и предназначались заклеить *антисоциальные теории* Прудона. Легитимисты, орлеанисты, республиканцы – все на перебой добивались чести рекомендовать Собранию свою редакцию и перещеголять друг друга в резкости её. Наконец, был принят переход к дневному порядку, сформулированный гражданами Пепеном, Ландреном и Беро с поправкой гражданина Сенара, министра внутренних дел. Редакция его была следующая:

“ «Национальное Собрание,

Принимая во внимание, что предложение гражданина Прудона есть гнусное покушение на начала общественной нравственности; что оно нарушает собственность; поощряет доношество; вызывает к самым худшим страстям.

Принимая сверх того во внимание, что оратор оклеветал революцию февраля 1848-го года, выдавая её за сообщницу развитых им теорий; –

Переходит к дневному порядку».

Этот переход к дневному порядку был принят почти единогласным большинством 691 голоса, за исключением голосов Прудона и депутата Греппо, который один осмелился заявить себя при этих обстоятельствах социалистом и революционером среди этого «рычащего скотства», по живописному выражению Бакунина.

“ «Я боялся одного, говорит Прудон в своей *Исповеди*, что мотивированный переход к дневному порядку не пройдёт. Бессмысленное порицание моего

предложения было актом отречения бюрократической рутины»

Никогда ещё ни один человек не бывал предметом такого хора проклятий, насмешек и оскорблений, как Прудон в последние месяцы 1848-го года.

“ «С 31-го июня, говорит он, я сделался, по выражению одного журналиста, человеком-ужасом. Не думаю, чтобы можно было найти другой пример подобного ожесточения. Против меня проповедовали, меня осмеивали на сцене, в песнях, в афишах, в биографиях, в карикатурах, бранили, оскорбляли, проклинали; против меня возбуждали ненависть и презрение; товарищи мои предавали меня правосудию, меня обвиняли, судили, приговаривали те самые люди, которые вверили мне представительство; мои политические друзья не доверяли мне; мои сотрудники шпионили за мной, мои приверженцы доносили на меня, мои единоверцы отступались от меня. Ханжи в анонимных письмах угрожали мне гневом Божиим; набожные женщины присылали мне освящённые образки; публичные женщины и каторжанки присылали мне поздравительные письма, похабная ирония которых свидетельствовала о заблуждении общественного мнения. В Национальное Собрание присылали просьбы о моём изгнании из него, как недостойного. В это время я был теоретиком кражи, панегиристом проституции, личным врагом Бога, Антихристом, существом, которому имени нет»

Прудон странным образом видит в этой ярости против него доказательство нравственности общества. В нём будто бы ненавидели ложно приписываемые ему безнравственные учения; буржуазия протестовала против социализма, потому что отождествляла его с кражей, развратом, подлостью; она протестовала во имя нравственности и, сама того не подозревая, она таким образом свидетельствовала сама против себя; утверждая начала нравственности и справедливости, во имя которых она осуждала социализм, она произносила приговор своим собственным порокам и выражала свою незыблемую веру в нравственный закон, который должен возродить её.

“ «Да, восклицает Прудон, заключая эту главу своей *Исповеди*, эти прелюбодеи возмущаются мыслью коммунистической полигамии; эти общественные воры славят труд. Католицизм умер во всех сердцах: но

человеческое чувство живее в них, чем когда-либо. Воздержание огорчает их, но они обожают целомудрие. Нет ни одной руки чистой от чужого добра, и все ненавидят учения расчёта! Мужайся же, душа моя, Франция не погибла! Человеческие силы трепещут в этом трупe; она возродится из своего пепла!! Клянусь головой своей, обречённое адским божеством!».

Х. Гора обращается в социализм

Несмотря на ликовавшую реакцию, которая закрыла клубы, забила рот печати, подвергла проскрипции[122] Луи Блана и Косидьера (в августе), социализм не был уничтожен; напротив, он делал успехи, и 17-го сентября Распай[123] был избран в народные представители в Париже. Всё соединялось, чтобы подавить социализм, но в эту минуту 7000 человек вставали по его зову и протестовали против июньской победы выбором открытого социалиста.

Тогда республиканцы увидели, что социальные идеи, так долго презираемые, составляют силу. Народная партия стала партией социалистической; люди, прежде не признававшие реальность социализма, стали теперь подумывать как бы овладеть этой силой.

Крайняя республиканская партия, так называемая Гора, главным органом которой была газета «La Reforme», держала себя с февраля 1848-го года в отношении социализма крайне сдержанно. Монтаньяры следовали традициям Робеспьера, и для этих неоякобинцев, как теперь для Гамбетты[124] и его братии, социальный вопрос не существовал.

Но видя, что народ решительно идёт к социализму и покидает Робеспьера, приняли великое решение; надо было встать во главе этого нового движения и обеспечить себе руководство им, под сразом иначе потерять всякое влияние; итак, было решено, что Гора обращается в социализм.

Но что такое был этот социализм, которому Гора могла отвести место в своей программе? Она хотела иметь свой особый социализм; сделали переборку ходячих утопий и сфабриковали из обрывков их какую-то нелепую, бесплодную и бессильную филантропию, предназначенную единственно для отвода глаз народу, дабы голоса народных избирателей доставались радикальным кандидатам.

В осознании этой новой программы был положен пресловутый принцип: «Революция социальная – цель; революция политическая – средство». Стало быть, говорили монтаньяры, нам, людям политическим, нам, создавшим февральскую Республику, принадлежит право основать истинный социализм по инициативе правительства.

Итак, после стольких уроков, опять хотели приписать правительству революционную инициативу. С этой точки зрения, союз с монтаньярами мог быть лишь пагубен, и Прудон ясно увидел опасность:

«Меня не обмануло это превращение, говорит он, хотя в то время никто не видел его принципиальных противоречий; я от всей души скорбел о нём ради будущего республики. Социализм крайне левой был в моих глазах просто фантасмагорией; я признавал её искренность, но ценил её ни во что. По-моему, этим только подготавливали усиление реакции, возобновляя в более обширных размерах попытки 17-го марта, 16-го апреля и 15-го мая. После этих трёх неудачных попыток, неоякобинская партия влекла с собой социализм на погибель в последнем окончательном поражении. Другого значения обращения монтаньяров в моих глазах не имело»

Однако прибавляет Прудон, надо было взять во внимание и другие соображения, которые могли заставить призадуматься даже серьёзные умы. Партия монтаньяров доставляла социализму огромную силу. Умно ли было бы отвергать эту помощь? Объявляя себя социалистами, монтаньяры безвозвратно обязывались и обязывали значительную часть республиканской партии. Притом это соответствовало желанию народа, который первый провозгласил этот союз партии, назвав Республику демократической и социальной. Социализм в союзе с демократией мог утратить реакцию. Неужели нужно пренебречь этой выгодой?

С октября 1848-го года республиканская партия приняла эпитет социалистической, или, вернее, социалисты были поглощены республиканской партией. Единственной заботой приверженцев демократической и социальной Республики было сперва провести своего кандидата на должность президента Республики, а потом – завоевать большинство на выборах в Законодательное Собрание; не успев в этом, они стали думать о том, чтобы освободиться от Собрания посредством вооружённой силы и, наконец, как последнее своё прибежище, стали исподволь заготавливать себе победу на выборах 1852-го года; они рассчитывали на эти выборы – которым не суждено было совершиться – чтобы овладеть правительственной властью.

Месяц спустя, 4-го ноября 1848-го года, Собрание вотировало совокупность республиканской конституции. Она была принята большинством в 739 утвердительных голосов против 30 отрицательных. Из этих 30 протестовавших голосов 16 принадлежали демократам-социалистам и 14 легитимистам. Прудон вотировал, разумеется, нет.

Он счёл долгом подробно объяснить в одной главе своей *Исповеди* основания такого голоса, изложив при этом свою политическую и экономическую теорию. Так как он развил это изложение впоследствии гораздо подробнее в своей *Общей идее революции в XIX-м веке*, которую мы уже рассмотрели, то мы не будем повторять здесь сказанное в первой части. Само собой понятно, что человек, первый поставивший принцип отрицания правительства, не мог дать согласия на проект конституции, и не по причине того или другого её параграфа, а просто потому, что это была конституция.

XI. Избрание 10-го декабря

Собрание назначило на 10-е декабря выборы президента Республики, и каждая партия выставила своего кандидата. Умеренные республиканцы, т. е. буржуи, приверженцы *трёхцветной* республики выставили генерала Кавеньяка, который с июньских дней оставался главой исполнительной власти; старые монархические партии, легитимисты, орлеанисты и империалисты слились в одну партию, называвшейся *великой партией порядка* или *коалицией улицы Пуатье*; её руководителем был господин Тьер, органом – «Le Constitutionnel», а кандидатом она выставила Луи Бонапарта. Приверженцы же демократической и социальной республики, превращённые союзом с Горой в простую политическую партию, решили, увлечённые своими новыми союзниками, также выставить своего кандидата на президентство, и этим кандидатом был Ледрю-Роллен, заведомый представитель старой якобинской традиции.

Ввиду подобного положения Прудон действовал вполне согласно со своими принципами. Он рекомендовал избирателям-социалистам воздерживаться от подачи голосов, прибавляя, что если кто непременно желает голосовать, тот пусть уж лучше подаёт за Кавеньяка, чем за Ледрю-Роллена; действительно, голосуя за Кавеньяка, т. е. подавая свой голос за кандидата умеренной республики, всякий социалист только признаёт этим свершившийся факт, не делая никакой уступки принципам, между тем как голосуя за Ледрю-Роллена, заявили претензию завладеть президентством в пользу социалистической партии, он действует в духе правительственной теории, отрицает свой принцип, перестаёт быть социалистом и делается доктринёром.

Итак, или воздержание, или подача голоса за Кавеньяка. Такова была первая мысль Прудона.

Отказавшись от подачи голосов, социальная демократия поразила бы мир торжественным заявлением политического скептицизма; отреклась бы окончательно от правительственного предрассудка; увеличила бы себя всей суммой воздержаний и, таким образом, учетверила бы свою численность. Кроме того, она заранее установила бы тот пункт, на который должны были обратиться требования пересмотра конституции в 1852-м году – отмену президентства, и таким образом определила бы характер будущей конституционной оппозиции. Наконец, если бы примеру демократов не последовали, они, по крайней мере, не потеряли бы позор постыдного поражения.

Голосуя за Кавеньяка, социальная демократия повиновалась принципу слияния, составляющему её сущность (это собственные слова Прудона); она отмечала своим цветом умеренную республику; она начинала ассимилировать её себе; она отмечала цель, к которой в силу своего общего идеала должны были стремиться все республиканские фракции; она являлась стране в качестве правительства будущего и на несколько лет ускоряла своё

торжество.

Гора думала устранить возражения Прудона, заставить Ледрю-Роллена обязаться честью в случае, если он будет избран, употребить свою власть на немедленный пересмотр конституции, на признание права на труд и на отмену президентства; эта предосторожность, говорит Прудон, имела тройкий недостаток: она была противна конституции, невыполнима и в высшей степени вздорна.

Ввиду упорства Горы поддерживать кандидатуру Ледрю-Роллена, Прудон нашёл нужным отказаться от воздержания и кандидатуре Ледрю-Роллена противопоставил кандидатуру Распайя. Так как, во что бы то ни стало, приходилось голосовать, то лучше взять знаменем имя, не олицетворяющее в себе якобинские принципы; он выбрал Распайя, представлявшего социализм гораздо вернее, чем Ледрю-Роллен.

Монтаньяры взбесились и обвинили Прудона и его новую газету *«Народ»* в сеянии раздора в партии в пользу реакции. *«Народ»* защищался, доказывая энергией своих нападок на Луи Бонапарте, что ни в каком случае не состоит в союзе с ним. Так как поэтому Прудона нельзя было упрекнуть в бонапартизме, то его выдавали за приверженца Кавеньяка. Мы уже видели, что в этом была доля правды; так как в республике учредили президентство, то Прудон предпочитал, чтобы президентом не был ни социалист, ни претендент на престол; но он предпочитал бы ещё более, чтобы в республике вовсе не было президента.

Кандидатуру Распайя *«Народ»* защищал следующими соображениями; так как хотят непременно голосовать, то необходимо, по крайней мере, быть твёрдо убеждённым в одном: что кандидат социальной демократии не имеет никаких шансов быть избранным; стало быть, даваемые ему голоса могут поднять цифру абсолютного большинства и таким образом уменьшить шансы Луи Бонапарта, увеличив в той же пропорции шансы Кавеньяка; стало быть, голосовать ли за Распайя или за Ледрю-Роллена, во всяком, значит в сущности голосовать за кандидата умеренной республики.

Но Кавеньяк, июньский победитель, был в это время предметом самой сильнейшей ненависти, и красные монтаньяры не были расположены соглашаться с подобными доводами. *«Народ»* был предан проклятию и отлучению от демократии, и Прудон долгое время казался подозрительным значительному числу социалистов.

Приведём суждение Прудона об избрании 10-го декабря.

“ «Я более полугода не мог отыскать философского смысла избрания Луи Бонапарта в президенты Республики. Все события, свершившиеся с февраля, подходили под исторический закон; одно это не подходило. Это не было рациональным оборотом дела; это было создание избирательной прихоти; это была легенда, миф, разумной причины которого я не мог найти, не мог логически объяснить его, словом, не понимал его. Решений

провидения нельзя оспаривать; против бога нельзя рассуждать»

«... Что касается до меня, то я прямо объявляю, что причина моей оппозиции Луи Бонапарту до и после его избрания, заключалась ни в чём ином, как в этом невольном неведении, в котором я так долго пребывал. Что мне сделал Луи Бонапарт? Никакой обиды я от него не имел. Напротив, он был со мной предупредителен, и в наших частных отношениях я остался у него в долгу по части вежливости. А между тем, едва заговорили о его кандидатуре, как я принялся искать разгадку этой задачи и, не находя её, почувствовав, что этот человек, несмотря на славу своего имени, антипатичен мне, враждебен мне ...»

«Как! Говорил я, вот тот, кого Франция, эта самозванная царица наций, увлекаемая своими попами, романистами и кутилами, избирает в свои главы ради его имени, как покупатель, покупающий товар, увлекшись объявлением! Мы, так нарочно, точно храбрысь перед судьбой, избираем династа, претендента, принца! Уже поговаривали, что не будут ждать истечения четырёх лет для пересмотра конституции, чтобы продлить власть Луи Бонапарту. Этим власть президента приближали к монархической власти, облегчали ей этот переход подготавливали реставрацию...»

«Таким образом я горячился против воображаемой опасности, казавшейся мне логическим последствием избрания Луи Бонапарта»

Далее, напомнив причины, заставлявшие его предпочитать Кавеньяка, Прудон продолжает:

“ «Я признаю теперь, что все эти причины могли иметь тогда некоторый вес; но они были далеко ниже той высокой мудрости, которая, побуждая массы к избранию, внушала им подавать голос за Луи Бонапарта. Но в то время все обстоятельства сложились так, чтобы затемнить нам рассудок»

« ... Вот почему я всеми силами противился кандидатуре Луи Наполеона. Я воображал, что делаю оппозицию Империи, а между тем, несчастный! я ставил препятствие революции»

«Говоря откровенно, я охотно стал бы поддерживать до 10-го декабря кандидатуру Луи Бонапарта, а после 10-го декабря – его правительство, если бы он мог сказать мне, ради чего, во имя какого принципа, в силу какой исторической, политической или социальной необходимости, он был

сделан президентом республики, предпочтительно перед Кавеньяком и Ледрю-Ролленом. Но правители представляют управляемым угадывать всё самим, а я, при всей моей доброй воле, чем больше думал, тем больше недоумевал ... Чтобы найти разгадку этой задачи, мне нужно было свидетельство самого Луи Бонапарта»

«Франция, сказал он, не помню когда, и не помню где, *Франция избрала меня, потому что я не принадлежу ни к какой партии!* ...»

Перевод: Франция избрала меня, потому что не хочет больше никакого правительства.

“ «Да, Франция избрала Луи Бонапарта в президенты Республики, потому что утомлена партиями, потому что все партии умерли, потому что вместе с партиями умерла сама власть и остаётся только похоронить её ... Избрание Луи Бонапарта было самоубийством партии, способствующих его торжеству, последним вздохом правительственной Франции ... Прекрасно, Бонапарт, делай своё дело умно и, если возможно, ещё доблестнее, чем Луи Филипп. Ты будешь последним правителем Франции».

Возможно ли, спрашиваем, обставить идею справедливую большими софизмами и большим пустозвонством? А между тем, сама по себе, эта идея заключает в себе много правды. Прудон хочет сказать, что предание власти в руки Луи Бонапарта и восстановление Империи, которое должно было быть неизбежным последствием этого, не могли спасти буржуазию от социальной революции; что это новое воплощение правительственного принципа могло привести только к новому доказательству его бессилия.

Но сколько нелепости припутано к этой простой и верной мысли! Главный источник их – это мания Прудона требовать, чтобы всё в истории было непременно рационально. Туман гегелевской метафизики помрачает его разум, и он не видит различие, которое необходимо делать. Конечно, в истории всё имеет смысл, всё объяснимо; самые загадочные явления имеют в конце концов причины, которые можно указать. До сих пор Прудон прав, и, если бы он ограничился объяснением избрания Луи Наполеона, против него нечего было бы сказать. Но он недовольствуется этим; всякое событие, которое *объяснено*, делается в его глазах вследствие этого *рациональным оборотом дела*, актом *высокой мудрости масс*, вдохновением *общей мысли*; и пошла интрига ловких бездельников превращается в необходимую фазу истории человечества, оправдывается, узаконяется, освящается; философ, до того ослеплённый, что с первого раза не понял всего значения *рационального оборота дела*, приносит покаяние и признаёт, что борьбой против избрания 10-го декабря он ставил *препятствие революции!*

Здесь Прудона покидает даже его обычная проницательность. Довольный, что нашёл метафизический комментарий на двусмысленную фразу негодяя, которому Франция вверила свои судьбы, он чувствует себя совершенно спокойным на его счёт и называет уже воображаемой опасностью тревожную перспективу, открытую избранием 10-го декабря.

XII. Народный банк

Избрание 10-го декабря лишило социализм на время, более или менее долгое, надежды овладеть властью. Прудон нашёл, что настала минута перейти от теории к делу. В длинном ряде газетных статей он подробно развил свои мысли о даровом кредите, т. е. об организации банка без капитала, способного поэтому понизить процент до размеров, необходимых лишь на покрытие административных расходов; мысль эта была вполне осуществима; стоило только найти достаточное число лиц, которые согласились бы пуститься в предприятие. Прудон принялся за дело, и в январе 1849-го года открыл контору *Народного Банка*.

В первой части мы разобрали теорию дарового кредита; поэтому было бы лишним входить здесь в подробности устройства Банка, директором которого сделался Прудон. Скажем только, каких результатов ожидал он от этого кредитного учреждения.

Во-первых, по его мнению, учреждение Народного Банка было актом в высшей степени революционным, потому что ничего не требовало от правительства, являлось результатом частной инициативы нескольких граждан. Народный Банк отрицал власть тем, что обходился без неё и был таким образом воплощением антиправительственной идеи.

Точно также обходясь без капитала, Банк отрицал этим капитал; и, если бы договор взаимности, заключённый между участниками, которые им пользовались, распространился на всех граждан, капитал потерял бы своё царство вследствие общего уничтожения процента и ренты.

Таким-то иллюзиям предавался Прудон в предположении, что социальная задача сводится на простой вопрос обращения продуктов, и что учреждение Банка дарового кредита достаточно для ниспровержения неприступных оплотов собственности.

“ «Народный Банк, говорит он, давая пример народной инициативы для правительства и для общественной экономии, которые отождествлялись отныне в общем синтезе, становился для пролетариата принципом и вместе с тем орудием освобождения; он создавал политическую и промышленную свободу. И так как всякая философия, всякая религия есть метафизическое или символическое выражение социальной экономии, – Народный Банк, меняя материальное основание общества, полагал этим начало философской и религиозной революции; так, по крайней мере, понимали его основатели»

Но что же вышло? Через три месяца правительство затеяло против Прудона процесс по печати, и он был приговорён на три года в тюрьму. Народный Банк, оставшись без директора, был ликвидирован к великому торжеству реакционеров.

Они ужасно боялись его, говорит Прудон. Если они действительно боялись, то это не делает чести их уму; немного надо было проницательности, чтобы понять, что Народный Банк не может освободить пролетариат. Он мог бы служить впоследствии, с некоторыми изменениями, полезным орудием в освободительном обществе работников; но среди буржуазного общества он был обречён на бесплодие.

Как бы то ни было, Прудон остался в убеждении, что практическая борьба, предпринятая им на почве кредита, непременно произвела бы социальную революцию без потрясения, если бы его заключение не помешало делу. В своей *Исповеди* он говорит, что не отступает от своего намерения и считает дело только отсроченным. Он заключает так:

“Три месяца, январь, февраль и март 1849-го года, в течение которых принцип дарового кредита, был если не осуществлён и развит, то, по крайней мере, сформулирован, сделан наглядным и пущен в общественное сознание Народным Банком, были лучшим временем моей жизни. Каково бы ни было моё будущее, я буду считать их временем самой славной моей деятельности. Вокруг Народного Банка, как центра операции, организовалась бы на мирном деловом поприще бесчисленная промышленная армия, вне сферы интриг и политических волнений. Это был бы поистине новый мир. Обетованное общество, привитое к старому, которое оно мало-помалу преобразовало бы с помощью принципа до тех пор тёмного. Несмотря на глухую вражду соперничающих школ, несмотря на равнодушие партии монтаньяров, погруженных в политику, число участников Народного Банка дошло в 60 тысяч душ. А газеты буржуазной политической экономии, судящие коммерческое предприятие по числу его пайщиков, а не по размерам его сбыта и практики, осмеливались издеваться над отсрочкой, вынужденной вследствие невольного удаления директора! Что могли бы сделать 20 тысяч производителей, которые сосредоточили бы обращение всех производимых и потребляемых ими ценностей, сохраняя притом каждый свою свободу действия и свою личную ответственность!»

Мы, со своей стороны, в заключение сошлёмся на сказанное нами о Народном Банке в IV-й главе первой части этой книги.

XIII. 13-е июня

Одним из первых дел президента Луи Бонапарта была римская экспедиция с целью вернуть папе светскую власть, которой его лишила Римская Республика 16-го апреля 1849-го года. Учредительное Собрание, по предложению правительства, решило послать французскую армию в Чивитавеккью. Монтаньяры протестовали и объявили, что это нарушение конституции. Луи Бонапарт и реакционное большинство не обращали внимание на эти декламации; они не могли допустить низложения папы; государство солидарно с церковью; они это чувствовали и знали, что падение папы повлечёт за собой падение короля или диктатора. Следовательно, французское правительство, посылая своих солдат восстанавливать Пия IX-го на престоле, лишь повиновалась собственному принципу.

По Прудону, помощь, оказанная папе иноземными штыками, была для папства смертельным ударом; церковь сама налагала на себя руки, призывая на помощь французские полки. Восстановленное саблей, облитое кровью своих подданных папство делалось предметом ужаса для всего христианского мира и должно было умереть от своей победы.

«После взятия Рима французской армией, говорит Прудон, падение папства не подлежит уже сомнению, а за ним рано или поздно, должен пасть и католицизм»

Однако, хотя таким образом римская экспедиция должна была в конце концов обратиться на пользу Революции, её нельзя было пропустить без протеста. Социально-республиканская партия делала по этому поводу сильнейшую оппозицию правительству, и Прудон, издававший тогда *«Народ»*, принял участие в этой борьбе.

“Я противился этой экспедиции, говорит он, и теперь ещё протестую против неё со всей энергией моей мысли, потому что мыслящий человек никогда не должен покоряться судьбе».

Между тем, Национальное Собрание разошлось, и предстояли выборы в Законодательное Собрание. Они совершились 13-го мая 1849-го года и дали около четырёх пятых реакционеров всех цветов на одну пятую социальных республиканцев.

При самом открытии нового парламента Ледрю-Роллен, в то время признанный предводитель монтаньяров, внёс от имени своих политических единомышленников требование предать суду президента Республики и его министров, как виновных в нарушении конституции вмешательством в римские дела в пользу папы. Для поддержания этого требования была устроена народная манифестация, по образцу манифестации первых месяцев 1848-го года. 13-го июня народ был призван собраться у Консерватории, чтобы оттуда идти в Собрание. Что задумывали организаторы манифестации? Предполагали ли они просто представить Собранию петицию или надеялись произвести против Законодательного Собрания второе 15-е мая? Ответить на это трудно; во всяком случае, манифестация не могла дать полезного результата. Со времени июньской резни парижский пролетариат, истреблённый казнями и ссылками, не был расположен строить баррикады. При первом появлении войск толпы манифестантов рассеялись; было произведено несколько арестов, и в результате вышло, что Законодательное Собрание постановило не предание суду Луи Бонапарта и его министров, а дозволение преследовать судебным порядком Ледрю-Роллена, который поспешил убежать в Англию.

Однако неудача 13-го июня, довершившая поражение монтаньяров, поставила власть в затруднение. Она ещё раз победила социалистов, и теперь ей приходилось произвести экономическую реформу, обещанную февральской революцией.

“ «Победа 13-го июня, говорит Прудон, поставила партию порядка в необходимость на что-нибудь решиться. Если правительство ничего не сделает, оно падёт; если оно что-нибудь сделает, ему придётся отречься, потому что сделать что-нибудь оно может только против капитала и против самого себя, словом, против принципа власти. Наложение капитала и уничтожение власти – таково окончательное решение дилеммы, поставленной избранием 10-го декабря, развитой с ужасающей энергией министрами Луи Бонапарта и перешедший в дело манифестацией 13-го июня»

Прудон судил справедливо; но, как часто бывает с современниками, события, требовавшие для своего развития долгого времени, представлялись ему в слишком близкой перспективе. Конечно, эта последняя борьба между властью и свободой не могла иметь другого конца, кроме торжества социальной революции; но прежде предстояло пережить закон 31-го мая, переворот 2-го декабря, восемнадцать лет Империи, увидеть новое выражение социализма Коммуне, президентство Тьера и Мак-Магона. Только нашему поколению суждено было воочию увидеть окончательное банкротство правительства и буржуазного общества.

Заключение

В последней главе своей исповеди Прудон снова напоминает тот справедливый принцип, который служил ему исходной точкой, и доказывает, что революция сверху, посредством правительства, есть неосуществимая утопия, противоречие; что революция сделалась исторической необходимостью, но правительство или, другими словами, партии, оспаривающие друг у друга власть, неспособны совершить её; и что поэтому революция есть ничто иное, как уничтожение правительства и смерть партий.

Не забудем, что Прудон провозглашал с такой энергией близкое падение старого мира и неизбежное торжество нового принципа во второй половине ужасного 1849-го года, когда вся Европа была предана оргиям самой дикой реакции, когда социализм и революция казались навсегда раздавленными под пятой нового священного союза. Он заслуживает признательности, за то, что так громко провозглашал это и за то, что не отчаялся в будущем.

Вот как судил он в октябре 1849-го года о положении партий и о будущем революции:

“Люди, которые в настоящую минуту ещё держат знамёна партий, добиваются власти и подстрекают её, воюют справа и слева против революции – эти люди не живы, это мертвецы. Они не управляют и не делают оппозиции правительству, они празднуют мимической пляской собственное погребение»

«Социалисты, которые не посмели овладеть властью, когда она могла достаться первому смельчаку, которые потеряли три месяца в клубных интригах, в кружковых и сектантских сплетнях, в полоумных манифестациях; которые потом пытались доставить себе официальное признание, вписав в конституцию право на труд, не указывая средств обеспечить его; которые теперь, не зная за что взяться, ещё мутят умы нелепыми и недобросовестными проектами, неужели эти социалисты имеют ещё претензию управлять миром? Они умерли, они проглотили языки, как говорят крестьяне. Пусть же они мирно покоятся в ожидании, пока их призовет к жизни наука, которая им чужда»

«А якобинцы, демократы, любители правительства, которые восемнадцать лет провели в заговорах, не изучив ни одного вопроса общественной экономии, которые четыре месяца имели в руках диктатуру и не извлекали

из неё ничего, кроме ряда реакционных волнений и в заключение, ужасного междоусобия; которые и теперь ещё, говоря постоянно о свободе, все мечтают о диктатуре – неужели они не умерли и не заколочены в своих гробах? Когда народ создаст себе новую философию и новую веру; когда общество будет знать, откуда вышло и куда идёт, что может и чего хочет, тогда, только тогда демагоги вернутся, не для того, чтобы управлять народом, а для того, чтобы снова вдохновлять его страстью»

«Умерли и доктринёры; люди пошлой золотой середины, приверженцы так называемого конституционного порядка испустили последний вздох на заседании 20-го октября, после того, как 16-го апреля республиканское собрание постановило произвести опыт доктринёрского папства. И чтобы эти люди ещё управляли нами! Они показали себя. И в политике, как и в философии есть только один способ делать эклектизм. Хартия 1830-го и дела правительства Луи Бонапарта истощили всю плодovitость золотой середины»

«Наконец и абсолютистская партия, первая в логике и в истории, не замедлит скончаться вслед за прочим, в корочах своей кровавой и свободоубийственной агонии. После побед Радецкого[125], Удино[126], Гайнау[127] принцип власти, как духовный, так и светский, разрушен. Абсолютизм теперь не управляет, а убивает. Европу давит только тень тирании; вскоре взойдёт и закатится лишь с последним человеком Солнцу Свободы».

Что же делать? Не впадать в старые заблуждения; не обращать социализм в правительственную партию; воспользоваться, напротив, тем, что теперь всякому правительству так трудно жить и действовать, чтобы воззвать к непосредственной инициативе народных масс, вне всякой политической опеки. Раз что правительство, как принцип умерло, народ сам властен над собой; пусть же он действует; судьба его зависит от него самого.

“ «Довольно горя, довольно развалин! Воскликает Прудон в заключение: – Мы смели все партии, всякое правительство. Предание приходит к концу; народу стоит открыть глаза; он увидит, что свободен!»

Примечания

[1] Пирумова Н. М. Социальная доктрина Михаила Бакунина. М., 1990. С. 237.

[2] Там же. С. 242-243.

[3] Там же. С. 243

[4] Нечто внутренне присущее какому-либо предмету, явлению, процессу.

[5] Сообразующийся исключительно с практической выгодой или пользой

[6] Первый Интернационал

[7] Первое издание помечено: «июль 1851-го, тюрьма Консержерн» (прим. авт.)

[9] В смысле «среды», «рабочего союза» или по совр. «профсоюза». Гильом часто использует это слово в своих трудах.

[10] Алексис-Шарль-Анри Клерель, граф де Токвиль – французский политический деятель, лидер консервативной «Партии Порядка», министр иностранных дел Франции (1849). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке» (2 тома, 1835, 1840).

[11] Политический режим во Франции, существовавший с 1795-го по 1799 год. Директория представляла собой коллективного главу государства в лице пяти директоров, избиравшихся Советом старейшин из кандидатов, выдвигавшихся Советом пятисот.

[12] Период бонапартистской диктатуры в истории Франции с 1852 по 1870 годы.

[13] Имеется ввиду франко-прусская война 1870-1871 годов

[14] Ставленник влиятельного лица, послушный исполнитель воли своего покровителя.

[15] Луи Филипп I – король французов с 1830го по 1848-й год, отражал интересы финансовой элиты, жестко боролся с беспорядками и революционными настроениями в обществе. При нём Франция подчинила Алжир.

[16] Республиканский период истории Франции с 1848-го по 1852-й годы. В результате выборов к власти пришёл Наполеон III, который начал осторожно подготавливать восстановление империи. В целом, период характеризуется сильным консерватизмом, сопровождавшимся полицейским контролем, клерикализмом, скандалами между президентом-популистом и реакционным законодательным собранием.

[17] Имеются ввиду «санкюлоты» - крайне левые группы городской и отчасти сельской бедноты, в одно время поддерживавших Робеспьера, в числе которых были «эбертисты» и «бешенные» - группа, находившаяся в тактическом союзе с Якобинцами. В «Великой Французской Революции» Пётр Кропоткин «бешенных» называет «предшественниками анархистов», «народными коммунистами»

[18] Дантонисты - правое крыло якобинцев, группировавшееся в 1793—1794 вокруг Ж. Ж. Дантона (одного из вождей якобинского клуба), который постепенно становился притягательным центром для «новых богачей», недовольных политикой революционной диктатуры Робеспьера, который стал причиной раскола.

[19] Гора, или монтаньяры - демократическая группировка конвента, политическая партия, входившая в якобинский клуб, вождём которой был Дантон

[20] Намёк на обвинение, взведённое в 1848-м на Бланки газетой г. Тамеро (прим. авт.)

[21] Шатель - священник, изобретатель новой религии в 1848-м. (прим. авт.)

[22] Жан Батист Каррье - один из самых жестоких комиссаров Конвента

[23] Фукие-Тенвиль - общественный обвинитель Революционного трибунала

[24] Камиль Демулен - один из лидеров кордильеров (клуб, в своих принципах сходившийся с якобинцами, но желавший в более обширных размерах осуществить понятия о свободе и равенстве, создать демократию на самой широкой основе), республиканец, в Конвенте принадлежал к партии Горы. Казнён в период террора.

[25] Закон от 22-го прериала второго года (по революционному календарю) - Закон о реорганизации революционного трибунала, упрощавший судопроизводство и вводивший понятие «враг народа», основным наказанием трибунала была казнь. Закон положил начало эпохе Большого террора.

[26] Оноре Габриель Рикети Мирабо - автор декларации прав человека и гражданина, выступал за конституционную монархию по образцу Великобритании, один из членов клуба фельянов - клуба либеральных монархистов.

[27] Антуан Барнав - сторонник конституционной монархии, один из членов клуба фельянов.

[28] Жером Петион де Вильнёвс - жирондист, мэр Парижа

[29] Имеется ввиду Нансийский мятеж - военный мятеж солдат королевской армии 31-го августа 1790-го года, за два года до свержения монархии. Подавлен силами учредительного собрания

[30] Имеются ввиду мирные демонстранты на Марсовом поле 17 июля 1791-го года, требовавшие отречения короля Людовика XVI-го.

[31] Мы полагаем, что термин *mandat impératif* буквально по-русски лучше всего передать выражением *условное полномочие*, так как оно всего вернее передаёт его смысл; здесь полномочие даётся на *условии* действовать в определённом заранее указанном направлении. (прим. пер.) В современном русском обычно используют слова «императивный мандат».

[32] (Римский) форум – место в центре города, где собирались граждане, чтобы решать политические вопросы.

[33] 17-го июня 1789-го года депутаты третьего сословия Генеральных штатов, поддержанные низшими слоями духовенства и дворянства, провозгласили себя Национальным собранием.

[34] Восстание 31-го мая – 2-го июня 1793-го года, в ходе которого были свергнуты жирондисты силами парижских санкюлотов, якобинцев и монтаньяров, в результате чего власть сконцентрировалась в руках Комитета Общественного Спасения. Началась эпоха Большого террора.

[35] Мориц Риттингаузен (1814-1890) - немецкий адвокат, политик-социалист и теоретик прямой демократии, один из основателей социал-демократической рабочей партии Германии.

[36] Комиция – место на римском форуме, где происходили народные собрания

[37] Имеется ввиду Вторая республика (1848-го – 1852-го годов)

[38] Жак-Бенинь Боссюэ (1627-го – 1704-го годов) – французский проповедник и богослов, писатель, епископ Мо.

[39] Имеется ввиду учётная ставка или проценты по кредиту

[40] Долг, появляющийся вследствие займа денег, для погашения других долгов.

[41] У Прудона сказано «недвижимость», мы заменили это слово «землёй», чтобы избежать всякого смешения с недвижимостью, состоящей в строениях. (прим. авт.)

[42] Стоимость, создаваемая неоплаченным трудом наёмного рабочего сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемая капиталистом.

[43] В западных странах под этим словом имеют ввиду «бесправных», слово произошло от названия индийской касты неприкасаемых.

[44] С какой стати является тут отношение между заработной платой и ответственностью? Очевидно, потому что ответственность влечёт за собой денежные взыскания. Но тут мы попадаем, стало быть, опять в личную собственность. Вообще во всём этом прудоновском плане преобразования собственности господствует неразрешимая путаница понятий (прим. авт.).

[45] Какая прибыль может быть у товарищества, которое воспретило себе наживать барыши, и обязалось продавать свои продукты и услуги по цене стоимости? (прим. авт.)

[46] Прибавочная стоимость или излишек, который в некоторых случаях платят за монету, денежные знаки или гос. облигации сверх их номинальной цены. Например, если за серебрянный рубль платили ассигнациями 1 рубль и 4 копейки, то эти 4 копейки составляли ажио, который обычно составляет 5% от полной цены.

[47] Коммунисты-государственники, в особенности марксисты

[48] Меновая ценность – ценность, определяющееся степенью полезности товара и объемом затрат, необходимых для его получения.

[49] Потребительная ценность или полезность – ценность, определяющаяся сугубо способностью удовлетворять потребности.

[50] неосуществимое

[51] «Исповедание веры Савойского викария» - отрывок из произведения Жан-Жака Руссо, в котором он подвергает критике церковь, догматизм и иерархии. В данном тексте Руссо не высказывается напрямую, а использует литературную хитрость, заставляя молодого викария Савойи говорить. Вопреки католической догме и чистому разуму, чувства, самоанализ, самосознание основывают естественную религию, близкую к теизму, инструмент истинной морали.

[52] Массовая бедность, нищета.

[53] лат. «участвуют в суде (судимы), но не сознались»

[54] Пьер-Франсуа Ласнер – французский поэт, вор и убийца. Критиковал карательную систему за то, что она не исправляет преступников, а умножает преступность. Стал культурным феноменом Франции середины XIX-го столетия. Достоевский о нём писал, что он человек «оправдывая свои преступления, Ласнер писал стихи и мемуары, доказывая в них, будто он «жертва общества», мститель, борец с общественной несправедливостью во имя революционной идеи, якобы подсказанной ему социалистами-утопистами».

[55] Имеется ввиду за счёт «коммуны», общества.

[56] В этих строках мы резюмировали отчёт, который должен был быть представлен Обществом социальных исследований Парижскому международному Рабочему Конгрессу 1870-го года, несостоявшемуся, вследствие известных политических событий (прим. авт.) – Имеется ввиду Франко-прусская война и революция в Париже.

[57] Первая антифранцузская коалиция 1792-го – 1797-го годов, в 1793-м году, Великобритания и Россия подписали конвенцию о помощи в военной или экономической борьбе против Франции. В коалицию входили практически все соседи Франции и некоторые дальние страны.

[58] Или дельфийский союз – название союза греческих племён, живших по соседству со святилищем общего высшего божества, объединившихся для его защиты и общего жертвоприношения.

[59] Стоит отметить также и Корсику с французской Фландрией (окрестности Дюнкерка).

[60] Александр Огюст Ледрю-Роллен (1807-1874) – левый республиканец (неоякобинец), один из вождей мелкобуржуазной демократии, в 1848-м был выбран членом временного правительства.

[61] Гильом далее приводит политическую обстановку во Франции и французские же названия для партий и идеологий середины XIX-го века.

[62] Доктринёры – умеренный либерально-буржуазный кружок периода реставрации Бурбонов и июльской монархии (1814-1830), выступавший за конституционную монархию и против дворянской и клерикальной реакции. В современном смысле слова, представляют умеренный либерализм.

[63] Скорее всего, имеется в виду праздник федерации (Революции), который в 1790-м году отмечался впервые и на который в Париж съехались многие люди из провинций, и после принёсшие дух революции в свои регионы.

Федераты (от названия праздника) – добровольцы в Национальную гвардию, в 1792-м году, на третьем празднике Федерации, они из защитников конституционной монархии, стали движущей силой республиканской революции.

Скорее всего Прудон перепутал дату – 1791-й и 1792-й.

[64] Возвращение Людовика XVI и его семьи 20-21 июня 1791 года. Король, неудачно, попытался сбежать в лагерь роялистов, и тем самым предал народ.

[65] Скорее всего, имеются в виду указы от избирателей, имевшиеся у депутатов, которые должны были следовать им («вопрос возбуждался только тогда, когда он был включён в особый наказ»), или увеличение числа депутатов от третьего сословия в Генеральных штатах.

[66] Младший брат Людовика XVI-го, король с 1824-го по 1830-е года, в 1830-м году он пытался всеми силами остаться на престоле, в том числе и незаконными, свергнут в результате июльской революции. Скорее всего тут описывается случай изгнания Карла X-го в 1830-м году, а не в 1789-м.

[67] Луций Корнелий Сулла – древнеримский военачальник I века до нашей эры, бессрочный диктатор «для написания законов и укрепления республики», организатор кровавых проскрипций и реформатор государственного устройства. Запомнился как кровавый тиран, добровольно отказавшийся от неограниченной власти. Идеальный предшественник римских императоров.

[68] Пьер Каземир Перье – банкир, консерватор, премьер-министр Франции с 1831 по 1832 года, возглавлял кабинет министров июльской монархии.

[69] Жильбер Лафайет – либерал, участник трёх революций – американской, 1789 и 1830 годов, во время июльской революции он был членом муниципальной комиссии, исполнявшей обязанности временного правительства, выступал за Луи Филиппа, и считал, что Франция ещё не готова для республики. Впоследствии, разочаровавшись в нём, выступал против Луи.

[70] Жак Лаффит – банкир, премьер-министр Франции, с 1830-го по 1831-е года возглавлял кабинет министров июльской монархии.

[71] Жак-Шарль Дюпон де л'Эр – либерал, был депутатом совета пятисот, был вице-президентом парламента во время ста дней возвращения Наполеона в 1815, министр юстиций при июльской монархии, вскоре отошедший из-за консерватизма новых властей, в течении трёх месяцев 1848-го года был премьер-министром Франции и возглавлял кабинет министров.

[72] Шарль Морис де Талейран-Перигор - политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. Известный мастер политической интриги. Имя «Талейран» стало едва ли не нарицательным для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

[73] Адольф Тьер – либеральный политик, при Июльской монархии — несколько раз премьер-министр Франции. Первый президент Третьей республики. Один из влиятельнейших людей Франции середины XIX-го века

[74] Андре Дюпен – сторонник Луи Филиппа, с 1832-го по 1840-й президент палаты

[75] Франсуа Гизо – идеолог либерального консерватизма, депутат Национального собрания с 1828-го по 1848-й, глава правительства с 1847-го по 1848-й год.

[76] Одилон Барро - депутат национального собрания, с 20 декабря 1848 года по 31 октября 1849 года будучи премьер-министром, возглавлял кабинет министров Второй республики.

[77] Установления в 1799-м году режима консульства Наполеона Бонапарта и разгон народных представителей им же.

[78] лат. «Через правильное и неправильное».

[79] Гамен – одно из имён Гавроша из романа Виктора Гюго «Отверженные», уличный мальчик-бродяга.

[80] Намёк на собственную теорию *дарового кредита* (прим. авт.)

[81] На банкете, данном в честь господина Гизо его избирателями в городе Лизье, он изрёк знаменитое изречение: «Обогащайтесь!» (прим. авт.)

[82] фр. Canaille – мерзавец.

[83] В оригинальной книге «Исповедь революционера» глава называется «17-е Марта: Реакция Луи Бланки»

[84] лат. «не можем», формула категорического отказа

[85] Альфонс де Ламартин – министр, избранный, в 1833 году, в палату депутатов, он объявил себя независимым консерватором. В политике он, прежде всего, моралист, в социальных вопросах — проповедник прогресса и религиозной терпимости, защитник свободы и пролетариата, но в 1848-м году выступил против этого самого пролетариата.

[86] Список депутатов, взятых из умеренной республиканской газеты «Le National», которая во времена монархии была главным противником режима Луи Филиппа.

[87] Жюль Бастид – политик, публицист, участвовавший в газете «Le National» и издании собственной, весьма яркой радикальной христианско-социалистической окраски, газеты «Revue nationale». В 1848-м году стал депутатом учредительного собрания, министром иностранных дел, морским министром, но играл там незначительную роль.

[88] Арман Марра – главный редактор газеты «Le National», в 1848-м году стал членом временного правительства, где примкнул к умеренным, стал мэром Парижа, в этой должности обнаружил большую энергию при организации городской полиции, в особенности тайной, устроил надзор за всеми своими товарищами по правительству и мало стеснялся в расходовании общественных сумм; противился всем мероприятиям в пользу рабочих, которые предлагались Луи Бланом. Избранный членом учредительного собрания, он занял в нём, в августе 1848 г., пост президента, который и сохранял до роспуска собрания в мае 1849 года.

[89] Луи Огюст Бланки (1805-1881) – участник политических обществ и заговоров; Стал идеологом левого революционного течения – бланкизма, суть которого заключалась в отстаивании необходимости создания узкой тайной иерархической организации, ставящей своей задачей свержение существующего режима путём внезапного вооруженного выступления и установление временной диктатуры революционеров, которая заложит основы социалистического порядка, после чего власть должна быть передана народу. В 1839-м году произошла неудачная попытка бланкистского переворота.

[90] Фердинанд Флокон – политик, министр 1848-го года, в 1845-48 годах был редактором газеты «Reforme». Будучи редактором, печатал статьи Прудона, Бакунина, Пёкера (христианский социалист, реформист), Маркса и Энгельса.

[91] Александр Мартен, более известный как «рабочий Альбер» - деятель рабочего и социалистического движения, политик и революционер, соратник Луи Блана. Первый представитель промышленного рабочего класса, вошедший в состав правительства. Вскоре разочаровался в нём и встал на сторону Бланки и Армана Барбеса, но потерпел поражение –

выступление 15-го мая было подавлено.

[92] Арман Барбес - левый политик и революционер, идейно близкий к Бланки, но имевший резкое о нём мнение, участник Бланкистского заговора 1839-го года. В 1848-м году стал президентом объединявшего рабочих, мелкую буржуазию и революционную интеллигенцию «Клуба Революции», был назначен полковником 12-го легиона парижской Национальной гвардии и выбран депутатом от Одского департамента в Учредительное собрание. Несмотря на то, что он поддержал правительство, он стал в числе главных лидеров манифестации 15-го мая вместе с Бланки и Альбером, которая потерпела поражение.

[93] Поль де Флотт – военно-морской деятель и писатель, исследователь, изобретатель. В 1841-1846 годах служил у берегов Вест-Индии и Африке. В 1843-м году увлёкся социализмом и стал горячим проповедником доктрины Фурье.

[94] В оригинальной книге «Исповедь революционера» глава называется «16-е Апреля: Реакция Ледрю-Роллена»

[95] Возможно, имеются ввиду циркуляры, отправлявшие комиссаров в провинции свергать местную власть, насаждать революцию и бороться с контрреволюцией. В итоге, в правительстве образовалась сильное умеренное течение против самого Ледрю-Роллена и его якобинских замашек.

[96] Луи Антуан Пажес, прозванный Гарнье-Пажесом – министр и депутат, умеренный республиканец, боровшийся более с радикалами, чем с монархистами. Чтобы спасти государство от неминуемого банкротства, не прибегая к выпуску бумажных денег, к принудительному займу или конфискации имущества Орлеанов (династия Луи Филиппа), он решился на повышение налогов, нанесшее тяжёлый удар своего популярности.

[97] Дворец французских королей в центре Парижа, основная резиденция последних королей Франции.

[98] Секции Парижа – муниципальные единицы города с большой автономией, своим гражданским комитетом, который мог заниматься политическими вопросами и быть посредником между гражданами и мэрией, и часто даже имел свои войска. Впервые появились в 1790-м, после этого подавлены в 1795-м.

[99] 23-го августа 1793-го года утверждён декрет Конвента о всенародном ополчении и всеобщей мобилизации.

[100] Эрнест Легуве – прозаик и драматург, через 7 лет член Французской академии, известен тем, что организовывал лекции затрагивал не только литературные вопросы, но и вопросы о влиянии женщин на семейную и общественную жизнь.

[101] лат. «Боже, спаси республику».

[102] Республиканский префект полиции (прим. авт.).

[103] Арман Каррель – один из основателей газеты «Le National». 22 июля 1836 г. Каррель был смертельно ранен на дуэли с Эмилем Жирарденом, вызванной нападениями Карреля на спекулятивный характер журнальной деятельности Жирардена.

[104] La Democratie pacifique – орган школы Фурье.

[105] Панург – один из героев сатирического романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Панург обрисован очень изворотливым и пронырливым; он не пренебрегает плутнями, даже воровством, хвастает своей храбростью, а при случае первый трусит, отличается цинизмом и бесстыдством, думает лишь о своём благополучии, ведёт беспорядочную жизнь, лишён идеальных влечений, порой выказывает жестокость. Но, с другой стороны, он олицетворяет здравый смысл, наделён юмором и сатирической жилкой, искусно подмечает и осмеивает людские слабости.

[106] «очень грязное, запущенное место», царь Авгий поручил вычистить свои конюшни Гераклу, что стало одним из его подвигов.

[107] Не стоит путать с герцогством Люксембург. Имеется ввиду либо шестой округ (Люксембург) Парижа, либо Люксембургский дворец

[108] В оригинальной книге «Исповедь революционера» глава называется «15-е мая: Реакция Бастида и Марра».

[109] Франсуа Араго – физик, астроном и политик, он был одним из самых популярных людей во Франции. Избирательной коллегией в Перпиньяне он был выбран в 1831 году членом палаты депутатов, где и примкнул к самой крайней «левой» республиканской оппозиции. Войдя после Февральской революции 1848 года в состав Временного правительства, Араго выполнял одновременно обязанности по военному и морскому министерствам и в то же время состоял членом исполнительной комиссии. Как государственный деятель, Араго твёрдо отстаивал основные пункты государственного строя против социалистических движений и проявил решимость в подавлении Июньского восстания.

[110] Пьер Мари де Сен-Жорж, более известный как господин Мари, полное имя Пьер Александр Тома Эмабль Мари де Сен-Жорж – адвокат, политик, депутат и министр, был в составе временного правительства министром общественных работ. При нём были устроены национальные мастерские.

[111] 13-го июня 1849-го года разогнана организованная левой «партией Горы» манифестация в Париже. Депутаты «Горы» арестованы, её лидер Александр Ледрю-Роллен бежал в Лондон.

[112] Здесь мы должны указать два очевидных противоречия в рассказе. Во-первых, пэры, которых король провёл в деле Барбеса, не могли желать произнести вторичного смертного приговора, потому что должны были ожидать, что он будет опять отменён. Неприятность, которую им причинило помилование Барбеса, должна была скорее заставить их отказаться приговаривать к смерти Бланки; между тем, Пьер Леру представляет их жаждущими его

крови.

Правда, на что можно ответить, что на этот раз, чтобы уговорить их, им могли дать само формальное обещание, что король предоставит Бланки его участи; и действительно, Бланки, как глава заговора, казался более заслуживающим казни, чем Барбес, поэтому можно объяснить себе, каким образом пэры и их президент, герцог Пакье, могли поверить, что получать на это раз удовлетворение, и что Бланки *поплатится за двоих*.

Но здесь то и обнаруживается второе противоречие. По рассказу Пьера Леру, герцог Пакье получил копию с доноса Бланки; стало быть, он знал об условии, заключенном между подсудимым и правительством, знал заранее, что король обещал помилование. В таком случае, необъяснимо, как мог президент палаты пэров согласиться вторично разыграть со своими товарищами роль, против которой они так горячо протестовали первый раз, роль кровожадных судей, неумолимая жестокость которых должна была так выгодно оттенить милосердие короля (прим. авт.)

[113] Заметим, однако, что в своём *Ответе* он формально и прямо отвергает всякое своё участие в приписываемом ему документе (прим. авт.).

[114] «Телохранителями», выражение происходит от преторианской гвардии Римских полководцев.

[115] Ламартин, История революции 1848 года (прим. авт.)

[116] Луи Эжен Кавеньяк – генерал, главный организатор расправы над парижскими рабочими во время подавления Июньского восстания. Диктатура Кавеньяка формально продлилась 3 дня, но после он стал президентом совета министров – фактически главой исполнительной власти – до выборов 10 декабря.

[117] Универсальный Монитор, (*Le Moniteur universel*) – официальный орган правительства, отвечавший в частности за стенограмму парламентских дебатов 1789-1901 годов.

[118] Правда; но это относится к членам Собрания, а не к мятежникам.

[119] Тут уже не говорится об иностранных агентах и о монархических заговорщиках; Кавеньяк признаёт, что мятежники республиканцы; правда вырвалась у него из уст (прим. авт.).

[120] Житель исторического региона «Франш-Конте», откуда родом Прудон.

[121] Сумасшедший дом

[122] объявления лиц вне закона. Термин из Древнего Рима

[123] Франсуа-Венсан Распай - революционер, деятель республиканского и левого движения

[124] премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881—1882 годах.

[125] Йозефа Радецкого – австрийский полководец, который смог победить сардинцев в итальянской кампании (1848-1849), оттянув тем самым момент объединения Италии. Не путать с российским генералом Фёдором Радецким.

[126] Никола Шарль Виктор Удино – генерал, командующий римской экспедицией Франции, которая вернула Папу на трон в Риме.

[127] Юлиус Якоб фон Гайнау – в австрийский военный деятель, фельдцейхмейстер (1849), подавивший, с помощью русских, в 1849-м году венгерское восстание.